

2023. Т. 15. № 3

ISSN 2219-6242 (Print)

Научный журнал
**СОЦИОЛОГИЯ
и право**



ISSN 2219-6242 (Print)

DOI 10.35854/2219-6242

Научный журнал
СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

2023. Т. 15. № 3

Scientific Journal
SOCIOLOGY AND LAW

2023. Vol. 15. No. 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

Заместитель главного редактора

А. Б. ЧЕРНЫХ

доцент кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат социологических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Г. А. о. АГАЕВ

профессор кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. БЕРГМАНН

член ученого совета Европейской академии наук и искусств, руководитель рабочей группы «Наука и образование» форума «Петербургский диалог» с германской стороны, доктор юридических наук, профессор (Берлин, Германия)

А. А. БЕСЧАСНАЯ

профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления — филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. М. БОЕР

профессор кафедры гражданского права Института технологий предпринимательства и права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (Санкт-Петербург, Россия)

С. С. БРАЗЕВИЧ

профессор кафедры международных отношений и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Н. В. БУТЕЛЬ

профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (Санкт-Петербург, Россия)

И. И. ЕЛИСЕЕВА

заведующий сектором Социологического института РАН (филиал ФНИСЦ РАН), доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия)

Н. Н. ЖИЛЬСКИЙ

заведующий кафедрой правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (Санкт-Петербург, Россия)

Е. А. КЕЧИНА

профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета, доктор социологических наук, профессор (Минск, Беларусь)

В. А. КЛИМЕНКО

советник департамента гуманитарного сотрудничества, общеполитических и социальных проблем Исполнительного комитета СНГ, кандидат экономических наук, доктор социологических наук, профессор (Минск, Беларусь)

С. Ю. КОСАРЕВ

профессор Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Я. А. МАРГУЛЯН

профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

А. А. МАРКОВ

заведующий кафедрой международных отношений и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. В. МИШАЛЬЧЕНКО

профессор кафедры государственного и международного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

С. М. ОГАНЕСЯН

профессор кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Н. Н. ПОКРОВСКАЯ

профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Е. В. СИЛИНА

профессор кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российской государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

А. Г. ТЮРИКОВ

руководитель департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета, доктор социологических наук, профессор (Москва, Россия)

В. Б. ШАБАНОВ

заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Минск, Беларусь)

SOCIOLOGY AND LAW 2023. Vol. 15. No. 3

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief

E. V. VOSKRESENSKAYA

Director of the Juridical Institute of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

Deputy Editor-in-Chief

A. B. CHERNYKH

Associate Professor at the Department of Constitutional and International Law of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, PhD in Sociology

EDITORIAL BOARD

G. A. o. AGAEV

Professor at the Department of Public Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

W. BERGMANN

Member of the Senate of the European Academy of Sciences and Arts, Head of the Science and Education task group at the St. Petersburg Dialogue Forum from the German side, Doctor of Law, Professor (Berlin, Germany)

A. A. BESCHASNAYA

Professor at the Department of State and Municipal Administration of the North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

V. M. BOER

Professor at the Department of Law of the Institute of Entrepreneurship Technologies and Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

S. S. BRAZEVICH

Professor at the Department of International Relations and Political Science of the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

N. V. BUGEL

Professor at the Department of Constitutional and International Law of the St. Petersburg Institute (branch) of ARSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

I. I. ELISEEVA

Sector Manager of the Sociological Institute of the RAS (branch of the FCTAS RAS), Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

N. N. ZHILSKIY

Head of the Department of Legal Regulation of Urban-Planning Activities and Transport of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

E. A. KECHINA

Professor at the Department of Sociology of the Belarusian State University, Doctor of Social Science, Professor (Minsk, Belarus)

V. A. KLIMENKO

Advisor to the Department for Humanitarian Cooperation, General Political and Social Problems of the CIS Executive Committee, PhD in Economics, Doctor of Social Science, Professor (Minsk, Belarus)

S. Yu. KOSAREV

Professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Ya. A. MARGULYAN

Professor at the Department of Sociology and Personnel Management of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

A. A. MARKOV

Head the Department of International Relations and Political Science of the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

Yu. V. MISHALCHENKO

Professor at the Department of State and International Law of the St. Petersburg State Maritime Technical University, Doctor of Law, Doctor of Economic Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)

S. M. OGANESYAN

Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

N. N. POKROVSKAIA

Professor at the Department of Public Relations and Advertising of the Herzen University, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

E. V. SILINA

Professor at the Department of Civil Procedure Law of the North Western branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

A. G. TYURIKOV

Head of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Social Science, Professor (Moscow, Russia)

V. B. SHABANOV

Head of the Department of Criminology of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor (Minsk, Belarus)

Редакция

Руководитель издательско-полиграфического центра СПбУТУиЭ О. В. ЯРЦЕВА
Выпускающий редактор В. В. САЛИНА
Редактор-корректор Е. С. ЧУЛКОВА
Компьютерная верстка М. Ю. ШМЕЛЁВ

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»

Адрес редакции и издателя

190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а. Тел.: (812) 449-08-33.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором),
регистрационный номер ПИ № ФС77-67818 от 28.11.2016.

ISSN 2219-6242 (Print)

© Все права защищены.

Сайт журнала: <https://spbume.elpub.ru/jour/>

Типография

Издательско-полиграфический центр
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а

Подписка

Каталог АО «Почта России». Подписной индекс: ПП620

Издается с 2009 г. Периодичность: четыре раза в год. Свободная цена.

По вопросам приобретения обращаться в издательство СПбУТУиЭ

Формат 84×108¹/₁₆.

Дата выхода в свет 17.10.2023.

Бумага офсетная.

Уч.-изд. л. 9,1. Усл. печ. л. 14,49.

Тираж 57 экз. Заказ № 1345.

Уважаемые авторы и читатели журнала!

Журнал «Социология и право» включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Социология и право» обязательна.

Сведения, касающиеся изданий и публикаций, включены в международную справочную систему по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory".

Статьи журнала включены в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в сети Интернет по адресу <https://elibrary.ru/> (научная электронная библиотека) РИНЦ — база данных, содержащая библиографическую информацию, извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы).

Editorial staff

Head of Publishing and Printing Center O. V. YARTSEVA
Managing Editor V. V. SALINA
Copy Editor E. S. CHULKOVA
Pre-Press M. Yu. SHMELEV

Founder and Publisher

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

Official address of the Editorial Office and Publisher

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia. Phone (812) 449-08-33.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Reg. III No. ФC77-67818 28 Nov. 2016.

ISSN 2219-6242 (Print)

© All rights reserved.

Official website: <https://spbume.elpub.ru/jour/>

Printing office

Publishing and Printing Center
of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia

Subscription

Catalogue "Russian Post". Subscription index: PP620

Published since 2009. Frequency: four times a year. Free-of-control price.

For purchase request, contact the publishing house of the UMTE

Format 84×108¹/₁₆.

Release date 17.10.2023.

Offset paper.

Published pages: 9,1. Conventional printed pages: 14,49.

Circulation 57 copies. Order No. 1345.

Distinguished authors and readers of the journal!

The journal "Sociology and Law" is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals, recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of the main scientific dissertations for doctorate and PhD academic degrees.

The point of view of the editorial office may not coincide with the opinions of the authors of the articles.

When reprinting the link to the journal "Sociology and Law" is obligatory.

The information concerning editions and publications is included in the international reference system for periodicals and continuing publications "Ulrich's Periodicals Directory".

The articles of the journal are included in the Russian Science Citation Index (RSCI), available on the Internet by the link: <https://elibrary.ru/> (scientific electronic library) RSCI is the data base, including bibliographic information extracted from the text of articles and article references (list of references).

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>Гетманская Е. В., Чертов В. Ф.</i> «Мягкие навыки» в зарубежных исследованиях: социологические, маркетинговые и образовательные подходы	320
<i>Трунов А. А., Пашетных М. О.</i> Политико-правовые конфликты в период Английской революции 1640–1660 гг.	335
<i>Козлова И. В.</i> Подростки и насильственный экстремизм в интернет-пространстве	345
<i>Мороз Е. В.</i> Формирование гражданских ориентиров социальной компетентности подрастающего поколения (на примере деятельности Санкт-Петербургского отделения Российского движения школьников)	355
<i>Долматов Д. А.</i> Об анализе социодинамики компетенций студенческой молодежи в сфере интернет-технологий и безопасности сетевого поведения ...	367

Право в жизни государства и личности

<i>Бобровничий И. Н.</i> Виктимологические особенности преступлений против собственности в современных условиях	383
<i>Горшков Д. Г., Маюров Н. П., Высоцкий С. А.</i> Актуальные вопросы обеспечения безопасности дорожного движения и исполнения административных наказаний за нарушение правил дорожного движения в России	399
<i>Мишальченко Ю. В., Сулягин С. Д., Мишальченко М. Ю.</i> Публичные и международные правовые и экономические аспекты развития Союзного государства России и Белоруссии в условиях санкций	409
<i>Шабалина Е. И., Набеев Р. Р.</i> Контроль как функция государства	417
<i>Денисовский М. О.</i> Особенности оспаривания сделок должника при процедуре банкротства	424
<i>Косолапова Е. Н.</i> Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным проникновением в жилище	431
<i>Селиверстов Н. О.</i> К вопросу об обстоятельствах, отягчающих наказание при совершении преступления, предусмотренного статьей 243 ⁴ УК РФ	439

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>Elena V. Getmanskaya, Victor F. Chertov.</i> “Soft skills” in foreign studies: Sociological, marketing and educational approaches	320
<i>Anatoly A. Trunov, Mikhail O. Pashetnykh.</i> Political and legal conflicts during the English Revolution of 1640–1660.....	335
<i>Irina V. Kozlova.</i> Adolescents and violent extremism in the online space	345
<i>Egor V. Moroz.</i> Formation of civil orientations of social competence of the younger generation (on the example of the activities of the St. Petersburg branch of the Russian schoolchildren’s movement)	355
<i>Dmitry A. Dolmatov.</i> On the analysis of sociodynamics of student youth competences in the sphere of Internet technologies and safety of network behavior.....	367

The Law in a State and Person Life

<i>Igor N. Bobrovnichiy.</i> Victimological features of property crimes against property in current conditions	383
<i>Denis G. Gorshkov, Nikolay P. Mayurov, Sergey A. Vysotsky.</i> Current issues of ensuring road safety and enforcement of administrative penalties for violation of road traffic rules in Russia.....	399
<i>Yury V. Mishalchenko, Semen D. Sulyagin, Maria Yu. Mishalchenko.</i> Public and international legal and economic aspects of the development of the Union State of Russia and Belarus in the conditions of sanctions	409
<i>Evgenia I. Shabalina, Radik R. Nabeev.</i> Control as a function of the state	417
<i>Maxim O. Denisovsky.</i> Specific features of challenging the debtor’s transactions in bankruptcy proceedings	424
<i>Ekaterina N. Kosolapova.</i> Problems of qualification of crimes, related to illegal entry into the home	431
<i>Nikolay O. Seliverstov.</i> On the issue of circumstances, aggravating punishment in the commission of crime, under Article 243 ⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation	439

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА SOCIAL PROBLEMS OF A SOCIETY

Научная статья

УДК 378.14

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-3-320-334

«Мягкие навыки» в зарубежных исследованиях: социологические, маркетинговые и образовательные подходы

Елена Валентиновна Гетманская^{1✉}, Виктор Федорович Чертов²

^{1, 2} Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

¹ getmel@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-6801-8114>

² victorchertov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3584-5375>

Аннотация. В статье представлен широкий спектр зарубежных исследований о влиянии *soft skills* на успешность бизнес-среды в контексте динамики развития «мягких навыков». Предметом тематического анализа являются бизнес-исследования, данные о социологических измерениях, сведения от центров карьеры, взгляд со стороны менеджмента, академические исследования, образовательные технологии. Неоднородность областей анализа обусловлена двоякой целью авторов: представить понимание *soft skills* в академической среде и охарактеризовать модели их формирования на разных этапах обучения и трудовой деятельности. В связи с этим проанализированы профессиональные группы обучающихся и работников (программистов, строителей, студентов программы МВА), выявлены существенные различия в объемах и последовательностях приобретения ими *soft skills*. Исследованы научные работы, в которых предлагаются варианты таксономии «мягких навыков»; обращено внимание на объективные трудности формализации персонализированных компетенций. Сформулирован вывод о том, что сегодня усилия зарубежной исследовательской мысли относительно систематизации «мягких навыков» фиксируются на перечислительном (не иерархическом) принципе, о чем свидетельствуют многочисленные перечни «мягких навыков» в западных и азиатских междисциплинарных исследованиях, в то время как проблема формирования «мягких навыков» требует их четкого ранжирования. В целом статья может быть адресована как исследователям, изучающим «мягкие навыки» и их индикаторы внутри той или иной профессиональной группы, так и ученым, анализирующим общее понимание *soft skills*, закрепившееся в зарубежной научной литературе за два последних десятилетия.

Ключевые слова: *soft skills*, *hard skills*, академические знания, стандартизация «мягких навыков», базовые личностные компетенции, систематизация *soft skills*

Благодарности: работа выполнена в рамках проекта 122061400039-9 «Исследование динамики развития “мягких навыков” у учителей различных возрастных групп».

Для цитирования: Гетманская Е. В., Чертов В. Ф. «Мягкие навыки» в зарубежных исследованиях: социологические, маркетинговые и образовательные подходы // Социология и право. 2023. Т. 15. № 3. С. 320–334. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-320-334>

“Soft skills” in foreign studies: Sociological, marketing and educational approaches

Elena V. Getmanskaya^{1✉}, Victor F. Chertov²

^{1, 2} Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

¹ getmel@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-6801-8114>

² victorchertov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3584-5375>

Abstract. The article presents a wide range of foreign studies on the influence of soft skills on the success of business environment in the context of the dynamics of “soft skills” development. The subject of thematic analysis includes business research, sociological measurement data, information from career centers, a management perspective, academic research, and educational technologies. The heterogeneity of the fields of analysis is due to the authors’ twofold aim: to present the understanding of soft skills in the academic environment and to characterize the models of their formation at different stages of education and working life. In this regard, professional groups of students and workers (programmers, construction workers, MBA students) were analyzed, and significant differences in the amounts and sequences of their soft skills acquisition were revealed. Scientific works that propose variants of soft skills taxonomy are studied; attention is paid to objective difficulties in formalizing personalized competences. The conclusion is formulated that today the efforts of foreign research thought regarding the systematization of soft skills are fixed on the enumerative (non-hierarchical) principle, as evidenced by numerous lists of soft skills in Western and Asian interdisciplinary studies, while the problem of soft skills formation requires their clear ranking. In general, the article can be addressed both to researchers studying “soft skills” and their indicators within a particular professional group, and to scientists analyzing the general understanding of soft skills that has been consolidated in foreign scientific literature over the last two decades.

Keywords: soft skills, hard skills, academic knowledge, standardization of “soft skills”, basic personal competences, systematization of soft skills

Acknowledgements: The work was carried out within the framework of the project 122061400039-9 “Investigation of the dynamics of soft skills development in teachers of different age groups”.

For citation: Getmanskaya E.V., Chertov V.F. “Soft skills” in foreign studies: Sociological, marketing and educational approaches. *Sociology and Law*. 2023;15(3):320-334. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-320-334>

Введение

В отечественной науке первый обзор зарубежных исследований о вопросах формирования *soft skills* осуществлен тюменскими учеными И. К. Цаликовой и С. В. Пахотиной в 2018 г. [1]. В статье проанализированы ключевые тенденции изучения *soft skills* и возможностей их обретения индивидом; выявлены точки соприкосновения и различия между отечественными и зарубежными изысканиями; показаны наиболее перспективные направления научных поисков. В последние три года в западной научной периодике появился целый ряд работ, анализ которых позволяет расширить оценки актуальных исследований «мягких навыков». Цель настоящей статьи: 1) очертить основные направления западных и азиатских исследований *soft skills*; 2) представить кластеры (перечни) ключевых навыков, зафиксированных в современных зарубежных исследованиях; 3) описать попытки таксономии *soft skills* и инструментарий, предлагаемый для их развития и совершенствования.

Научная мировая литература констатирует развитие бизнес-среды за счет множества факторов, которые делают ее все более сложной и конкурентной. Вместе с тем результаты научных исследований западного и азиатского глобальных регионов связывают эффективность любой организации (предприятий и учреждений всех типов) прежде всего с человеческим ресурсом как ключевым активом бизнеса 20-х гг. XXI столетия. Центральной темой современных зарубежных работ, рассматривающих «мягкие навыки», выступает ситуация конкуренции при устройстве на работу; конкуренция, которая обостряется ввиду значительной массы квалифицированных кадров на рынке труда. Ее успешное преодоление потенциальным работником исследователи видят в дополнении к жестким профессиональным навыкам навыков межличностного общения. В XXI веке большинство организаций и отраслей ищут сотрудников с учетом их «мягких навыков»: на высококонкурентном рынке труда критерии найма уже не ограничиваются профессиональными компетенциями и опытом. Вакансии в мире сегодня преимущественно заполняют людьми, заслуживающими доверия, находчивыми, коммуникабельными, целеустремленными, желающими работать, учиться и несущими в коллектив позитивный настрой. Агентства по найму выделяют потенциальных работников, которые могут быть лидерами, а лидерство само по себе зависит от нескольких ключевых навыков межличностного общения [2; 3; 4].

Материалы и методы

Зарубежная социология, представляя десять главных бизнес-навыков, включает в это число как *soft*-, так и *hard*-компетенции. В социологическом «измерении» ключевые бизнес-навыки представлены следующим перечнем: экономические компетенции; навыки анализа данных; навыки финансового учета; навыки ведения переговоров; навыки управления бизнесом; лидерские качества; навыки коммуникации; эмоциональная отзывчивость работника; навыки по принятию решений; способности по налаживанию деловых связей [5; 6]. В результате подсчета обнаруживаем, что из десяти представленных бизнес-навыков лишь три можно отнести к профессиональным («жестким»), а остальной объем — это необходимые *soft skills*, в основном имеющие отношение к способности межличностной коммуникации человека. В выводах множества социологических исследований главными предпочтениями специалистов по персоналу в качестве трех основных «мягких навыков» указаны коммуникативные способности, командная работа и лидерские качества работника [6; 7; 8; 9].

Начнем анализ конкретного номинативного пространства «мягких навыков» с ряда определений, сформулированных в академической зарубежной социологии. Шведский социолог Харш Бхати очерчивает «мягкие навыки» как «сочетание социальных навыков, навыков общения, личностных черт, профессиональных установок, а также интеллекта, эмоционального фона личности, которые помогают людям хорошо выполнять свою работу, активно участвовать в командной деятельности и выполнять большой круг задач с применением жестких навыков» [3]. Иными словами, «мягкие навыки» в трактовке ученого — это саморазвивающиеся, интерактивные, коммуникативные, гуманитарные способности человека.

С. Харрелл, Д. Схолариос и П. Томпсон (Центр социального менеджмента шотландского университета, г. Стерлинг) определяют «мягкие навыки» как «нетехнические и не зависящие от абстрактных рассуждений; они включают межличностные и внутриличностные способности для достижения результатов в опре-

деленных контекстах деятельности» [10]. Британские профессора И. Гругулис и С. Винсент в качестве межличностных («мягких») навыков видят «коммуникацию, решение проблем, командную работу, способность улучшать личное обучение и производительность, мотивацию, рассудительность, лидерство и инициативу» [9]. Коллектив ученых из Пенсильванского университета — Д. Паренте, Дж. Стефан и Р. Браун — определяют социальные навыки как навыки управления людьми. Их перечень включает в себя «четкую коммуникацию и значимую обратную связь, разрешение и/или управление конфликтами и понимание поведения человека в групповой работе» [11].

Таким образом, определения *soft skills* в зарубежной академической социологии находятся в рамках разнородных, если не противоречивых оснований: гуманитарность «мягких навыков» противоречит характеристике «не зависят от абстрактных рассуждений»; внутриличностные качества «мягких навыков» не стыкуются напрямую с «навыками управления людьми». С нашей точки зрения, навыки управления людьми безосновательно отнесены коллективом американских ученых к социальным («мягким») навыкам. В большинстве областей трудовой занятости навыки управления людьми и разрешения конфликтов прочно коррелируют с жесткими профессиональными навыками руководителя (в науке, интеллектуально емких областях промышленности и т. д.). Способность менеджера распределять задачи в этом случае не ограничивается уровнем его коммуникации и эмпатии, она прочно увязана с его академическими знаниями, а значит, с его *hard skills*.

Раскрыто ли содержание *soft skills* в современных маркетинговых исследованиях? Мэтт Гэвин (департамент маркетинга Гарвардской Школы бизнеса) в статье «Десять важных деловых навыков, необходимых каждому профессионалу» пишет о том, что в настоящее время «жесткие» навыки легко измеримы и осязаемы, тогда как «мягкие навыки» могут быть продемонстрированы лишь в контексте возникающих ситуаций. Вместе с тем эти навыки — путь к успеху всей профессиональной карьеры; рост и прибыль любой отрасли или организации основаны на «мягких навыках» ее сотрудников [12]. Иными словами, маркетолог, признавая динамическое влияние *soft skills* на карьеру, не готов сформулировать их индикацию. Профессор университета Южной Флориды Бишоп, занимающийся бизнес-администрированием и человеческими ресурсами, определяет «мягкие навыки» как модели поведения, личностные черты и рабочие привычки, такие как сотрудничество, критическое мышление, настойчивость и коммуникация, которые помогают людям преуспевать на работе [13]. Такой подход не отделяет, как нам представляется, профессиональные навыки от надпрофессиональных, поскольку «рабочие привычки» по отношению к *soft skills* звучат, скорее, метафорически, и они могут быть отнесены к «жестким» навыкам.

Центр карьерных возможностей Университета Пердью (США) противопоставляет «жесткие» и «мягкие» навыки. Вместе с тем университетские ученые предполагают, что «жесткие» навыки должны изучаться единообразно и не варьироваться в зависимости от той или иной профессии (речь идет о таких, например, дисциплинах, как математика, языки программирования и т. д.) [14]. С нашей точки зрения, это утверждение можно оспорить, поскольку академические дисциплины, особенно в современном постиндустриальном мире, так или иначе обретают критерий целесообразности объема знаний в соответствии с конкретной профессией. «Мягкие навыки», согласно трактовке Центра, более абстрактны, их трудно преподавать единообразно, и часто они варьируются в зависимости от специфических особенностей работы (например, навыки межличностного общения, терпение, способность убеждения) [14].

Отдельным социальным институтом, в котором можно формировать «мягкие навыки», признана университетская среда. Существует целый пласт зарубежных исследований, в которых изучают процесс развития «мягких навыков» как часть процесса образования и профессиональной подготовки студентов. В совместном социологическом исследовании канадские, китайские и тайваньские ученые, помимо очерчивания общего перечня навыков, дают рекомендации по развитию «мягких навыков» в процессе обучения в высшей школе [15]. Детально механизм использования «мягких навыков» в процессе обучения в университете также раскрыт в работе эстонских ученых [16]. В Школе цифровых технологий Таллиннского университета для оценки индивидуальных достижений студента используется система *четырёх открытых знаков* (знак базовых знаний, знак продвинутых знаний, знак, основанный на навыках, и знак, основанный на уровне знаний). Система *открытых знаков* дает более точное представление об образовательных достижениях учащегося, предоставляя студенту возможность выбрать свой путь обучения в соответствии с личными целями, стилем обучения, интересами и другими предпочтениями. Важно, что система открытых знаков дает возможность распознавать и «мягкие навыки» учащегося. В совместном испано-мексиканском исследовании «Влияние игрового обучения на приобретение коммуникативных навыков в бакалавриате по разработке программного обеспечения» (2020) утверждается, что традиционное академическое обучение в области программной инженерии препятствует приобретению навыков межличностного общения. В качестве альтернативы предлагают геймификацию. Полученные данные свидетельствуют о системной разработке цифровых игр, ориентированных на приобретение совокупности знаний по разработке программного обеспечения. Кроме того, эти игры способствуют приобретению более одного межличностного навыка, полезного для студентов бакалавриата [17].

В целом подходы к изучению «мягких навыков» в рамках академической социологии, маркетинга и образовательных технологий находятся на стадии становления. Отдельной, нерешенной проблемой остается характер связи или, напротив, дистанцирования «мягких» и «жестких» навыков. От этого и будет зависеть самостоятельное номинативное и содержательное поле *soft skills*.

Результаты

В представленных выше исследованиях, посвященных осмыслению межличностных («мягких») навыков, рамки научного поиска ограничены, как правило, номинативным расширением поля «мягких навыков». Концептуально целостный, результирующий, на наш взгляд, вектор зарубежной научной мысли сосредоточен в четырех исследованиях фундаментального и эмпирического характера, которые могут претендовать на роль основы для формирующейся теории *soft skills*.

Трехкомпонентная система Р. Каца. Фундаментальная работа Р. Каца «Навыки эффективного администратора» представляет собой практически первую попытку классифицировать личностные навыки (наряду с профессиональными), которые необходимы человеку на рабочем месте. Исследование Р. Каца стало предшественником идеи межличностных навыков и способностей, необходимых руководителям, чтобы быть эффективными администраторами [18]. Р. Кац предложил трехчастную систему навыков, включающую в себя *технические, личностные и концептуальные* навыки. *Технические* навыки состояли в специальных знаниях инструментов и методов, а также способностях выполнять рабочие процессы и процедуры, относящиеся к той или иной дисциплине. *Личностные* навыки означали прежде всего способность сотрудничать с другими членами

коллектива. *Концептуальные* навыки включали в себя способность мыслить стратегически, понимать общую картину деятельности и принимать решения для достижения общих целей организации. Р. Кац утверждал, что на практике все эти наборы навыков переплетаются, но разделение их на три категории может быть полезным для более четкого понимания каждого навыка. Ученый предположил, что разные наборы навыков привязаны к разным этапам развития того или иного сотрудника. Технические способности имеют ценность для сотрудников на более низких уровнях организации, на которых осуществляется большая часть физических операций компании. Концептуальные навыки становятся более важными по мере того, как сотрудники продвигаются по служебной лестнице в организации, становясь более ответственными за обеспечение ее стратегического направления. Р. Кац обращал внимание на то, что личностные навыки имеют решающее значение на любом уровне организации, хотя по мере того, как сотрудник поднимается в должности, большее значение приобретают концептуальные навыки, которые могут компенсировать некачественные личностные навыки. Значимым элементом в подходе Р. Каца к определению управленческих компетенций служит то, что сотрудники могут и должны развивать свои навыки вместо того, чтобы верить, что их способности являются врожденными [18].

Взаимосвязь четырех базовых компетенций и навыков (Ф. Эверс, Дж. Раш, И. Бердрю). Почти через четверть века после исследования Р. Каца ученые Ф. Эверс, Дж. Раш и И. Бердрю провели многоэтапное исследование, в ходе которого изучили разрыв между набором навыков выпускников университетов и потребностями работодателей [19]. На первом этапе исследователи опросили американских менеджеров и недавних выпускников, работающих в высокотехнологичных производственных компаниях, которые стремились развивать как собственные рабочие навыки, так и навыки недавно поступивших на работу выпускников вузов. Результаты показали, что и так называемые новоиспеченные сотрудники (недавние университетские выпускники), и давно работающие менеджеры сошлись в том, что новички подготовлены в технических аспектах, но не обладают управленческими и личностными навыками. По результатам первого этапа исследования ученые составили список из тринадцати рабочих навыков. Затем они провели дополнительное исследование, изучив мнение поступивших на работу сотрудников и менеджеров компаний по поводу релевантности этих тринадцати навыков, используя как самооценку недавних выпускников, так и оценку новичков менеджерами компаний. Результаты опроса показали, что высокая производительность, математические навыки, технические способности, самостоятельная работа и решение проблем получили самые высокие оценки как у выпускников, так и у руководителей. Наименее развитыми оказались следующие навыки: устная и письменная коммуникация, лидерские качества, способность к творчеству и новаторству, административная компетентность (основные способности, которые считаются навыками межличностного общения) [19]. На следующем, протяженном этапе исследователи расширили список навыков до восемнадцати и объединили на основе факторного анализа восемнадцать навыков в четыре базовые компетенции, показанные в таблице 1.

Хотя Ф. Т. Эверс, Дж. С. Раш и И. Бердрю не ставили перед собой цели доказать доминирование «мягких навыков» над «жесткими», результаты исследования показали, что и новые сотрудники, и их менеджеры считали важными именно навыки межличностного общения. В книге «Основы компетентности: навыки для непрерывного обучения и трудоустройства» (2001) рассмотрено несоответствие между навыками, полученными в университете, и основными навыками, необходимыми в динамичной рабочей среде. Используя тематические

Таблица 1

Взаимосвязи четырех базовых компетенций и навыков*
 Table 1. Interrelationships of four basic competencies and skills*

Базовая компетенция	Описание	Навыки
1. Управление собой	Способность развивать свою практическую деятельность и учиться рабочим процедурам в ситуации неопределенности	1. Обучение личной организованности. 2. Обучение тайм-менеджменту в изменяющейся среде. 3. Личные сильные стороны. 4. Решение проблем. 5. Аналитические навыки
2. Коммуницирование	Способность эффективно взаимодействовать с другими с целью собирать, интегрировать и передавать устную и письменную информацию	6. Навыки межличностного общения. 7. Навыки устного общения. 8. Навыки письменного общения
3. Управление людьми и задачами	Способность выполнять работу посредством планирования, организации и контроля организационных ресурсов	9. Координирование. 10. Навыки по принятию решений. 11. Лидерство и влияние на людей. 12. Навыки управления конфликтом. 13. Планирование. 14. Систематизация информации
4. Мобилизация в период инноваций и изменений	Способность инициировать и управлять значительными изменениями в организации	15. Способность к осмыслению информации. 16. Креативность открытость инновациям и переменам. 17. Принятие рисков на себя. 18. Стратегическое видение

* Таблица построена на основе определений, содержащихся в книге Ф. Т. Эверса, Дж. С. Раша, А. Бердрю «Основы компетентности: навыки для непрерывного обучения и трудоустройства» (2001) [19].

исследования и передовой опыт разных учебных заведений, рабочих сред, авторы показывают, как развитие компетенций сокращает разрыв между учебной аудиторией и работой, предоставляя учащимся набор базовых навыков, которые превращаются в возможность трудоустройства на протяжении всей жизни.

Две категории soft skills: навыки общения и навыки построения отношений (К. Кляйн, Р. Деруин, Э. Салас). К. Кляйн, Р. Деруин и Э. Салас в своем исследовании «Раскрытие навыков межличностного общения на рабочем месте» (2006) четко поставили цель: конкретизировать один из наиболее часто называемых межличностных навыков — «коммуникативные навыки» [20]. Анализ научной литературы привел их к 58 различным определениям навыков, в которых отражено всего более 400 способностей человека. Близкие в формулировках навыки были объединены, а затем подсчет сведен к набору из 12 навыков. Исследователи сгруппировали эти 12 навыков в две категории: навыки общения и навыки построения отношений, которые представлены в таблице 2.

Навыки межличностного общения*
Table 2. Interpersonal communication skills*

Категория	Навык
Общение	1. Активное слушание. 2. Устное общение. 3. Письменное общение. 4. Настойчивое общение. 5. Невербальная коммуникация
Построение отношений	6. Сотрудничество и координация. 7. Доверие. 8. Межкультурная коммуникация. 9. Ориентация на сервис. 10. Самопрезентация. 11. Влияние общества. 12. Разрешение конфликтов и переговоры

* Таблица построена на основе определений, представленных в книге К. Кляйна, Р. Деруина и Э. Саласа «Раскрытие навыков межличностного общения на рабочем месте: обзор, структура и программа исследований» [20].

Авторы помещают «мягкие навыки» в более широкую структуру, которую можно обозначить как предшественники навыков, а именно: жизненный опыт, личностные качества, ситуационные характеристики, тип задачи, цели, мотивация, правила и нормы. Навыки межличностного общения, которые они определили, могут развиваться из этих предшествующих условий. Помещение «мягких навыков» в более широкую структуру, подобную этой, — рациональный способ развить более универсальное понимание *soft skills*, их предшествующих условий и значимости.

Двенадцать групп «мягких навыков» (Я. Махасне, В. Табет). Профессора Иорданского университета науки и технологий Я. Махасне и В. Табет проводили многолетнее исследование по переосмыслению университетской программы будущих инженеров-строителей, в результате которой ими создана собственная таксономия «мягких навыков», имеющая потенциал распространения на гораздо больший ряд профессий, чем область строительного бизнеса. Данное исследование стало часто используемым инструментом для оценки и закрепления знаний о «мягких навыках» в целом, а также способствовало определенной стандартизации содержания, определения и интерпретации *soft skills*. Ценность этого эмпирического исследования прежде всего состоит в представлении авторской таксономии «мягких навыков», включающей в себя 12 групп: 1) коммуникативные навыки; 2) навыки мышления на рабочем месте; 3) разрешение конфликтов и переговоры; 4) навыки командной работы и сотрудничества; 5) навыки управления стрессом; 6) профессионализм на рабочем месте; 7) навыки повышения производительности на рабочем месте; 8) навыки этики на рабочем месте; 9) навыки культурной и социальной открытости на рабочем месте; 10) навыки планирования и организации; 11) навыки саморазвития; 12) навыки социального интеллекта [21].

12 групп навыков сформулированы авторами таксономии на основе анализа научной литературы, эмпирических знаний авторов, отзывов академических кругов и промышленности. Изначально предложенная ими типология использована для оценки «мягких навыков» выпускников университетов строительных специальностей. Исследование включает в себя и разработку моделей учебных

программ по «мягким навыкам», но значимость создания 12 групп *soft skills* вышла за пределы области строительства. Такие крупные количественные исследования по определению специфики и содержания «мягких навыков», как работа Я. Махасне и В. Табета, единичны. Вместе с тем отдельные группы в таксономии, в частности такая, в которой номинируется *профессионализм на рабочем месте*, вновь демонстрируют некоторое смешение профессиональных и социальных навыков. На наш взгляд, необоснованно причислять постановку целей, стратегическое планирование, способность к анализу работы, осведомленность, управление, участие в проектах и задачах к категориям межличностного общения и эмпатии.

Рассмотренные в рубрике «Результаты» исследования, с наших позиций, служат теоретической основой для систематизации «мягких навыков», которая находится на стадии первоначальной разработки. Так, например, трехкомпонентная система Р. Каца не является в чистом виде таксономией навыков, и его трехкомпонентная система позднее редуцировалась до *hard* и *soft skills*. Но заслуга ученого состоит в том, что он качественно разграничил навыки различной природы, положив начало их дальнейшей индикации и типологизации. Значимость синтеза четырех базовых компетенций и навыков Ф. Эверса, Дж. Раша, И. Бердрю для генезиса темы «мягких навыков» определена тем, что сформулированные в нем базовые социальные компетенции ученые предлагают рассматривать как тематический материал для усиления учебных программ университетов. Одной из сильных сторон двухкатегориальной таксономии, используемой К. Кляйном, Р. Деруином и Э. Саласом, выступает ее концептуальная ясность: авторы разводят понятия навыков и личных качеств, описывая *soft skills* как проявление личных качеств, которые люди могут самостоятельно развивать. 12 групп «мягких навыков» Я. Махасне, В. Табета стали инструментом для оценки и закрепления знаний о «мягких навыках» в целом: эти группы прояснили стандартное содержание, определение, интерпретацию и подходы к *soft skills* вне привязки к конкретике профессии.

Обсуждение

Зарубежные социологические исследования показывают, что жесткие (профессиональные) навыки обуславливают лишь 15 % успеха, а остальные 85 % составляют «мягкие навыки» [22]. Значимость владения «мягкими навыками» в современном мире определена и тем, что ими оперируют не только социологическая наука, но и зарубежные агентства по подбору профессионалов. Основываясь на сведениях отчета «Глобальные тенденции развития талантов» (2019), Профессиональная Ассоциация по управлению трудовыми ресурсами (США) приводит следующие цифры тестирования специалистов по подбору персонала: 89 % рекрутеров называют основной причиной отказа претендентам на должность отсутствие у них «мягких навыков» [23]. На сайте Ассоциации приводится статья Д. Бишоп «Жесткие факты о мягких навыках», в которой проанализированы проблемы управления трудовыми ресурсами; и первая из них сводится к вопросу о том, почему на современном рынке труда важны такие качества сотрудников, как стрессоустойчивость, коммуникабельность и творческие способности [13]. В наши дни, как указано в статье, существует множество способов, с помощью которых отсутствие «мягких навыков», таких как надежность, тайм-менеджмент и критическое мышление, может сломать карьеру сотрудника с солидными техническими навыками. Талантливый графический дизайнер может поражать людей своими работами. Но, если он постоянно не соблюдает сроки исполнения

работы или не прислушивается к отзывам о ней, что, в свою очередь, приводит к дорогостоящим задержкам проекта или разочаровывает клиентов, его карьера может застопориться. Иными словами, ключевые предпочтения Ассоциации при выборе потенциального работника — его «мягкие навыки». Будучи одаренным в выполнении технических аспектов работы, сотрудник может продвинуться лишь до определенного предела. Чтобы стать талантливым сотрудником или признанным лидером в коллективе, требуется целый арсенал навыков, которые трудно измерить, но которые имеют решающее значение для успеха.

Сложность в «измерении» «мягких навыков» отражена и в зарубежной социальной психологии. Об отсутствии согласованного универсального набора социальных навыков речь идет в британском исследовании «Мягкие навыки в высшем образовании: зависимость от индивидуальных различий и академической успеваемости» (2010): «В таких областях, как бизнес-образование, менеджмент, коммуникация научные исследования перечисляют все виды “мягких навыков”, вместе с тем формально согласованного универсального набора социальных навыков не существует» [24].

В отчете Министерства труда США о подготовке учащихся к требованиям будущих работодателей, выделяют три объемные категории *soft skills*: 1) навыки межличностного общения, такие как навыки работы в команде и навыки обслуживания клиентов; 2) навыки критического мышления, такие как способность принятия решений и понимание того, как этому научиться; 3) персонализированные навыки, такие как общительность и самоуправление [25]. По нашему мнению, навыки в пункте два, как минимум, нелогично относить к *soft skills*. Развитие критического мышления, «понимание того, как этому научиться», не относятся напрямую к феноменологии «мягких навыков».

Выявление содержания «мягких навыков» — это в первую очередь прерогатива прикладных исследований: так, исследование, проведенное в Японии, под названием «Технологические инновации, старение рабочей силы и эффективное управление человеческими ресурсами» показало, что *soft skills*, в частности интеллект, способность разрешать проблемы, адаптируемость к изменениям и требование от сотрудников выполнения сложных задач, таких как программирование, мониторинг и т. д., важны не менее, чем академические знания работников. В исследовании утверждается: «Чтобы понимать каждый технический шаг в соответствии со своим техническим опытом, такие специалисты должны были обладать еще и разнообразным набором “мягких навыков” в дополнение к академическим навыкам» [26].

Несмотря на то, что перечни *soft skills* в научной литературе и методических пособиях по менеджменту расходятся, а порой и противоречат друг другу, среди них существуют и константы. В их числе — коммуникабельность, владение собой, этика поведения в коллективе, навыки работы в команде, способности к решению проблем и критическому мышлению, компетентность в обслуживании клиентов, эмоциональная отзывчивость и лидерские качества [8; 25; 27]. В перечисленном инвариантном ряду даны позиции, которые, на наш взгляд, имеют лишь опосредованное отношение к *soft skills*. Так, компетентность в обслуживании клиентов имеет прямое отношение к профессиональным (некоммуникационным) навыкам сотрудника, к его знаниевой парадигме прежде всего.

Отсутствие четких критериев, определений и, как следствие, систематизации дискретных «мягких навыков» в зарубежных научных работах ослабляет значимость идеи их востребованности. Чтобы практические и теоретические исследования в этой области получили реальный импульс, таксономия «мягких навыков» необходима.

Выводы

Общая концепция «мягких навыков», объединяющих максимально широкий ряд профессий, еще не сложилась. Как пишет профессор Кентского государственного университета М. Маттесон, «концепции “мягких навыков” не хватает определения, масштаба, инструментария и систематического образования и обучения» [27]. Такое состояние проблемы может усиливать как недостаточность владения «мягкими навыками» работников современных компаний и предприятий, так и неразработанность обучающих программ по формированию *soft skills*. Зачастую социологи лишь презентуют широкие ряды *soft skills*, которые, в свою очередь, различаются и в содержании, и, что особенно важно, в последовательности их презентации; иными словами, иерархия «мягких навыков» в зарубежных социологических исследованиях сегодня не сформирована. Словосочетание *soft skills* — броское, но неоднозначное; зарубежные исследователи используют его, часто не соглашаясь с его окончательным значением.

Подводя итоги междисциплинарных исследований «мягких навыков», проводимых в глобальном западном и азиатском регионах мира в последние двадцать лет, следует указать, что тема развития социальных навыков занимает значимое место в мировых гуманитарных изысканиях. Современное общество для повышения эффективности рабочих мест и технологий требует людей, обладающих высоким уровнем *soft skills*. Обзор социологически ориентированных исследований позволяет получить представление о методах выявления и развития «мягких навыков», а также о попытках систематизировать эти сложные, трудно формализуемые концепты [3; 12; 14; 18; 19; 20; 21; 25; 27; 28].

Проанализированные исследования представляют собой в значительной мере обзоры литературы, а значит, область *soft skills* находится в поиске концептуальной ясности и определения собственной идентичности. Предметы зарубежных исследований варьируются от узко технологических (например, использование системы открытых знаков в качестве стратегии мотивации [16]; до более широких и концептуальных подходов, таких как использование игрового обучения для развития межличностных навыков [17]; интеграция социальных навыков в учебную программу студентов МВА [9]. Зарубежная социология сосредоточивает внимание на проблемах, связанных с приобретением «мягких навыков» в конкретных профессиональных областях [21]. Вместе с тем характерной чертой представленных перечней и попыток классификаций является заметная диффузия (а в ряде случаев — прямое смешение) «мягких» и «жестких» навыков. Исследования *soft skills*, осуществленные за рубежом в первое десятилетие XXI в., отличаются множественностью подходов к проблеме, носят в целом эмпирический характер и свидетельствуют о разрыве между количеством наработанных экспериментальных данных и эффективными практическими моделями по обучению и развитию *soft skills*. Задача современных методических и академических исследований — предложить целостную таксономию «мягких навыков», базирующуюся на унифицированной вертикали *soft skills* с четкой дифференциацией «мягких» и «жестких» навыков. Критерии их систематизации должны быть основаны на эмпирических знаниях, статистических исследованиях, официальных государственных документах, на опыте обратной связи исследовательского сообщества с профессиональными областями общественного труда.

Список источников

1. Цаликова И. К., Пахотина С. В. Научные исследования по вопросам формирования soft skills (обзор данных в международных базах Scopus, Web of Science) // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 8. С. 187–207. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-7-187-207
2. Chandrashekhara G. Leading in an increasingly complex environment // Business Standard. 2015. November 1. URL: https://www.business-standard.com/article/management/leading-in-an-increasingly-complex-environment-115110100662_1.html (дата обращения: 20.05.2023).
3. Bhati H. The importance of soft skills in the workplace // International Journal of Humanities and Social Science. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 21–33. DOI: 10.14445/23942703/IJHSS-V9I2P104
4. Marques J. Understanding the strength of gentleness: Soft-skilled leadership on the rise // Journal of Business Ethics. 2013. Vol. 116. No. 1. P. 163–171. DOI: 10.1007/s10551-012-1471-7
5. Khaouja I., Mezzour G., Carley K. M., Kassou I. Building a soft skill taxonomy from job openings // Social Network Analysis and Mining. 2019. Vol. 9. No. 43. DOI: 10.1007/s13278-019-0583-9
6. Rasipuram S., Jayagopi D. B. Automatic multimodal assessment of soft skills in social interactions: A review // Multimedia Tools and Applications. 2020. Vol. 79. No. 2. P. 13037–13060. DOI: 10.1007/s11042-019-08561-6
7. Cimatti B. Definition, development, assessment of soft skills and their role for the quality of organizations and enterprises // International Journal for Quality Research. 2016. Vol. 10. No. 1. P. 97–130. DOI: 10.18421/IJQR10.01-05
8. Laker D., Powell J. The differences between hard and soft skills and their relative impact on training transfer // Human Resource Development Quarterly. 2011. Vol. 22. No. 1. P. 111–122. DOI: 10.1002/hrdq.20063
9. Grugulis I., Vincent S. Whose skill is it anyway? Soft skills and polarization // Work, employment and society. 2009. Vol. 23. No. 4. P. 597–615. DOI: 10.1177/0950017009344862
10. Hurrell S. A., Scholarios D., Thompson P. More than a ‘humpty dumpty’ term: Strengthening the conceptualization of soft skills // Economic and Industrial Democracy. 2013. Vol. 34. No. 1. P. 161–182. DOI: 10.1177/0143831X12444934
11. Parente D. H., Stephan J. D., Brown R. C. Facilitating the acquisition of strategic skills: The role of traditional and soft managerial skills // Management Research Review. 2012. Vol. 35. No. 11. P. 1004–1028. DOI: 10.1108/01409171211276918
12. Gavin M. 10 important business skills every professional needs // Harvard Business School Online. 2019. May 23. URL: <https://online.hbs.edu/blog/post/business-skills-every-professional-needs> (дата обращения: 20.05.2023).
13. Bishop D. The hard truth about soft skills // Muma Business Review. 2017. Vol. 1. P. 233–239. DOI: 10.28945/3803
14. Chen T. M. Soft skills: An introduction // Purdue University. Center for Career Opportunities. 2016. November 7. URL: <https://purduecco.wordpress.com/2016/11/07/soft-skills-an-introduction/> (дата обращения: 20.05.2023).
15. Liu X., Lin C., Zhao G., Zhao D. Research on the effects of entrepreneurial education and entrepreneurial self-efficacy on college students’ entrepreneurial intention // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. Article 869. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00869
16. Virkus S. The use of Open Badges in library and information science education in Estonia // Education for Information. 2019. Vol. 35. No. 2. P. 155–172. DOI: 10.3233/EFI-190257
17. Garcia I., Pacheco C., Méndez F., Calvo-Manzano J. A. The effects of game-based learning in the acquisition of “soft skills” on undergraduate software engineering courses: A systematic literature review // Computer Applications in Engineering Education. 2020. Vol. 28. No. 5. P. 1327–1354. DOI: 10.1002/cae.22304
18. Katz R. L. Skills of an effective administrator. Boston, MA: Harvard Business Review Press, 2009. 86 p.
19. Rocco T. S. The bases of competence: Skills for lifelong learning and employability, by Frederick T. Evers, James C. Rush, and Iris Berdrow // Human Resource Development

- Quarterly. 2001. Vol. 11. No. 2. P. 203–207. DOI: 10.1002/1532-1096(200022)11:2<203:AID-HRDQ9>3.0.CO;2-M
20. Klein C., DeRouin R. E., Salas E. Uncovering workplace interpersonal skills: A review, framework, and research agenda / G. R. Hodgkinson, J. K. Ford, eds. *International review of industrial and organizational psychology*. Chichester: John Wiley & Sons, Ltd, 2006. Vol. 21. P. 79–126. DOI: 10.1002/9780470696378.ch3
 21. Mahasneh J. K., Thabet W. Rethinking construction curriculum towards a standard soft skills taxonomy // 52nd ASC Annual international conference proceedings (Provo, UT, April 13–16, 2016). Provo, UT: Associated Schools of Construction, Brigham Young University, 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/327350895_Rethinking_Construction_Curriculum_Towards_a_Standard_Soft_Skills_Taxonomy (дата обращения: 20.05.2023).
 22. Wats M., Wats R. K. Developing soft skills in students // *The International Journal of Learning*. 2009. Vol. 15. No. 12. P. 1–10. DOI: 10.18848/1447-9494/CGP/v15i12/46032
 23. Global talent trends 2019: Connectivity in the human age. New York, NY: Marsh & McLennan Companies, 2019. 44 p. URL: <https://www.marshmclennan.com/content/dam/mmc-web/insights/publications/2019/feb/gl-2019-global-talent-trends-study.pdf> (дата обращения: 20.05.2023).
 24. Chamorro-Premuzic T., Arteche A., Bremner A., Greven C., Furnham A. Soft skills in higher education: Importance and improvement ratings as a function of individual differences and academic performance // *Educational Psychology*. 2010. Vol. 30. No. 2. P. 221–241. DOI: 10.1080/01443410903560278
 25. Kim J. (S.), Erdem M., Byun J., Jeong H. Training soft skills via e-learning: International chain hotels // *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. 2011. Vol. 23. No. 6. P. 739–763. DOI: 10.1108/09596111111153457
 26. Walther J., Miller S. E., Sochacka N. W. A model of empathy in engineering as a core skill, practice orientation, and professional way of being // *Journal of Engineering Education*. 2017. Vol. 106. No. 1. P. 123–148. DOI: 10.1002/jee.20159
 27. Matteson M. L., Anderson L., Boyden C. “Soft skills”: A phrase in search of meaning // *Portal: Libraries and the Academy*. 2016. Vol. 16. No. 1. P. 71–88. DOI: 10.1353/pla.2016.0009
 28. Doyle A. What are soft skills? // *The Balance*. 2022. October 9. URL: <https://www.thebalancecareers.com/what-are-soft-skills-2060852/> (дата обращения: 20.05.2023).

References

1. Tsalikova I.K., Pakhotina S.V. Scientific research on the issue of soft skills development (review of the data in international databases of Scopus, Web of Science). *Obrazovanie i nauka = Education and Science Journal*. 2019;21(8):187-207. (In Russ.). DOI: 10.17853/1994-5639-2019-7-187-207
2. Chandrashekhkar G.R. Leading in an increasingly complex environment. *Business Standard*. Nov. 01, 2015. URL: https://www.business-standard.com/article/management/leading-in-an-increasingly-complex-environment-115110100662_1.html (accessed on 20.05.2023).
3. Bhati H. The importance of soft skills in the workplace. *International Journal of Humanities and Social Science*. 2022;9(2):21-33. DOI: 10.14445/23942703/IJHSS-V9I2P104
4. Marques J. Understanding the strength of gentleness: Soft-skilled leadership on the rise. *Journal of Business Ethics*. 2013;116(1):163-171. DOI: 10.1007/s10551-012-1471-7
5. Khaouja I., Mezzour G., Carley K.M., Kassou I. Building a soft skill taxonomy from job openings. *Social Network Analysis and Mining*. 2019;9:43. DOI: 10.1007/s13278-019-0583-9
6. Rasipuram S., Jayagopi D.B. Automatic multimodal assessment of soft skills in social interactions: A review. *Multimedia Tools and Applications*. 2020;79(2):13037-13060. DOI: 10.1007/s11042-019-08561-6
7. Cimatti B. Definition, development, assessment of soft skills and their role for the quality of organizations and enterprises. *International Journal for Quality Research*. 2016;10(1): 97-130. DOI: 10.18421/IJQR10.01-05

8. Laker D.R., Powell J.L. The differences between hard and soft skills and their relative impact on training transfer. *Human Resource Development Quarterly*. 2011;22(1): 111-122. DOI: 10.1002/hrdq.20063
9. Grugulis I., Vincent S. Whose skill is it anyway? Soft skills and polarization. *Work, Employment and Society*. 2009;23(4):597-615. DOI: 10.1177/0950017009344862
10. Hurrell S.A., Scholarios D., Thompson P. More than a 'humpty dumpty' term: Strengthening the conceptualization of soft skills. *Economic and Industrial Democracy*. 2013;34(1): 161-182. DOI: 10.1177/0143831X12444934
11. Parente D.H., Stephan J.D., Brown R.C. Facilitating the acquisition of strategic skills: The role of traditional and soft managerial skills. *Management Research Review*. 2012;35(11):1004-1028. DOI: 10.1108/01409171211276918
12. Gavin M. 10 important business skills every professional needs. Harvard Business School Online. May 23, 2019. URL: <https://online.hbs.edu/blog/post/business-skills-every-professional-needs> (accessed on 20.05.2023).
13. Bishop D. The hard truth about soft skills. *Muma Business Review*. 2017;1:233-239. DOI: 10.28945/3803
14. Chen T.M. Soft skills: An introduction. Purdue University. Center for Career Opportunities. Nov. 07, 2016. URL: <https://purduecco.wordpress.com/2016/11/07/soft-skills-an-introduction/> (accessed on 20.05.2023).
15. Liu X., Lin C., Zhao G., Zhao D. Research on the effects of entrepreneurial education and entrepreneurial self-efficacy on college students' entrepreneurial intention. *Frontiers in Psychology*. 2019;10:869. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00869
16. Virkus S. The use of Open Badges in library and information science education in Estonia. *Education for Information*. 2019;35(2):155-172. DOI: 10.3233/EFI-190257
17. Garcia I., Pacheco C., Méndez F., Calvo-Manzano J.A. The effects of game-based learning in the acquisition of "soft skills" on undergraduate software engineering courses: A systematic literature review. *Computer Applications in Engineering Education*. 2020;28(5):1327-1354. DOI: 10.1002/cae.22304
18. Katz R.L. Skills of an effective administrator. Boston, MA: Harvard Business Review Press; 2009. 86 p.
19. Rocco T.S. The bases of competence: Skills for lifelong learning and employability, by Frederick T. Evers, James C. Rush, and Iris Berdrow. *Human Resource Development Quarterly*. 2000;11(2):203-207. DOI: 10.1002/1532-1096(200022)11:2<203: AID-HRDQ9>3.0.CO;2-M
20. Klein C., DeRouin R.E., Salas E. Uncovering workplace interpersonal skills: A review, framework, and research agenda. In: Hodgkinson G.R., Ford J.K., eds. *International review of industrial and organizational psychology*. Chichester: John Wiley & Sons, Ltd; 2006;21:79-126. DOI: 10.1002/9780470696378.ch3
21. Mahasneh J.K., Thabet W. Rethinking construction curriculum towards a standard soft skills taxonomy. In: 52nd ASC Annu. int. conf. proc. (Provo, UT, April 13-16, 2016). Provo, UT: Associated Schools of Construction, Brigham Young University; 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/327350895_Rethinking_Construction_Curriculum_Towards_a_Standard_Soft_Skills_Taxonomy (accessed on 20.05.2023).
22. Wats M., Wats R.K. Developing soft skills in students. *The International Journal of Learning*. 2009;15(12):1-10. DOI: 10.18848/1447-9494/CGP/v15i12/46032
23. Global talent trends 2019: Connectivity in the human age. New York, NY: Marsh & McLennan Companies; 2019. 44 p. URL: <https://www.marshmcclennan.com/content/dam/mmc-web/insights/publications/2019/feb/gl-2019-global-talent-trends-study.pdf> (accessed on 20.05.2023).
24. Chamorro-Premuzic T., Arteche A., Bremner A.J., Greven C., Furnham A. Soft skills in higher education: Importance and improvement ratings as a function of individual differences and academic performance. *Educational Psychology*. 2010;30(2):221-241. DOI: 10.1080/01443410903560278
25. Kim J.(S.), Erdem M., Byun J., Jeong H. Training soft skills via e-learning: International chain hotels. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. 2011;23(6):739-763. DOI: 10.1108/09596111111153457

26. Walther J., Miller S.E, Sochacka N.W. A model of empathy in engineering as a core skill, practice orientation, and professional way of being. *Journal of Engineering Education*. 2017;106(1):123-148. DOI: 10.1002/jee.20159
27. Matteson M.L., Anderson L., Boyden C. "Soft skills": A phrase in search of meaning. *Portal: Libraries and the Academy*. 2016;16(1):71-88. DOI: 10.1353/pla.2016.0009
28. Doyle A. What are soft skills? The Balance. Oct. 09, 2022. URL: <https://www.thebalancecareers.com/what-are-soft-skills-2060852/> (accessed on 20.05.2023).

Информация об авторах

Е. В. Гетманская — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры методики преподавания литературы; 119991, Москва, Малая Пироговская ул., д. 1, стр. 1;

В. Ф. Чертов — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания литературы; 119991, Москва, Малая Пироговская ул., д. 1, стр. 1.

Information about the authors

E. V. Getmanskaya — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Methods of Teaching Literature; 1 Malaya Pirogovskaya st., bldg. 1, Moscow 119991, Russia;

V. F. Chertov — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Methods of Teaching Literature; 1 Malaya Pirogovskaya st., bldg. 1, Moscow 119991, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 07.06.2023; одобрена после рецензирования 29.08.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 07.06.2023; approved after reviewing 29.08.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Научная статья

УДК 342.3

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-3-335-344

Политико-правовые конфликты в период Английской революции 1640–1660 гг.

Анатолий Анатольевич Трунов^{1✉}, Михаил Олегович Пашетных²

^{1, 2} Белгородский университет кооперации, экономики и права, Белгород, Россия

¹ trunovv2013@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-5669-8514>

² Pashetnykh97@mail.ru

Аннотация. Целью статьи служит анализ основных политико-правовых конфликтов периода Английской революции 1640–1660 гг. Методологической основой настоящего исследования выступают конфликтологический, герменевтический и социокультурный подходы. В центре внимания авторов — фундаментальный конфликт между сторонниками абсолютистской рецепции Божественного права королей и приверженцами принципов общего права, который привел к Гражданским войнам 1642–1646 и 1648 гг., а также поиски новых форм легитимности в период индипендентской республики и протектората. Утверждается, что исторический опыт Английской революции середины XVII в. значим с учетом изучения возможного и невозможного, альтернатив между персоналистским и представительным правлением, монархией и республикой, разрешением противоречий между реальной властью олигархического или военного меньшинства и концепцией народного суверенитета, благими стремлениями коллективных субъектов социальной динамики и негативными последствиями их претворения в жизнь, религиозной формой и политическим содержанием. На основании изучения обширного материала сделаны выводы о том, что: 1) в ходе революции, то есть с 1640 по 1660 г., в публичном пространстве и массовом сознании англичан сталкивались и конкурировали друг с другом разнообразные политические и правовые идеи, от официозных рецепций абсолютизма до оригинальных концепций республики и народного суверенитета; 2) конфликтующими социальными и культурными общностями предложены антагонистические концепции власти, легитимности и общественного блага; 3) политические идеи конфликтующих сторон были выражены в основном на языке Библии, которая являлась главным источником смыслов; 4) огромную роль в обуздании анархии и революционного хаоса играли юристы общего права.

Ключевые слова: политика, право, революция 1640–1660 гг., Карл I Стюарт, парламент, монархия, республика, клобмены, индипенденты, левеллеры, протекторат, Оливер Кромвель, общее право, юристы, легитимность

Для цитирования: Трунов А. А., Пашетных М. О. Политико-правовые конфликты в период Английской революции 1640–1660 гг. // Социология и право. 2023. Т. 15. № 3. С. 335–344. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-335-344>

Original article

Political and legal conflicts during the English Revolution of 1640–1660

Anatoly A. Trunov^{1✉}, Mikhail O. Pashetnykh²

^{1, 2} Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia

¹ trunovv2013@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-5669-8514>

² Pashetnykh97@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to analyze the main political and legal conflicts of the period of the English Revolution of 1640–1660. The methodological basis of this study is the conflictological, hermeneutic and socio-cultural approaches. The authors focus on the fundamental conflict between supporters of the absolutist reception of the Divine Right of Kings and adherents of the principles of common law, which led to the Civil Wars of 1642–1646 and 1648, as well as the search for new forms of legitimacy during the independent republic and protectorate. The historical experience of the English revolution of the mid-17th century is important, given the study of the possible and the impossible, alternatives between a personalist and representative government, a monarchy and a republic, the power of an oligarchic or military minority and popular sovereignty, contradictions between religious form and political content, the good aspirations of the people. collective subjects of social dynamics and the negative consequences of their implementation. Based on the study of extensive material, conclusions were drawn that: 1) throughout the entire period of the revolution, that is, from 1640 to 1660, various political and legal ideas collided and competed with each other in the public space and mass consciousness of the British, ranging from official receptions of absolutism and ending with the original concepts of the republic and the people's 2) conflicting social and cultural communities proposed antagonistic concepts of power, legitimacy and the public good; 3) the political ideas of the conflicting parties were expressed mainly in the language of the Bible, which was the main source of meanings; 4) common law lawyers played a huge role in curbing anarchy and revolutionary chaos.

Keywords: politics, law, revolution of 1640–1660, Charles I Stuart, parliament, monarchy, republic, klobmen, independents, levellers, protectorate, Oliver Cromwell, common law, lawyers, legitimacy

For citation: Trunov A.A., Pashetnykh M.O. Political and legal conflicts during the English Revolution of 1640–1660. *Sociology and Law*. 2023;15(3):335-344. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-335-344>

Введение

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что революция 1640–1660 гг. является важным историческим событием английской и мировой истории. Многогранный опыт этого трагического двадцатилетия может быть рассмотрен в самых различных аспектах: религиозном, политическом, правовом, экономическом, социальном, культурном. Власть и легитимность, нарождающиеся идеологии и народные утопии, поиск оптимальных форм государственного правления и общественного устройства, острые политические конфликты, переходящие в гражданские войны, — все это на протяжении ряда столетий привлекает внимание различных аналитиков, от непосредственного участника событий Э. Гайда, лорда Кларендона [1; 2] или великого мыслителя Т. Гоббса [3, с. 591] до современных исследователей [4; 5; 6]. Т. Гоббс начинает философское исследование Английской революции такими словами: «Если бы во времени, как в пространстве, были более или менее возвышенные места, то я поистине счел бы, что самым высоким было время между 1640 и 1660 гг.» [3, с. 591]. И под ними наверняка подписались бы многие другие авторы, изучавшие рассматриваемый период.

Отношение британцев к революции середины XVII в. никогда не было однозначным [7]. Кровавым событиям 1640–1660 гг., которые были завершены триумфальной реставрацией династии Стюартов [6], обычно противопоставляют события 1688–1689 гг., в ходе которых осуществлена практически бескровная Славная революция, заложен политический и правовой фундамент для строительства олигархической империи [8]. Опыт Английской революции 1640–1660 гг. признан неудачным и с точки зрения обильно пролитой крови, и с точки зрения полученных результатов. Тем не менее даже негативный исторический опыт

нуждается в глубоком и всестороннем осмыслении. Особенно такой, который связан с изучением противостояния короны и парламента, монархии и республики, восходящего буржуазного класса и народных низов в контексте острейшего кризиса правовых и политических институтов, а также очевидной неспособности правящего слоя наладить конструктивный диалог с обществом.

Особый научный интерес вызывают идеологические концепции конфликтующих сторон, которые нередко выражены на языке отвлеченных споров на религиозные темы. Осмысление событий периода Английской революции происходило не в привычной для нас форме политической риторики и рациональной аргументации, а на языке, образах и метафорах, заимствованных из Библии [5]. Религиозное очень часто смешивалось с политическим, а политическое с религиозным. Не меньшую роль играли дискуссии, которые вели юристы общего права относительно прерогатив королевской власти. Исходя из всего изложенного, попытаемся реконструировать наиболее влиятельные политические и правовые конфликты революции 1640–1660 гг.

Материалы и методы

В качестве основных материалов нами использованы опубликованные документы об истории Английской революции 1640–1660 гг. [9; 10]. Они позволяют реконструировать узловые политические и правовые конфликты рассматриваемого периода. Мы опирались и на сочинения непосредственных участников или очевидцев событий [1; 2; 3], позволяющие реконструировать интересующие нас контексты революции. Не оставлены нами без внимания публикации советских, а также современных российских и зарубежных историков, правоведов [4; 5; 6; 11; 12; 13; 14; 15; 16]. Методологической основой настоящего исследования выступают конфликтологический, герменевтический и социокультурный подходы. Конфликтологический подход позволяет выявить основные противоречия Английской революции 1640–1660 гг. Механизмами их разрешения как раз и выступали ключевые политические и правовые конфликты. Герменевтический подход направлен на то, чтобы попытаться перевести политические и правовые концепции сторон на язык современной эпохи. Это позволяет адекватно интерпретировать политические, социальные и религиозные смыслы, которые мотивировали действия сторонников короля и парламента, а также различные течения внутри парламентского лагеря. Не менее важно учитывать социокультурный контекст с его правовыми и политическими конфликтами, парламентскими дебатами, разработанными программами и проектами социальных преобразований, конкурирующими образами желаемого будущего, заменой отживших правовых и политических институтов новыми и более соответствовавшими духу времени.

Результаты

Революции 1640–1660 гг. предшествовал затяжной конфликт между Карлом I Стюартом и английским парламентом. Беспарламентское правление монарха привело страну к системному кризису и поражению в войне с Шотландией, население которой восстало против религиозных нововведений. Карл I требовал от созванного им парламента новых субсидий (введения экстраординарных налогов), а парламент пытался добиться от короля политических и иных уступок, в том числе в виде отмены так называемого рыцарского держания и возможности перевода феодальных земельных владений в полноценную частную собственность, что открывало широкие перспективы для развития буржуазных отношений.

М. А. Барг в этой связи писал, что на протяжении Английской революции середины XVII в. конкурировали «два диаметрально противоположных решения проблемы уничтожения феодальных отношений собственности» [15, с. 18]. Одно из них он называет буржуазно-дворянским, а другое — крестьянско-плебейским. Иными словами, помимо очевидного конфликта между королем и парламентом, связанного с решением вопроса о власти, существовал еще латентный (но постоянно обострявшийся) конфликт между различными представителями революционного лагеря, связанный с собственностью. Оба конфликта на разных этапах революции дополняли и усиливали друг друга.

Карл I рассматривал коммунеров (депутатов Палаты общин) как мятежников, посягнувших на незыблемые принципы Божественного права королей, абсолютистская версия которого была разработана его отцом в конце XVI в. в политико-теологических трактатах «Царский дар» [17, р. 1–61] и «Истинный закон свободных монархий» [17, р. 62–84]. Коммунеры полагали, что мятежником является король, многократно нарушивший существующие положения общего права. Не желая вступать в прямую конфронтацию, парламент во всем обвинял дурных и злонравных советников короля, из-за которых король совершил целый ряд ошибок и опрометчивых поступков. Публичная политика заключалась в том, что коммунеры просили монарха перестать слушать некомпетентных людей, коррупционеров или представителей придворной камарильи. Если моральные аргументы не действовали, то к решению проблем привлекали юристов общего права. Жонглируя актуальными прецедентами или ссылаясь на дела давно минувших дней, они пытались доказать королю факты нарушения им древних законов королевства. Затянувшийся конфликт короля и парламента привел к импичменту и казни Т. Уэнтворта, графа Страффорда, обвиненного в государственной измене [4, с. 157–175]. Это несколько разрядило накаленную политическую ситуацию, но от революции не спасло.

Конфликт развивался по логике эскалации, и результатом стала Гражданская война 1642–1646 гг. Король апеллировал к вассальным обязанностям подданных, опирался на средневековые представления о легитимности, требовал безоговорочного подчинения своей воле и при этом был лишен политической гибкости. Парламент опирался на поддержку юристов общего права, осуществлял эффективную пропагандистскую и агитационную работу, доказывая неадекватность королевских претензий и необходимость политического компромисса. Однако теперь политическая ситуация определялась не учетом сложного баланса сил или интригами придворных группировок, а мобилизационными возможностями конфликтующих сторон. Короля поддерживали отсталые в экономическом отношении Северные и Западные графства. Парламент опирался на экономически развитые Центр и Юго-Восток.

Сражения в первой Гражданской войне шли с переменным успехом. У короля не было сил, чтобы разгромить парламентскую армию, а парламент стремился договориться с королем, навязав ему выгодные для коммунеров условия мира. Это продолжалось до тех пор, пока не появилась «армия нового образца» (1644), способная эффективно побеждать великолепную кавалерию роялистов. Основу армии составили люди с очень сильной религиозной мотивацией. Они шли в бой с пением псалмов, подчинялись суровой дисциплине, вели аскетический образ жизни и рассматривали себя как воинов Христа, которые борются с полчищами антихриста [13]. К этому стоит дополнить и очевидное превосходство сторонников парламента в артиллерии. Возглавлял армию Оливер Кромвель, который со временем превратился в великого полководца, талантливого дипломата и крупного государственного деятеля.

Параллельно осуществлялась законотворческая деятельность Долгого парламента¹. Английские юристы общего права не только методично и системно пересматривали существующие законы, но и целенаправленно разрушали традиционную политическую и правовую систему. Опираясь на риторику возвращения к традиции, они совершили настоящую революцию, практически незамеченную современниками. Именно Долгий парламент разрушил прежнюю систему государственной власти и существенно ограничил prerogatives короля [4, с. 87–120, 183–188, 231–246]. Победе парламентской армии над королем предшествовали пролитые на бумагу чернила юристов общего права.

Существенной проблемой для роялистов и сторонников парламента стало крестьянское движение клобменов. Вооружившись дубинами, алебардами, охотничьими ружьями, мушкетами и другими подручными средствами, они уничтожали мародеров и солдат, не особенно разбираясь в их религиозной или политической принадлежности. Полевыми командирами клобменов часто выступали представители местного джентри, имевшие опыт боевых действий и обладавшие навыками самоорганизации.

Нередко клобмены «поддерживали то одну, то другую сторону, в зависимости от того, кто был слабее» [14, с. 157]. При этом «каждая сторона стремилась перетянуть их на свою сторону и всячески мешала им идти своей дорогой» [14, с. 180]. Основная практическая задача клобменов заключалась в том, чтобы не допустить грабежей и убийств сторонниками короля и парламента. От боевых действий и перемещений многотысячных армий в большей степени страдали обычные мирные жители. Движение клобменов разворачивалось вдали от Лондона, а пика достигло на юго-западе Англии. И роялисты, и круглоголовые воспринимали клобменов одинаково негативно, видя в них досадное препятствие на пути к победе. Определение понятия «клобмены» в устах роялистов или сторонников парламента носило уничижительный характер. Это слово «было символом презрительного отношения к крестьянину, осмелившемуся поднять восстание и вступить в бой с профессионалами военного дела, какие служили в армии короля и парламента» [14, с. 163]. Тем не менее в годы первой Гражданской войны клобмены достигли значительных успехов.

Согласно подсчетам С. И. Архангельского, в 1645 г. численность клобменов доходила до 50 тыс. человек, в то время как армия сторонников короля не превышала 40 тыс. человек, а армия парламента — 70 тыс. вооруженных сторонников [14, с. 167]. 23 августа 1645 г. клобмены были поставлены вне закона: «Лорды и общины объявляют всем и каждому, что все, кто будут объединяться или собираться с оружием в руках в какой-либо части королевства без санкции парламента, становятся изменниками государства; сообразно с этим их и будут преследовать» [9, с. 78]. Руководители клобменов были арестованы и доставлены в Лондон. Рядовые участники крестьянского движения либо разбрелись по домам, либо влились в армию парламента.

В оценке ситуации и стратегической перспективы сторонники революции существенно расходились. Так, с 28 октября по 11 ноября 1647 г. были проведены знаменитые дебаты в местечке Патни графства Суррей. Их участниками стали влиятельные генералы и офицеры «армии нового образца», которые развернули острейшую политическую дискуссию о Конституции и народном суверенитете [16, с. 75–94]. Левеллеры поддерживали радикальную концепцию все-

¹ Этот парламент заседал в Вестминстере с 1641 по 1653 г. и с 1659 по 1660 г. Свое название получил из-за упорного нежелания депутатов отказываться от статуса. Сыграл ключевую роль в событиях Английской революции 1640–1660 гг.

общего избирательного права (по принципу «один человек — один голос») и настаивали на необходимости созыва двухгодичного парламента. Их оппоненты-индепенденты полагали, что избирательное право должно быть предоставлено только на основе имущественного ценза. При таких обстоятельствах за пределами политической нации оказывались примерно четыре пятых населения Англии. Влиятельные индепенденты (так называемые гранды) были готовы пожертвовать народной поддержкой, но не были готовы идти на уступки по стратегическим вопросам. В частности, вопрос о созыве двухгодичного парламента для них был менее принципиальным. Предполагалось, что окончательная редакция Конституции будет принята армией на специально созванном митинге, однако этому помешало бегство Карла I из дворца в Хэмптон-корте. Конфликтующие стороны были вынуждены забыть о своих разногласиях и сплотиться перед роялистской угрозой.

Вторая Гражданская война (1648) завершилась для Карла I еще более плачевно, чем первая. Необдуманными действиями он вогнал последний гвоздь в крышку гроба своей легитимности. Однако суд и казнь Карла I Стюарта стали беспрецедентным событием английской истории [18]. Безусловно, случалось, что королей вынуждали сократить объемы личной власти и даже убивали, но еще никогда они не представляли перед судом в качестве обвиняемых, посягнувших на жизнь и благополучие подданных. Карл I был казнен как опасный преступник, но похоронен с королевскими почестями.

Практически сразу после его казни в английском народе получил широкое распространение своеобразный религиозный культ почитания «короля-мученика». Платок со следами королевской крови воспринимался роялистами как святыня. Многие люди, не испытывавшие симпатий к королю живому, оплакивали короля мертвого и каялись в грехе цареубийства. Этим решил воспользоваться принц Чарльз Стюарт, однако его попытки вернуть престол вплоть до 1660 г. оказались тщетными.

После казни Карла I в Англии была провозглашена индепендентская республика. Казалось, что пройдет еще немного времени и будет установлен самый справедливый общественно-политический строй на земле. Однако практика государственного строительства оказалась гораздо более сложным делом, чем думали религиозные фанатики или юристы общего права. С первых же дней существования индепендентской республики проявились острейшие конфликты между олигархами и силовиками, «шелковыми индепендентами» и левеллерами, жителями городов и представителями сельской глубинки. Участники конфликтов выдвигали различные проекты общественного устройства и осуществляли попытки их претворения в жизнь. Для сил, победивших в исследуемых Гражданских войнах, опасность представляли не роялисты, а представители демократических движений: левеллеры, диггеры, рантьеры. Социальные и политические требования они чаще всего выражали на языке религии.

Поиски оптимальной формы республиканского правления привели к разгону погрязшего в коррупции «охвостья» Долгого парламента и созыву в июле 1653 г. Парламента Святых. В него вошли 140 нотаблей, отличавшихся особенной религиозностью. О. Кромвель полагал, что эти люди могут выработать мудрые законы и осуществлять коллективное правление, способное решить существующие в английском обществе проблемы, положить конец религиозным и политическим раздорам. Однако уже в декабре 1653 г. этот парламент распущен, поскольку в своем радикализме зашел слишком далеко.

Очень часто на полях сражений О. Кромвель принимал гениальные решения, ставившие в тупик его противников. Гораздо хуже ему удавалось эффективно

управлять государством. Заключительный период Английской революции ознаменован протекторатом Кромвеля, сочетавшим в себе элементы военной диктатуры с декорациями квазимонархического правления (1653–1658). О. Кромвель постоянно колебался в выборе между военной диктатурой и народным представительством. К тому же у новой революционной элиты нередко возникали соблазны вернуться к монархии. Однако О. Кромвель не желает быть королем и основателем новой династии. Тем не менее он успешно выполнял обязанности лорда-протектора.

Слабость любого персонального правления заключается в состоянии здоровья, волевых качеств и психической адекватности первого лица. Не стала исключением и Англия. Смерть О. Кромвеля в 1658 г. дезорганизовала его сторонников. Р. Кромвель оказался не способен нести на своих плечах бремя власти отца. Сторонники республики оказались слабее сторонников монархии. Буржуазия и джентри устали от бесконечных смут и мятежей, заговоров и интриг. Народные массы не смогли выдвинуть из своей среды достойных лидеров и навязать элитам собственные проекты общественного устройства. Значительная часть активных участников революции занялась духовными поисками.

Все это, собственно, и привело к реставрации династии Стюартов. В 1660 г. состоялось триумфальное возвращение короля. Или, как тогда говорили, произошла «революция»: от монархии к республике, от республики к военной диктатуре, от военной диктатуры снова к республике и далее — обратно к монархии. История сделала круг, остановившись как бы в исходной точке. Исследователи писали о том, что «были восстановлены все традиционные методы и институты управления, кроме тех, что упразднились или реформировались статутами 1641 г.» [6, с. 192]. Двадцатилетний цикл был завершен. Оказалось, что монархические идеи не изжили себя и по-прежнему популярны в народе.

Выводы

Подводя общий итог, сформулируем основные выводы.

1. В ходе всего периода революции, то есть с 1640 по 1660 г., в публичном пространстве и массовом сознании англичан сталкивались и конкурировали друг с другом разнообразные политические и правовые идеи, от официозных рецепций абсолютизма до оригинальных концепций республики и народного суверенитета. Абсолютистская концепция Божественного права королей была обращена в прошлое, и, по сути, в период Английской революции она не развивалась. Республиканские идеи очень часто были выражены в утопической форме или носили характер литературных и философских произведений. Для народных низов были характерны милленаристские настроения и стремление к выживанию в ситуации, при которой привычный мир пришел в хаотичное состояние.

2. Конфликтующие социальные и культурные общности (роялисты и республиканцы, индипенденты, левеллеры, клобмены) предлагали антагонистические концепции власти, легитимности и общественного блага. Так, на протяжении революции роялисты стремились к реставрации Старого порядка. Республиканцы свою цель видели в учреждении представительного правления. Индипенденты отстаивали интересы буржуазии и джентри, а левеллеры настаивали на необходимости расширения политической нации за счет включения в нее представителей средних слоев. Клобмены выступали стихийными сторонниками «третьего пути» и боролись как с силами короля, так и парламента.

3. Политические идеи конфликтующих сторон выражались в основном на языке Библии, которая служила главным источником смыслов. Это обусловлено

не только спекулятивными политическими целями, но и широким распространением религиозности. Сторонников короля нередко упрекали в симпатиях к католицизму и попытках задуть протестантское дело. Умеренные сторонники парламента (пресвитериане) стремились реформировать Англиканскую церковь изнутри, избавив ее от рудиментов католицизма. Индепенденты отстаивали необходимость существования самостоятельных религиозных общин, а разнообразные религиозные сектанты воспринимали революцию как последнюю битву благочестивых и верных с антихристом.

4. Огромную роль в обуздании анархии и революционного хаоса играли юристы общего права. Если роялисты пытались решить вопрос о власти традиционным силовым способом, то коммонеры под все свои действия стремились подвести солидную юридическую основу. Поэтому сторонники парламента и республики вели постоянную работу не только с людьми, но и с бумагами, фактически конструируя новую систему общего права.

Список источников

1. Гайд Э., лорд Кларендон. История Великого мятежа: в 2 т. Т. 1 / пер. с англ. А. А. Васильева, С. Е. Федорова; под общ. ред. С. Е. Федорова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 480 с.
2. Гайд Э., лорд Кларендон. История Великого мятежа: в 2 т. Т. 2 / пер. с англ. А. А. Васильева, С. Е. Федорова; под общ. ред. С. Е. Федорова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 464 с.
3. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / сост., ред. В. В. Соколов; пер. с лат., англ. Н. Федорова, А. Гутермана. М.: Мысль, 1991. 731 с.
4. Томсинов В. А. Юридические аспекты английской революции 1640–1660 гг. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 — август 1642 года. М.: Зерцало-М, 2020. 264 с.
5. Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века / пер. с англ. Т. А. Павловой. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1998. 490 с.
6. Эйлер Дж. Восстание или революция? Англия 1640–1660 гг. / пер. с англ. А. А. Паламарчук, С. Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2004. 264 с.
7. Креленко Н. С. Образ английской революции в общественной памяти Великобритании XVII–XX веков. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2012. 180 с.
8. Томсинов В. А. «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии и Билль о правах. М.: Зерцало-М, 2010. 256 с.
9. Законодательство Английской революции 1640–1660 гг. / сост. Н. П. Дмитриевский. М.; Л.: Академия наук СССР, 1946. 382 с.
10. Лавровский В. М. Сборник документов по истории английской буржуазной революции XVII в. М.: Высш. школа, 1973. 342 с.
11. Sommerville J. P. Royalists and patriots: Politics and ideology in England, 1603–1640. 2nd ed. London, New York: Routledge, 2014. 319 p.
12. Cliffe J. T. Puritans in conflict: The puritan gentry during and after the Civil Wars. London, New York: Routledge, 2020. 270 p.
13. Gentles I. The new model army: Agent of revolution. New Haven: Yale University Press, 2022. 386 p.
14. Архангельский С. И. Крестьянские движения в Англии в 40–50-х годах XVII века. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 373 с.
15. Барг М. А. Народные низы в английской буржуазной революции XVII в. Движение и идеология истинных левеллеров. М.: Наука, 1967. 354 с.
16. Левин Г. Р. Демократическое движение в английской буржуазной революции. Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т имени А. И. Герцена, 1973. 223 с.
17. King James VI and I: Political writings / ed. by J. P. Sommerville. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 375 p.
18. Ward I. The trials of Charles I. London: Bloomsbury Academic, 2022. 256 p.

References

1. Hyde E., 1st earl of Clarendon. History of the rebellion and civil wars in England: Begun in the year 1641. (In 3 vols.). Oxford: Printed at the Theater; 1717. Vol. 1, Pt. 1 — 303 p.; Vol. 1, Pt. 2 — 702 p. (Russ. ed.: Hyde E., 1st earl of Clarendon. Istoriya velikogo myatezha. (In 2 vols.). Vol. 1. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin; 2015. 480 p.).
2. Hyde E., 1st earl of Clarendon. History of the rebellion and civil wars in England: Begun in the year 1641. (In 3 vols.). Oxford: Printed at the Theater; 1717. Vol. 2, Pt. 1 — 483 p.; Vol. 2, Pt. 2 — 307 p. (Russ. ed.: Hyde E., 1st earl of Clarendon. Istoriya velikogo myatezha. (In 2 vols.). Vol. 2. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin; 2015. 464 p.).
3. Hobbes, Thomas of Malmesbury. Writings. (In 2 vols.). Vol. 2. Transl. from Latin, Eng. Moscow: Mysl'; 1991. 731 p. (In Russ.).
4. Tomsinov V.A. Legal aspects of the English revolution of 1640-1660. Period of constitutional struggle: November 1640 — August 1642. Moscow: Zertsalo-M; 2020. 264 p. (In Russ.).
5. Hill C. The English Bible and the seventeenth-century revolution. London: Allen Lane; 1993. 466 p. (Russ. ed.: Hill C. Angliiskaya Bibliya i revolyutsiya XVII veka. Moscow: Institute of World History RAS; 1998. 490 p.).
6. Aylmer G.E. Rebellion or revolution? England 1640-1660. Oxford: Oxford University Press; 1987. 288 p. (Russ. ed.: Aylmer G. Vosstanie ili revolyutsiya? Angliya 1640-1660 gg. St. Petersburg: Aletheia; 2004. 264 p.).
7. Krenenko N.S. The image of the English revolution in the public memory of Great Britain in the 17th-20th centuries. Saratov: Saratov University Publishing; 2012. 180 p. (In Russ.).
8. Tomsinov V.A. The Glorious Revolution of 1688-1689 in England and the Bill of Rights. Moscow: Zertsalo-M; 2010. 256 p. (In Russ.).
9. Legislation of the English Revolution 1640-1660. Compiled by N.P. Dmitrevskii. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences; 1946. 382 p. (In Russ.).
10. Lavrovskii V.M. Collection of documents on the history of the English bourgeois revolution of the 17th century. Moscow: Vysshaya shkola; 1973. 342 p. (In Russ.).
11. Sommerville J.P. Royalists and patriots: Politics and ideology in England, 1603-1640. 2nd ed. London; New York, NY: Routledge; 2014. 319 p.
12. Cliffe J.T. Puritans in conflict: The puritan gentry during and after the Civil Wars. London; New York, NY: Routledge; 2020. 270 p.
13. Gentles I. The new model army: Agent of revolution. New Haven, CT: Yale University Press; 2022. 386 p.
14. Arkhangel'skii S.I. Peasant movements in England in the 40s and 50s of the 17th century. Moscow: USSR Academy of Sciences; 1960. 373 p. (In Russ.).
15. Barg M.A. The lower classes in the English bourgeois revolution of the 17th century. The movement and ideology of the true Levellers. Moscow: Nauka; 1967. 354 p. (In Russ.).
16. Levin G.R. Democratic movement in the English bourgeois revolution. Leningrad: Leningrad Herzen State Pedagogical Institute; 1973. 223 p. (In Russ.).
17. Sommerville J.P., ed. King James VI and I: Political writings. Cambridge: Cambridge University Press; 1995. 375 p.
18. Ward I. The trials of Charles I. London: Bloomsbury Academic; 2022. 256 p.

Информация об авторах

А. А. Трунов — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин; 308023, Белгород, Садовая ул., д. 116а;

М. О. Пашетных — аспирант кафедры теории и истории государства и права; 308023, Белгород, Садовая ул., д. 116а.

Information about the authors

A. A. Trunov — PhD of Philosophical sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Humanities and Social Sciences; 116a Sadovaya st., Belgorod 308023, Russia;

M. O. Pashetnykh — postgraduate student at the Department of Theory and History of State and Law; 116a Sadovaya st., Belgorod 308023, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; одобрена после рецензирования 19.09.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 21.08.2023; approved after reviewing 19.09.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Научная статья

УДК 316.4

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-3-345-354

Подростки и насильственный экстремизм в интернет-пространстве

Ирина Викторовна Козлова

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, iraangarskaya@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4449-4933>

Аннотация. В статье утверждается, что принадлежность к деструктивным субкультурам является важным фактором риска в отношении проблемного поведения подростков. Актуальность исследования обусловлена тем, что участие в онлайн-пространстве представляет собой существенный аспект вовлечения подростков в экстремистские и террористические движения. Автором предпринята попытка системного обзора роли интернета и социальных сетей в насильственной радикализации подростков, обозначены пути профилактики экстремизма в подростковой среде и вмешательства в насильственную радикализацию. Цель исследования — оценить связь между экстремистскими подростковыми субкультурами и использованием интернета, изучить роль различных факторов в приобщении подростков к деструктивным субкультурам в сети Интернет. В качестве методов исследования использованы количественный и качественный виды анализа поведения подростков, позволяющие выявить причины их вовлеченности в деструктивные субкультуры в сети Интернет, а также выполнен системный обзор научных публикаций, связанных с факторами риска, способствующих девиантному поведению среди подростков. Автор приходит к выводу о том, что важность идеологии для подростка следует за вступлением в экстремистские субкультуры, а не предшествует ему. Вступление в какую-либо группу является частью группирования, что особенно значимо в подростковом возрасте. Одним из решений, позволяющих уберечь подростков от преступных деяний, служат превентивные действия, начинающиеся внутри семьи. Необходимы и государственные программы социальной ориентации подростков, расширения их позитивных возможностей.

Ключевые слова: подростки, деструктивные субкультуры, экстремистские и террористические движения, интернет, социальные сети

Для цитирования: Козлова И. В. Подростки и насильственный экстремизм в интернет-пространстве // Социология и право. 2023. Т. 15. № 3. С. 345–354. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-345-354>

Original article

Adolescents and violent extremism in the online space

Irina V. Kozlova

Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia, iraangarskaya@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4449-4933>

Abstract. The article argues that belonging to destructive subcultures is an important risk factor for adolescents' problem behavior. The relevance of the study is due to the fact that participation in online space represents a significant aspect of teenagers' involvement in extremist and terrorist movements. The author has attempted a systematic review of the role of the Internet and social networks in the violent radicalization of adolescents, outlined ways to prevent extremism in adolescents and intervene in violent radicalization.

The purpose of the study is to assess the relationship between extremist adolescent subcultures and the use of the Internet, and to examine the role of various factors in introducing adolescents to destructive subcultures on the Internet. As research methods, quantitative and qualitative types of analysis of adolescent behavior were used to identify the reasons for their involvement in destructive subcultures on the Internet, and a systematic review of scientific publications related to risk factors contributing to deviant behavior among adolescents was performed. The author concludes that the importance of ideology for adolescents follows, rather than precedes, entry into extremist subcultures. Joining a group is part of grouping, which is especially significant during adolescence. Preventive actions that start within the family are one solution to keep adolescents away from criminal acts. State programs of social orientation of adolescents and their positive empowerment are also necessary.

Keywords: adolescents, destructive subcultures, extremist and terrorist movements, Internet, social networks

For citation: Kozlova I.V. Adolescents and violent extremism in the online space. *Sociology and Law*. 2023;15(3):345-354. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-345-354>

Введение

Социализация современных подростков неразрывно связана с интернетом, информационный поток виртуальной реальности формирует их мировоззрение. По данным Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), около трети пользователей интернета в мире составляют дети и подростки в возрасте до 18 лет [1; 2]. По материалам многолетних исследований различных форм девиантного поведения в подростковой среде, проведенных сектором социологии девиантного поведения Института социологии (ИС) РАН под руководством М. Е. Поздняковой, можно сделать вывод о том, что одной из особенностей социализации современных детей является ее стихийный характер [3; 4]. Традиционные институты воспитания отошли на второй план, большое влияние на становление мировоззрения подрастающего поколения оказывает интернет, который в настоящее время является главной площадкой коммуникации различных экстремистских направлений, использующих онлайн-пространство в целях организации совершения преступлений экстремистской направленности, привлечения в свои ряды новых членов, а также интенсивного распространения экстремистских взглядов, подходов и идеологий [5]. Сегодня можно найти большое количество научных статей, посвященных электронным стратегиям использования интернета и онлайн-сообществ. Но существует очень мало эмпирических исследований, которые описывают и исследуют реальное воздействие этих стратегий на подростковую молодежь. Экстремизм рассматривается нами как процесс раскола внутри общества. Приверженность идеям, ведущим к насильственному экстремизму, может затем подтолкнуть подростков к участию в актах насилия. Как пишет министр внутренних дел В. А. Колокольцев, экстремизм все больше становится «серьезной угрозой национальной безопасности». Поэтому государственными органами разработан план профилактических мероприятий радикального поведения, в рамках которого проводится деятельность по выявлению, определению и пресечению появления в сети Интернет «опасного контента» (аккаунты в социальных сетях, различные сайты, осуществляющие пропаганду среди подрастающего поколения действий экстремистской и террористической направленности). Так, по требованию МВД РФ в 2020 г. подверглось блокировке более 100 тысяч различных интернет-ресурсов экстремистской направленности и полностью удалено из Сети около 7,5 тысяч материалов с призывами к экстремистским действиям [5].

Цель статьи заключается в обобщении фактических данных о том, как интернет может выступать в качестве переносчика насильственных экстремистских дискурсов в подростковую среду, а также на основе количественных и качественных эмпирических исследований Сектора социологии девиантного поведения ИС РАН проследить корреляцию между использованием социальных сетей и вовлеченностью подростков в процесс насильственной радикализации; рассмотреть пути профилактики экстремистского поведения в подростковой среде.

Материалы и методы исследования

В качестве методов исследования использованы количественный анализ (анкетирование) и качественный анализ (опрос по методу «снежного кома») подростковой молодежи для выявления причин их вовлеченности в деструктивные субкультуры в сети Интернет, а также системный обзор научных публикаций, связанных с факторами риска, способствующих девиантному поведению среди подростков.

Теория. Анализ причин чрезмерной вовлеченности подростков в деструктивные онлайн-сообщества

Социальные сети, для которых характерны сильные эмоциональные связи и связи с сообществом, эксплуатируют уязвимость молодежи. Известно, что подростковый возраст — это период, в котором у детей возникает большая потребность в группировании. Высокий уровень социальной напряженности, степень социально-экономического развития страны, отсутствие доступных для всех слоев населения досуговых центров, неуверенность в своих силах — все это толкает часть молодого поколения в девиантные группировки и сообщества, в которых они получают мнимую поддержку и чувствуют самореализацию. Сосуществование в мире интернета множественных виртуальных идентичностей может способствовать процессу деиндивидуализации, которая понимается как отделение от своей индивидуальной идентичности и принятие новой групповой идентичности. Подростковая молодежь — это целевая аудитория для различных экстремистских сообществ, что является установленным фактом. При этом молодежные группы варьируются от молодых людей старше 13 лет (законный возраст для участия в некоторых социальных сетях, хотя фактические данные говорят о том, что значительный процент детей ниже этого возраста, также имеют свои страницы в социальных сетях) до подростков в возрасте от 13 и 18 лет. Социальные сети служат частью взаимосвязанных факторов, которые в сочетании с другими психологическими и социальными факторами могут способствовать процессу радикализации подрастающего поколения. С учетом распространения технологий и новых медиа в повседневной жизни подростков чрезмерное использование интернета стало новым типом рискованного поведения. Задача профилактики предупреждения участия подростков в деструктивных субкультурах и экстремистских движениях через интернет все более актуальна. Этиологические факторы, способствующие возникновению проблем, как психического, так и социального характера, связанных с интернетом, сегодня изучены недостаточно, но очевидна сильная связь между высокой степенью использования интернета и девиантным поведением. В настоящее время потребности в социальном взаимодействии среди подростков перестали реализовываться за счет дворовых компаний [6]. Традиционный контакт со сверстниками, который носит длительный, глубокий характер и требует некоторых усилий по его построению и развитию, заменяется

бесчисленным количеством различных поверхностных контактов в интернет-сети.

Таким образом, интернет-пространство становится основной площадкой по формированию коммуникативных навыков подрастающего поколения. В живом общении со сверстниками выбор принадлежности к различным субкультурам заведомо ограничен их количеством, тогда как в интернете возможности выбора сообщества расширены и практически не ограничены. Немаловажный аспект выбора интернет-общения для подростков — возможность сохранять автономность. В случае конфликтных ситуаций не требуется навык адаптации; из-за поверхностного характера общения можно легко сменить одно сообщество на другое. Из-за отсутствия нормальной обратной связи социальные навыки интернет-зависимого подростка слабо развиты, отсутствует понятие привязанности в дружбе, что может привести к нарушению эмпатии. В реальном общении присутствует высокий уровень эмоциональных волнений, тогда как зависимый от интернета подросток постепенно привыкает к отсутствию сильных эмоций. Из-за ощущения того, что любое совершенное действие в Сети всегда обратимо и безопасно, у подростка складывается ощущение неуязвимости, у него не происходит нормальной сепарации от родителей. Данные последствия могут искажать представления подростка об ответственности за свои действия. Возможность выброса психологических проблем подростка в виртуальный мир в сочетании с несформированными коммуникативными навыками в живом общении приводит к непредсказуемости проявлений девиантного поведения. Вырастает вероятность, что подростки, не обладающие чувством ответственности за свои действия и развитой эмпатией, могут совершать различные виды действий экстремистской направленности (например, самоубийства или расстрелы в школе). Трансформацию изменения подростковой социальной дезадаптации можно охарактеризовать как смену проявления девиантного поведения (хулиганства, различных правонарушений, употребления алкоголя и наркотиков и т. п.) на скрытые паттерны поведения, такие как замкнутость подростка, избегание общения со сверстниками, сложности при выражении чувств и переживаний, депрессивное поведение, агрессивное поведение в сети Интернет и т. п.

По статистическим данным МВД России, по сравнению с 2021 г. число несовершеннолетних преступников уменьшилось. Тем не менее появилась опасная тенденция: увеличилось число тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных подростками [7]. Очень часто при совершении противоправных действий подростками движет бандитский романтизм, которого в интернете чрезмерное количество. Так, с начала 2010-х гг. в российском интернете наблюдается рост популярности криминальной тематики, в том числе вырастает количество упоминаний такой субкультуры, как «Арестантский уклад един (АУЕ)». С середины 2010-х гг. в СМИ появляются упоминания об инцидентах с участием криминализированных подростков в нескольких регионах России: Забайкалье, Бурятии и Татарстане. Следовательно, интернет послужил первоначальной площадкой для вовлечения подростков в данную субкультуру. В 2016 г. в докладе специальной комиссии Совета по правам человека при Президенте РФ распространение «АУЕ» названо угрозой национальной безопасности, и в августе 2020 г. Верховный Суд РФ признал «АУЕ» экстремистским движением [8]. Сегодня любая причастность к «АУЕ» будет трактоваться как экстремизм и наказываться в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ). Тем не менее данное движение в течение многих лет свободно существовало и привлекало молодых людей в свои ряды. К сожалению, статистика не учитывала количество совершенных ими правонарушений. Можно лишь судить о том, что неформальные

объединения имеют большое значение при формировании личности потенциального делинквента.

Идеология «Колумбайн» как экстремистская и террористическая угроза национальной безопасности РФ без информационного обеспечения через различные группы в социальных сетях и мессенджерах не получила бы такого широкого освещения в подростковых кругах. В феврале 2022 г. данное движение признано Верховным Судом РФ террористическим, поскольку его деятельность «основана на идеологии насилия и преследует цели массовой гибели людей, устрашения населения и дестабилизации обстановки в стране путем реализации масштабных насильственных акций» [9]. Генеральная прокуратура РФ движение «Колумбайн» называет «широко развитой структурой», которая «координируется с использованием возможностей сети Интернет». Участники движения ведут пропаганду насилия, суицида и других форм девиантного поведения, при этом отрицая и высмеивая нравственные ценности и моральные нормы.

Таким образом, одним из притягивающих факторов вступления подростков в экстремистские сообщества является чувство принадлежности к группе. В период полового созревания подростки все больше отдаляются от родителей, возрастает значение группы сверстников, для многих подростков осознание того, что тебя приняли в группе, воспринимается как средство преодоления чувства изоляции или несправедливости. В таких группах обычно создается внешний притягивающий подростков аспект понимания того, что ценится каждая личность, впоследствии группа наделяет своих членов «особой миссией». Кроме того, подростковый возраст представляет собой не просто возрастной период, а скорее, этап жизни, который определяется поиском своего «Я», если кризисы идентичности на этом жизненном этапе преодолеваются позитивно (например, при поддержке семьи, школы и друзей подростки обретают стабильную идентичность). Конфликты идентичности, длительные или особенно трудноразрешимые, могут рассматриваться как фактор риска неконформного поведения, которое может включать в себя различные виды девиантного поведения, в том числе экстремизм.

Результаты и обсуждение

Количественное исследование в форме анкетирования представлено исходной выборкой 115 подростков. Для дальнейшего анализа количество случаев сокращено до 97. Во всех удаленных случаях отсутствовали значения по всем элементам, использованным в анализе латентного профиля, причины этих отсутствующих значений могут быть разными. Одна из них может быть связана с добровольным характером опроса, при котором участники могли пропускать пункты, если не хотели отвечать или не понимали вопрос. Отсутствие ответа также может указывать на преждевременное завершение анкетирования из-за нехватки времени или снижения мотивации. Все полученные данные основаны на самоотчетах подростков. Это означает, что ответы могут быть предвзятыми из-за социальной желательности. Однако такое ограничение сведено нами к минимуму за счет предоставления участникам информации о правилах защиты данных, конфиденциальности и анонимности. По данным анкетирования, большинству из 115 подростков было 14 или 15 лет. Тем не менее возраст участников колеблется от 13 до 15 лет. Пол относительно равномерно распределен в выборке: 55,3 % — юноши, 44,7 % — девушки. Все пункты опросника, относящиеся к экстремистским взглядам, оценивались по пятибалльной шкале Лайкерта, которая варьировалась от (1) «полностью не согласен», (2) «склонен не согласиться», (3) «и согласен, и не согласен», (4) «скорее согласен» до (5) «полностью согласен».

При выявлении факторов, влияющих на приобщение подростков к экстремистским субкультурам, участников спрашивали, произошло ли одно или несколько из следующих событий, ощущаемых вами как большой удар: развод родителей, потеря друга (друзей) из-за переезда, несчастный случай / болезнь близкого родственника, смерть отца, матери или близкого родственника. В целях объединения различных аспектов влияния семьи рассмотрено три аспекта. Первый параметр — сплоченность семьи (например, «в нашей семье мы всегда поддерживаем друг друга»). Второе измерение отражает родительский контроль (например, «в нашей семье установлены твердые правила, которые нельзя нарушать»). Третье измерение относится к семейным конфликтам (например, «в нашей семье постоянно много спора»). Социальный фактор измерялся с помощью пункта, который фокусировался на удовлетворенности социальной средой (например, «меня окружают люди, которые принимают меня таким, какой я есть»). К насильственным факторам, послужившим толчком к вступлению в деструктивное сообщество в сети Интернет, нами отнесены шантаж; телесные повреждения, полученные в семье; школьный буллинг; дискриминация по национальности; дискриминация по финансовому положению и т. п.

По результатам анкетирования, большинство подростков (89 %) считают свое социальное окружение благополучным, только 11 % участников указали, что чувствуют себя социально неблагополучными. Об опыте семейной сплоченности и родительского контроля сообщили большинство подростков выборки: 74,03 % — юноши, 83,59 % — девушки. Тем не менее группа вопросов по сплоченности в семье и родительскому контролю показали, что в семьях часто случаются конфликты (66 %), родители редко интересуются, чем занят ребенок (43 %), и много времени проводят на работе, поэтому подросток практически их не видит (83 %). Из всех участников опроса 63,6 % сталкивались с какой-либо формой дискриминации или издевательств хотя бы однажды в последние 12 месяцев. Кроме того, школьному буллингу подвергались 31,83 % респондентов. Детерминанты групповой принадлежности показали, что количество критических жизненных событий, виктимизация, насилие в семье, семейные конфликты, буллинг могут послужить толчком к желанию подростка стать членом деструктивного сообщества. Относительно гендерного фактора укажем, что у мальчиков оказалось гораздо больше шансов попасть в деструктивную группу, чем у девочек. У подростков при получении более высоких значений семейной сплоченности уменьшаются шансы на принадлежность к какой-либо деструктивной группе.

Данные для качественного исследования взяты из интервью по методу «снежного кома» с настоящими или бывшими участниками различных деструктивных подростковых субкультур, в том числе запрещенных в России организаций «АУЕ» и «Колумбайн», а также субкультур «Редан», «Офники», «Зацеперы». Всего 15 участников. Испытуемые проживают в различных субъектах страны. 13 (84 %) участников из 15 испытуемых сообщили, что сталкивались с одним или несколькими из следующих неблагоприятных условий окружающей среды: физическим насилием в семье (43 %), эмоциональным и физическим пренебрежением со стороны родителей (41 %), лишением свободы одного из родителей (17 %), родительской заброшенностью (36 %), были свидетелями насилия в семье 44 %.

В более широком аспекте нами обнаружено два других фактора риска, заслуживающих внимания: десять из 15 испытуемых (59 %) сообщили, что они воспитаны в семьях, для которых характерно злоупотребление психоактивными веществами. Нами рассмотрен ряд факторов, связанных с психическим здоровьем.

Около две трети (57 %) опрошенных сообщили о попытке самоубийства и/или серьезных раздумьях о самоубийстве до либо во время их участия в экстремистской деятельности. Повышенные показатели подростковых проблем, о которых сообщается в нашей выборке, сопоставимы с предыдущими исследованиями сектора. Относительно употребления психоактивных веществ получены следующие данные: 63 % испытуемых сообщили о том, что рано пробовали алкоголь; 44 % процента испытуемых, как выяснилось при опросе, проводили эксперименты с запрещенными наркотиками (среди них — спайс, снюс, насвай). Раннее экспериментирование с алкоголем и запрещенными наркотиками, как правило, является признаком более общего образа жизни с высоким риском и предсказывает множество нездоровых исходов. В контексте вопросов о школьной успеваемости 59 % испытуемых сообщили о прогулах в школе и низкой успеваемости. Проблемы с прогулами и школьной успеваемостью — один из самых сильных предикторов делинквентного поведения. Подобно повышенному уровню жестокого обращения с детьми приведенные выше цифры отражают уровни проблем с адаптацией и поведения с высоким риском, которые намного превышают типичные показатели такого поведения, характерные для населения в целом. Эти примеры подчеркивают важность последовательного процесса, при котором детские факторы риска и проблемы, вызванные поведением подростков, предшествуют участию в экстремизме.

Данные исследований свидетельствуют и о том, что до вовлечения в экстремистское сообщество на подростка влияла его изначальная групповая динамика, заинтересованность его личностью, ощущение, что «тебя понимают в данном сообществе», что «ты нашел друзей». Основываясь на таких ответах, предполагаем, что важность идеологии для подростка следует за вступлением, а не предшествует ему. Вступление в какую-либо экстремистскую группу является частью группирования, которое видится очень важным в подростковом возрасте. Дети постепенно проходят через кривую обучения путем психологической обработки, которая предполагает все большее знакомство с различными аспектами той или иной экстремистской идеологии. Так, один из опрошенных сообщил, что идеология группы не подтолкнула его к первоначальному приобщению к экстремизму: «вступление в группу АУЕ больше всего было связано для меня с тем, чтобы просто казаться плохим, потому что это круто» (Сергей, 15 лет). Другие подростки указали, что участие в экстремистских группах стало результатом случайных событий, желанием приобрести друзей-единомышленников. Еще один участник интервью говорит о нескольких важных моментах: с периода вступления в деструктивное сообщество на него большое влияние оказало общение с лицами старшего возраста, с большим криминальным опытом. Общение с этими старшими сверстниками напоминает отношения наставничества. Другие неидеологические функции экстремистского участия включают в себя создание репутации. Например, Юрий (участник субкультуры «Редан» [10]) рассказал нам: «На самом деле это не было идеологией, по крайней мере, поначалу... Во многом для меня это просто создание себе имени. Мне просто было все равно, и я был просто подавлен, одноклассники в школе меня не понимали». Наконец, Евгений рассказал, как он нашел спасение от постоянных семейных конфликтов в экстремистской группе. Он рассказал о самых ранних воспоминаниях из детства (примерно четырех-пяти лет), связанных с различными аспектами домашнего насилия и жестокого обращения с детьми.

Данные многолетних исследований сектора также показывают, что подростки, находящиеся в конфликте с законом, как правило, имеют схожее социальное происхождение и условия жизни (например, происходят из бедных семей, в ко-

торых родители злоупотребляют алкоголем или наркотиками, могут применять физическое насилие по отношению к детям). Такие дети уязвимы перед насилием, особенно если его совершают их собственные родители. В таких случаях улица или интернет заменяет существенную роль семьи как пространства для усвоения ценностей. Таким образом, первоначальный процесс вовлечения в преступный круг начинается с ощущения собственной беспомощности, давления со стороны семьи и неприятия окружающим сообществом их существования. На девиантное поведение таких подростков также влияют отсутствие правильного наставника и деструктивные группы в онлайн-пространстве, в которых они пытаются найти понимание и защиту. Желание быть принятым в группе требует от них приспособления и подчинения ценностям субкультуры, которая становится частью идентичности подростков.

Выводы

Затягивание подростков в деструктивные экстремистские сообщества постепенно становится для них замкнутым кругом, из которого они не в состоянии выбраться без помощи других людей. Подростки, уже совершившие преступные деяния, под давлением какой-либо преступной группировки в конечном итоге совершают подобные действия снова и снова, поскольку они принадлежат к группе, придерживающейся одних и тех же ценностей, которые отличаются от доминирующих морально-нравственных ценностей в обществе. Существование таких групп затрудняет их выход из сложной ситуации. Репрессивные действия, такие как наказание, не могут немедленно решить проблему. Одним из решений, позволяющих уберечь подростков от вступления в экстремистские субкультуры в сети Интернет, являются превентивные действия, начинающиеся внутри семьи. Успех семьи как института в распространении информации о ценности социализации является ключом к предотвращению подобных субкультур. Необходимы семейный надзор и руководство, особенно в том, что касается того, как донести свои ценности без насилия. Во-вторых, не следует ставить ярлык «плохого» на таких подростках. В период их реабилитации важно, чтобы сообщество принимало их как свою часть и оказывало позитивную поддержку, чтобы впоследствии они не попадали в криминальные круги. В-третьих, необходимы программы социальной ориентации подростков и расширения их позитивных возможностей на государственном уровне.

Список источников

1. Положение детей в мире, 2017 год: дети в цифровом мире. Нью-Йорк: ЮНИСЕФ, 2017. 40 с. URL: <https://www.unicef.org/eca/media/4926/file/Резюме-Дети-в-цифровом-мире-2017-ЮНИСЕФ> (дата обращения: 09.03.2023).
2. Дети России онлайн: риск и безопасность / Г. Солдатова, Е. Зотова, М. Лебешева, П. Роггендорф // Результаты Междунар. проекта EU Kids Online II в России. М.: Фонд развития Интернет, 2012. 213 с. URL: https://cyberpsy.ru/docs/RussianKidsOnline_Final%20ReportRussian.pdf (дата обращения: 09.03.2023).
3. Позднякова М. Е. Подростки в трудной жизненной ситуации: путь к преступлению // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сборник докладов VI Всерос. социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В. А. Мансуров. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 1995–2007.
4. Позднякова М. Е., Брюно В. В. Деструктивное и криминальное поведение подростков в современной России: основные тенденции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 12. С. 76–87. DOI: 10.23672/SAE.2022.43.26.001

5. Демидова-Петрова Е. В. Современные молодежные субкультуры криминальной и экстремистской направленности: особенности и виды // Мониторинг правоприменения. 2022. № 2. С. 62–69. DOI: 10.21681/2226-0692-2022-2-62-69
6. Кондрашкин А. В., Хломов К. Д. Девиантное поведение подростков и Интернет: изменение социальной ситуации // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 3. С. 102–113.
7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2022 года // МВД России: офиц. сайт. 2023. 20 января. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 20.04.2023).
8. Хагуров Т. А., Чепелева Л. М. Социально-психологические причины распространения субкультуры «АУЕ» (неявные факторы актуальной проблемы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2. С. 322–339. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-322-339
9. Царева М. Движение «Колумбайн» признано террористическим // Ведомости. 2022. 2 февраля. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/02/02/907577-dvizhenie-kolumbain> (дата обращения: 02.04.2023).
10. Шаипова М. Опасные пауки: кто такие «ЧВК Рёдан» и чем они известны // Известия. 2023. 2 марта. URL: <https://iz.ru/1477671/mariia-shaipova/opasnye-pauki-kto-takie-chvk-redan-i-chem-oni-izvestny> (дата обращения: 02.04.2023).

References

1. The state of the world's children 2017: Children in the digital world. New York, NY: UNICEF; 2017. 215 p. URL: <https://www.unicef.org/media/48601/file> (accessed on 09.03.2023).
2. Soldatova G., Zotova E., Lebesheva M., Roggendorf P. Children of Russia online: Risk and safety. The results of the international project EU Kids Online II in Russia. Moscow: Internet Development Fund; 2012. 213 p. URL: https://cyberpsy.ru/docs/RussianKidsOnline_Final%20ReportRussian.pdf (In Russ.). (accessed on 09.03.2023).
3. Pozdniakova M.E. Adolescents in a difficult life situation: The path to crime. In: Sociology and society: Traditions and innovations in the social development of regions. Proc. 6th All-Russ. sociol. Congr. (Tyumen, October 14-16, 2020). Moscow: Russian Society of Sociologists; Federal Research Sociological Center RAS; 2020:1995-2007. (In Russ.).
4. Pozdniakova M.E., Bryuno V.V. Destructive and criminal behavior of adolescents in modern Russia: Main trends. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2022;(12):76-87. (In Russ.). DOI: 10.23672/SAE.2022.43.26.001
5. Demidova-Petrova E.V. Modern youth subcultures of criminal and extremist orientation: Features and types. *Monitoring pravoprimeneniya = Monitoring of Law Enforcement*. 2022;(2):62-69. (In Russ.). DOI: 10.21681/2226-0692-2022-2-62-69
6. Kondrashkin A.V., Khlokov K.D. Deviant behavior in adolescents and the Internet: Change in the social situation. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2012;9(3):102-113. (In Russ.).
7. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-December 2022. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (accessed on 20.04.2023). (In Russ.).
8. Khagurov T.A., Chepeleva L.M. Social-psychological reasons for the spread of the “AUE” subculture (hidden factors of the problem). *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology*. 2021;21(2):322-339. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-322-339
9. Tsareva M. Columbine movement designated terrorist. *Vedomosti*. Feb. 02, 2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/02/02/907577-dvizhenie-kolumbain> (accessed on 02.04.2023). (In Russ.).
10. Shaipova M. Dangerous spiders: Who are Ryodan PMCs and what are they known for? *Izvestiya*. Mar. 02, 2023. URL: <https://iz.ru/1477671/mariia-shaipova/opasnye-pauki-kto-takie-chvk-redan-i-chem-oni-izvestny> (accessed on 02.04.2023). (In Russ.).

Информация об авторе

И. В. Козлова — научный сотрудник сектора социологии девиантного поведения; 117218, Москва, Кржижановского ул., д. 24/35, корп. 5;
AuthorID: 940686.

Information about the author

I. V. Kozlova — researcher of the Sector of Sociology of Deviant Behavior;
24/35 Krzhizhanovskogo st., bldg. 5, Moscow 117218, Russia;
AuthorID: 940686.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 20.06.2023; одобрена после рецензирования 31.07.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 20.06.2023; approved after reviewing 31.07.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Научная статья

УДК 316.454.3

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-3-355-366

Формирование гражданских ориентиров социальной компетентности подрастающего поколения (на примере деятельности Санкт-Петербургского отделения Российского движения школьников)

Егор Владимирович Мороз

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
st057877@student.spbu.ru

Аннотация. В рамках настоящей статьи проанализирован процесс формирования гражданских ориентиров социальной компетентности подрастающего поколения на примере деятельности Российского движения школьников (РДШ)¹. Представлены материалы качественного исследования, проведенного на базе Санкт-Петербургского отделения РДШ в 2022 г., в ходе которого подробно исследованы практики, связанные с гражданским воспитанием юных петербуржцев. Показана значимая роль РДШ в процессе воспитания будущих граждан Российской Федерации. Акцентируется внимание на том, что, несмотря на наличие недостатков и «родовых травм» в деятельности, РДШ успешно создает новые формы репрезентации гражданских ориентиров в контексте формирования социальной компетентности подрастающего поколения, а также предоставляет для участников широкий спектр направлений и видов деятельности. Автором также сделан вывод о доминировании в деятельности РДШ среди гражданских ориентиров социальной компетентности моделей, основанных на ценности патриотизма, а также о преобладании репрезентаций патриотизма, неразрывно связанных с военной тематикой, особенно событиями Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Вместе с тем определены тенденции «усталости» от указанных нарративов, что может говорить о необходимости поиска новых форм репрезентации гражданских ценностей в контексте формирования социальной компетентности подрастающего поколения.

Ключевые слова: гражданственность, социальная компетентность, патриотизм, РДШ, гражданские ценности

Для цитирования: Мороз Е. В. Формирование гражданских ориентиров социальной компетентности подрастающего поколения (на примере деятельности Санкт-Петербургского отделения Российского движения школьников) // Социология и право. 2023. Т. 15. № 3. С. 355–366. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-355-366>

Original article

Formation of civil orientations of social competence of the younger generation (on the example of the activities of the St. Petersburg branch of the Russian schoolchildren's movement)

Egor V. Moroz

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, st057877@student.spbu.ru

¹ В декабре 2022 г. Российское движение школьников было реорганизовано путем присоединения к Российскому движению детей и молодежи «Движение Первых».

© Мороз Е. В., 2023

Abstract. This article analyzes the process of formation of civic guidelines of social competence of the younger generation on the example of the Russian Schoolchildren's Movement (RSM). The materials of a qualitative research conducted on the basis of the St. Petersburg branch of RSM in 2022 are presented, in the course of which the practices related to civic education of young St. Petersburg residents were investigated in detail. The significant role of RSM in the process of educating future citizens of the Russian Federation is shown. It is emphasized that, despite the presence of shortcomings and "birth traumas" in its activities, RSM successfully creates new forms of representation of civic guidelines in the context of the formation of social competence of the younger generation, as well as provides participants with a wide range of directions and types of activities. The author also made a conclusion about the dominance of models based on the value of patriotism among the civic orientations of social competence in RSM activities, as well as about the prevalence of representations of patriotism inextricably linked to military themes, especially the events of the Great Patriotic War of 1941–1945. At the same time, the tendencies of "fatigue" from the above narratives have been identified, which may indicate the need to search for new forms of representation of civic values in the context of the formation of social competence of the younger generation.

Keywords: citizenship, social competence, patriotism, RSM, civic values

For citation: Moroz E.V. Formation of civil orientations of social competence of the younger generation (on the example of the activities of the St. Petersburg branch of the Russian schoolchildren's movement). *Sociology and Law*. 2022;15(3):355-366. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-355-366>

Введение

Социальная адаптация подрастающего поколения — одна из важнейших задач для любого общества. Передача молодежи норм, ценностей, паттернов поведения и социально значимого опыта позволяет обеспечить преемственность поколений и создать условия для стабильного развития государства и общества.

В современной социологии процессы приобщения индивида к нормам и ценностям социальной жизни и формирования его нравственных и поведенческих установок рассматривают в рамках понятия социальной компетентности. Вопросам концептуализации этого понятия посвящена статья Т. Б. Беляевой, в которой сформулирована модель социальной компетентности [1], и работы таких авторов, как И. А. Абенова [2], О. Ф. Король [3], А. А. Новикова и Л. Л. Мехришвили [4], В. Н. Келасьев и И. Л. Первова [5], внесших значительный вклад в понимание и теоретическое обоснование данного феномена.

Социальная компетентность является сложным социальным явлением и в общем виде может быть определена как качественная характеристика субъекта, позволяющая ему быть включенным в социальную среду и выстраивать в ней успешное взаимодействие [6]. При этом социальная компетентность не является врожденным свойством личности и может быть рассмотрена как качество, формируемое в процессе освоения индивидом набора социально значимых компетенций: усвоения и принятия общественных норм и правил поведения, а также формирования устойчивого навыка их воспроизведения в различных социальных ситуациях. Кроме того, важнейшей составляющей процесса формирования социальной компетентности является принятие индивидом значимых ценностей общества, в котором ему предстоит существовать в дальнейшем, а также достижение баланса между данными ценностями и его личными морально-нравственными ориентирами [7].

Говоря о ценностных ориентирах формирования социальной компетентности, необходимо обратить особое внимание на такие аспекты, как «гражданственность» и «гражданская идентичность». С отходом от традиционной иерархической струк-

туры общества, с исчезновением сословий и титулов именно гражданство становится важнейшим социальным статусом индивида, определяющим его права и обязанности относительно социума. Вместе с тем понятие «гражданство» не может быть сведено исключительно к категории правовых отношений, и оно предполагает наличие у индивида определенной моральной позиции по отношению к обществу и государству, выраженного чувства сопричастности с ними [8].

Одним из основных способов формирования социальной компетентности индивида выступает процесс воспитания [9]. В современной России воспитательные функции осуществляются преимущественно в рамках двух основных институтов — внутри семьи и в системе образования, включающей в себя институты общего образования (дошкольного, начального, среднего и высшего), а также институты дополнительного образования детей и подростков [10].

Вместе с тем процесс поиска ценностных ориентиров гражданственности остается в современном российском обществе не до конца завершенным: несмотря на 30 лет, прошедших после распада Советского Союза и демонтажа коммунистической идеологии, окончательный ответ на вопрос о том, какой должна быть «новая национальная идея» России по-прежнему не найден. Указанная проблема ведет к размыванию нравственных и ценностных установок россиян, особенно молодого поколения, оказавшегося заложником быстрой смены идейных парадигм [11].

Тем не менее, несмотря на существенные изменения, произошедшие в отечественной образовательной системе после распада Советского Союза (переход к неолиберальной образовательной модели, ориентированной на «оказание образовательных услуг» и не предполагающей активной роли институтов образования в воспитательном процессе), в последние годы формированию основополагающих ценностных установок подрастающего поколения в рамках системы образования вновь уделено значительное внимание. Важным шагом на пути развития воспитательного процесса в современной России стало создание в 2015 г. Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников» (далее — РДШ), призванной не только способствовать организации досуга подрастающего поколения, но и оказывать содействие образовательным организациям в аспекте воспитания высоконравственных и социально успешных граждан [5]. Несмотря на то, что опыт РДШ сегодня оценивается неоднозначно [6], данный проект является первым в истории постсоветской России относительно успешным опытом создания массового проекта, направленного на воспитание гражданских ценностей подрастающего поколения.

В настоящей статье раскрыта проблематика формирования гражданских ориентиров социальной компетентности подрастающего поколения в современной России на примере Санкт-Петербургского отделения РДШ.

Материалы и методы

Российское движение школьников — общероссийская общественно-государственная организация, осуществляющая функции по воспитанию подрастающего поколения. Приказ об организации РДШ подписан Президентом России В. В. Путиным 29 октября 2015 г. В организации ведут отсчет существования РДШ от 18 мая 2016 г., когда на площадках Московского государственного университета состоялся I Съезд РДШ [12].

Сегодня РДШ объединяет школьников от 8 до 18 лет, родителей и педагогов. Во время написания настоящей статьи число детей-участников РДШ превысило

два миллиона человек, что делает его самым массовым детско-юношеским объединением в современной России [13].

В рамках работы РДШ существуют четыре основных направления деятельности: гражданская активность, личностный рост, информационно-медийное и военно-патриотическое направления [14]. РДШ присуща двойственность: с одной стороны, это движение имеет все признаки общественной структуры, то есть систему отделений, управляемых wybranными представителями, с другой — движение работает в тесном союзе с государственными образовательными структурами, то есть ориентируется в своей деятельности на положения ФГОС, базируется на площадках учреждений общего и дополнительного образования, регулярно проводит с ними совместные мероприятия. Кроме того, деятельность движения полностью финансируется за счет средств государственного бюджета [14].

В качестве методов исследования использован метод ивент-анализа, а также анализ документов и материалов полуструктурированных экспертных интервью, основанный на теории дискурс-анализа Э. Лакло и Ш. Муффа [15] и теории социального конструкционизма, разработанной П. Бергером и Т. Лукманом [16]. Согласно разработанной теоретико-методологической модели, конструирование социально значимых ценностей происходит внутри общества при помощи хаби-туализации и институционализации его повседневной деятельности. В ходе данного процесса сконструированные ценности также подвергаются реификации, перестают восприниматься в качестве продукта творчества сообщества, поднимаясь на надчеловеческий уровень. В свою очередь, формирование содержания данных ценностей осуществляется посредством практик фиксации их смыслового наполнения, когда из множества области дискурсивности тем или иным явлениям выбирают и присваивают моносемiotичные значения. В этот момент происходит конструирование дискурса о ценностях как упорядоченной системы отношений между смысловыми компонентами созданных конструктов. Однако, если возникает ситуация антагонизма между различными дискурсами, происходит вмешательство гегемонии в лице государства, которая производит переосмысление значений и осуществляет расформирование неприемлемых для него дискурсов. Таким образом, происходит создание социально значимых ценностей, в качестве институтов — элементов социальной реальности, определяющих последующее поведение индивидов. Вместе с тем данный процесс не является окончательным, поскольку созданный дискурс всегда остается открытым, а установленные им значения в любой момент могут быть подвергнуты новому переосмыслению и утратить присвоенное ранее смысловое содержание.

Применительно к гражданским ориентирам социальной компетентности подрастающего поколения это означает, что такие ориентиры конструируются государством на основе ценностных ориентаций, существующих внутри общества. Данный процесс осуществляется посредством закрепления значений и содержательного наполнения отдельных смысловых категорий (гражданских ценностей) в нормативно-правовых актах (Конституции РФ, законах, образовательных стандартах и т. д.). Вместе с тем такие практики фиксации смыслового наполнения значений не являются окончательными ввиду возможности дальнейшего осмысления и переосмысления содержания гражданских ценностей непосредственно в ходе их репрезентации подрастающему поколению.

Рабочая гипотеза в рамках проводимого исследования сформулирована нами следующим образом: в рамках деятельности Санкт-Петербургского регионального отделения РДШ доминирующей формой конструирования смыслового наполнения гражданских ориентиров является модель, основанная на понятии «патри-

отизм»; данное понятие интерпретируется через смысловые конструкции, неразрывно связанные с военной тематикой.

В качестве эмпирического материала этой части исследования выступили данные, полученные в ходе полуструктурированных экспертных интервью, организованных с педагогами Санкт-Петербургского отделения РДШ: К. (членом городского совета РДШ) и А. (куратором местного отделения движения), а также результаты ивент-анализа мероприятий гражданской и патриотической направленности, проведенных региональным отделением РДШ в 2021–2022 учебном году (всего 127 мероприятий).

Результаты полуструктурированных экспертных интервью использованы в целях уточнения результатов анализа документальных источников. Сочетание данных методов позволяет получить представление об образах, нарративах, смыслах и символах, формирующих дискурс гражданственности в практиках формирования социальной компетентности подрастающего поколения.

Результаты и обсуждение

Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, позволяют сделать вывод о том, что РДШ использует в деятельности широкий спектр форм работы: круглые столы и конференции, соревнования и флеш-мобы, различные патриотические и экологические акции в рамках «дней единых действий» (если акция проводится на территории РФ), встречи с представителями разных профессий, фотоконкурсы, интеллектуальные игры, а также неформальные мероприятия. В связи с пандемией новой коронавирусной инфекции *COVID-19* значительная часть перечисленных выше мероприятий состоялась в формате онлайн или очно-заочном.

Анализ смыслового наполнения проведенных мероприятий позволяет выявить следующие тенденции. Существенная часть мероприятий, организованных региональным отделением РДШ в 2021–2022 г., посвящена тематике Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (24 мероприятия, или 18,8 % от общего числа событий). Установлено, что пионерской тематике (а точнее, 100-летию Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина) посвящены 11 (8,6 %) мероприятий, аналогичное количество мероприятий посвящено волонтерству и добровольчеству. Тематическую связь с армией и Вооруженными силами РФ имели девять (7 %) мероприятий, по восемь (6,2 %) мероприятий приходится на воспитание правовой грамотности, встречи с представителями органов государственной власти и местного самоуправления, а также экологические акции и мероприятия профессиональной ориентации. Помощь животным и здоровый образ жизни упоминаются в шести мероприятиях (каждое), что составляет по 4,7 % от общего числа. Краеведческим практикам и укреплению взаимодействия между ребятами из разных административных районов города посвящены по четыре мероприятия (3,14 %). Кроме того, выявлено три мероприятия о формировании идентичности школьников с РДШ (2,36 %). Два мероприятия направлены на развитие школьных СМИ (1,5 %). Кроме того, ряд смысловых категорий упоминается в рамках мероприятий РДШ только однажды: покорение космоса, формирование лидерских качеств, воссоединение Крыма и России, толерантность, информационная грамотность, казачество, мода и воины-интернационалисты. Кроме того, в феврале 2022 г. активисты Санкт-Петербургского отделения РДШ провели флеш-моб в поддержку спортсменки-фигуристки Камилы Валиевой.

Большое внимание уделено вопросам гражданской активности и воспитания правосознания подрастающего поколения. В рамках деятельности РДШ граждан-

ственность интерпретируется посредством волонтерской деятельности (в том числе экологической направленности), а также развития правовой грамотности школьников. В частности, выявлены мероприятия, посвященные изучению основ Конституции РФ и законодательства РФ. Отдельного внимания заслуживает организованное публичное обсуждение законопроекта о новой детской организации «Большая перемена», в рамках которого РДШ предлагает своим членам присылать замечания и предложения.

Значительное внимание в рамках деятельности РДШ уделено взаимодействию с представителями органов государственной власти и местного самоуправления: так, в рамках мероприятий «Классная встреча» и «Диалог на равных» гостями событий зачастую становятся депутаты Законодательного Собрания Санкт-Петербурга и муниципальных советов, сотрудники районных администраций и силовых структур, а в отчетных мероприятиях регионального отделения РДШ периодически принимают участие представители Правительства Санкт-Петербурга и губернатор. В ходе таких мероприятий гости рассказывают школьникам о своей работе и отвечают на вопросы обучающихся, что может быть интерпретировано как попытка формирования доверительных отношений между будущими гражданами и органами власти, а также развития правосознания и ориентации подрастающего поколения на построение карьеры государственных служащих.

Ценность патриотизма, представленная в рамках деятельности РДШ, имеет несколько различных форм репрезентации. В первую очередь наблюдается доминирование «военных» смысловых конструкций и образов, в особенности Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Вместе с тем приведенные смысловые конструкции не являются исчерпывающими: как установлено, патриотизм в рамках деятельности РДШ репрезентуется через образ Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, а также уважение и любовь к родному краю. Настолько высокое наличие смысловых конструкций, связанных с пионерской организацией, может объяснить состоявшимся в мае 2022 г. празднованием 100-летнего юбилея пионерского движения. Вместе с тем примечателен факт наличия данного образа, особенно при отсутствии иных образов советской эпохи: октябрят, комсомольцев или членов коммунистической партии. Кроме того, интерес вызывает выявленная интерпретация РДШ как прямого преемника и продолжателя традиций пионерской организации.

Отдельно необходимо отметить практики, связанные с текущей информационно-политической повесткой. Так, в 2022 г. активисты РДШ не только провели упоминавшийся ранее флеш-моб в поддержку фигуристки Камилы Валиевой, но и отметили день воссоединения Крыма с Россией и присоединились к акции «За добро!», имеющей смысловую отсылку к специальной военной операции на территории Украины. В рамках последней акции активисты ограничились сбором пластиковых крышек от пустых бутылок, а также оказанием помощи приюту для бездомных животных и Центру милосердия имени Иоанна Кронштадтского.

В целях уточнения выявленных тенденций мы обратились к материалам полуструктурированных экспертных интервью. Опыт РДШ респонденты К. и А. оценивают позитивно. К. подчеркивает, что РДШ является не просто дополнением к существующей системе дополнительного образования, но представляет собой попытку исправить существующую ситуацию в данном направлении деятельности. Важнейшей задачей РДШ К. видит создание событийного пространства, в котором за счет психоэмоциональных переживаний у ребенка происходит «присваивание ценности», то есть осознание ее значения и наполнения ее смысловым содержанием. Исходя из предложенных ФГОС формулировок, педагоги

РДШ должны создавать данные событийные пространства в рамках социально ориентированных проектов, в рамках которых активист РДШ не просто работает с универсальными учебными действиями, но и приносит пользу обществу. Такому подходу К. противопоставляет практики, существующие в системе дополнительного образования, основанные на методических наработках 1970–1980 гг. К. подчеркивает, что, несмотря на продуманность и системность данных наработок, сегодня они устарели морально, в первую очередь за счет смены социально-экономической формации и перехода от социалистического общества к капиталистическому. На этом фоне К. видит миссией РДШ создание новой системы ценностно-смысловых наработок в области гражданско-патриотического воспитания будущих граждан РФ. Вместе с тем педагог особый акцент делает на том, что работа с общественным сознанием и духовно-нравственными ценностями является длительным процессом, результаты которого можно увидеть лишь спустя десятилетия. В качестве единственного критерия успешности проделанной работы К. выделяет деятельностный показатель: как именно школьники, прошедшие через новую систему воспитания, будут поступать в тех или иных жизненных ситуациях.

Идеи респондента К. во многом разделяет и респондент А. Респондент А. открыто называет РДШ «новыми пионерами», отмечает ведущую роль РДШ в гражданско-патриотическом воспитании подрастающего поколения. Вместе с тем А. пишет, что, хотя РДШ формально является новой структурой, оно во многом унаследовало проблемы системы дополнительного образования: дефицит квалифицированных кадров и излишний формализм в работе. Педагог с сожалением рассказывает о том, что значительная часть информации о мероприятиях и проектах, проводимых РДШ, зачастую не доводится до образовательных учреждений, «теряется» на уровне районных отделов образования. Вместе с тем на почтовые адреса ответственных сотрудников школ регулярно приходят письма с требованием о проведении мероприятий и составлении отчетов, которые, по мнению А., не только не способствуют формированию социальной компетентности подрастающего поколения, но и напротив, создают помехи в этой работе. А. приводит пример о том, как несколько лет подряд, сразу после 8 сентября (дня начала Блокады Ленинграда), ей приходилось проводить со школьниками мероприятия, приуроченные ко Дню трезвости, что отвлекало от «блокадных» мероприятий и вызывало раздражение как у школьников, так и у А. Вместе с тем информацию о возможности участия в конкурсах, грантах и других, по мнению А., гораздо более значимых проектах зачастую приходилось получать по альтернативным каналам связи, поскольку она «зависала» на уровне районного отдела образования, а порой даже Комитета по образованию.

Говоря о вовлеченности активистов РДШ в деятельность организации, К. и А. отмечают развитую систему самоуправления, то есть так называемых штабов, действующих по направлениям деятельности РДШ при отделениях движения, начиная с местного уровня. Кроме того, в ближайшее время планируется создание детского совета РДШ на уровне города, по аналогии с существующей «взрослой» структурой.

На уровне региона «штабы» формируются из числа представителей актива местных отделений. На местном уровне «штабы» формируются из районного актива, который, в свою очередь, представляет собой собрание представителей образовательных организаций — «лидеров». В случае, описанном респондентом А., речь шла о 21 человеке, то есть по одному от каждой школы района. Аналогичный актив существует и на уровне школы, в его состав входят «лидеры» — представители от каждого класса. В большинстве случаев участниками прово-

димых мероприятий РДШ становятся именно «лидеры», как наиболее активная часть движения.

Говоря о практиках деятельности РДШ на местном и школьном уровне, А. уделяет колоссальное внимание проектам и мероприятиям, неразрывно связанным с тематикой Великой Отечественной войны. В отличие от К., она не видит проблемы в доминировании данных смысловых конструкций, а напротив, полагает такую работу едва ли не идеалом гражданско-патриотического воспитания. Большое внимание А. уделяет практикам, связанным с событийными мероприятиями: участием школьников в военно-исторических реконструкциях, различных квестах, посещению интерактивных площадок и музеев. По мнению А., такие формы работы — наиболее эффективный способ донесения до детей ценностных категорий гражданственности и патриотизма: только оказавшись в ситуации, когда он может поставить себя на место героев исторических событий, ребенок способен прочувствовать смыслы этих ценностей.

Анализ результатов проведенного исследования позволяет прийти к следующим выводам. Сегодня РДШ — самая массовая детская организация, осуществляющая системную работу по формированию социальной компетентности подрастающего поколения в современной России. Деятельность РДШ включает в себя разнообразные практики, ориентированные на различные интересы и способности школьников: это проведение массовых мероприятий, круглых столов, слетов, концертов, фестивалей. Как указано экспертами, приобщение к гражданским ориентирам в процессе формирования социальной компетентности подрастающего поколения осуществляется преимущественно через участие в социально ориентированной проектной деятельности, где школьники получают представление о социально значимых ценностях общества, а также в ходе погружения в событийное пространство за счет психоэмоциональных переживаний наполняют данные абстрактные ценности смысловым содержанием и присваивают их как часть своей личности.

Говоря о формах конструирования смыслового наполнения гражданских ориентиров формирования социальной компетентности можно выделить несколько смысловых категорий, доминирующими среди которых будут ценности патриотизма и гражданской активности. Речь идет о том, что доминирующим в процессе репрезентации ценности патриотизма остается образ Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Вместе с тем установлено, что такие формы репрезентации патриотизма, как строевая подготовка и получение навыков обращения со стрелковым оружием, в деятельности РДШ практически отсутствуют.

В аспекте ценности гражданской активности основной формой репрезентации стали волонтерская деятельность и другие добровольческие практики, связанные в том числе с экологической деятельностью, помощью животным и благотворительностью. В то же время в рамках деятельности РДШ большое внимание уделено развитию правосознания подрастающего поколения, а также созданию опыта позитивного взаимодействия между активистами РДШ и государственной властью.

В процессе исследования выявлены практики, направленные на формирование идентичности активистов с РДШ. В рамках деятельности движения прослеживается тенденция позиционирования РДШ как продолжателя традиций пионерского движения. Об этом свидетельствуют как проведенные интервью, так и активное участие РДШ в праздновании 100-летия Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Однако, в отличие от пионерской организации, деятельность РДШ практически лишена политической окраски: даже мероприятия в рамках акции «За добро!», имеющей отсылки к проведению специальной военной опе-

рации на территории Украины, оказались по своей форме политически нейтральными и ориентированными на экологические и благотворительные практики. Тем не менее факт появления подобных мероприятий в рамках деятельности РДШ говорит о том, что данная организация чутко реагирует на информационно-политическую повестку.

Хотя РДШ и имеет определенную автономию от системы образования, данные структуры находятся в тесном взаимодействии, в результате РДШ наследует многие недостатки этой системы. Кроме того, установлено, что по причине дефицита кадров и формального подхода к отчетной деятельности педагоги РДШ получают широкие возможности для интерпретации ценностных ориентиров формирования социальной компетентности подрастающего поколения в ходе воспитательной работы с детьми.

Существует еще один знаковый аспект деятельности РДШ. Как установлено в ходе анализа мероприятий, а также результатов интервью, несмотря на массовость организации, практический охват деятельности движения не настолько высок, как может показаться на первый взгляд. Основными участниками большинства мероприятий являются члены местного актива, а также региональных штабов РДШ — суммарно не более 300 человек, что составляет менее одной десятой процента от всех школьников Санкт-Петербурга. Этому способствует и выстраивание работы РДШ по представительскому принципу: на вышестоящих организационных уровнях нижестоящие уровни представляют «лидеры» — школьники, делегированные от первичных или местных отделений. Несмотря на то, что такая форма работы способствует развитию самоуправления внутри организации, она существенно сужает круг детей, вовлеченных в воспитательные практики движения.

Выводы

Резюмируя, укажем следующее. Несмотря на наличие недостатков в работе, РДШ сегодня играет значимую роль в процессе формирования гражданских ориентиров социальной компетентности подрастающего поколения в современной России. Сохраняя «родовые травмы» государственной системы дополнительного образования, РДШ находится на качественно ином уровне: с одной стороны, предоставляет для школьников более широкий спектр форм и видов деятельности, с другой — создает оригинальные формы репрезентации гражданских ориентиров социальной компетентности.

Несмотря на то, что доминирующей моделью гражданских ориентиров формирования социальной компетентности подрастающего поколения в практиках РДШ признана ценность патриотизма, в деятельности РДШ сегодня существует выраженное смещение смысловых акцентов ценности патриотизма от идеи «любви к Родине» к идее «защиты Родины», а также от «гражданско-патриотического» воспитания к «военно-патриотическому». При этом отмечается тенденция преобладания образа Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — основной формы репрезентации ценности патриотизма. Вместе с тем установлено, что данная модель не всегда оценивается позитивно: выявлены тенденции «усталости» от перегрузки информационного пространства смысловыми конструкциями, связанными с данной тематикой.

Таким образом, все три выдвинутых рабочих гипотезы полностью подтверждены полученными результатами исследования. Однако приведенные формы репрезентации не являются исчерпывающими, в связи с чем можно заключить, что у РДШ выявлен широкий потенциал для дальнейшего развития процесса

формирования социальной компетентности подрастающего поколения и поиска новых моделей конструирования смыслового наполнения гражданских ориентиров данного процесса.

Указанные тенденции могут свидетельствовать о выраженном запросе на осмысление впоследствии ценности патриотизма в контексте воспитания будущих граждан России, а также поиске новых форм ее репрезентации. Дальнейшее изучение данного процесса может быть признано одной из значимых задач для социальных наук в контексте поиска оптимальных моделей устойчивого развития российского государства и общества.

Список источников

1. Беляева Т. Б. Модель социальной компетентности // Вестник Новгородского государственного университета. 2005. № 31. С. 8–12.
2. Абенова И. А. Характеристика понятия «социальная компетентность» // Вестник науки и образования. 2021. № 10. Ч. 1. С. 68–72. DOI: 10.24411/2312-8089-2021-11002
3. Король О. Ф. Социальная компетентность государственных служащих и компетентность социального взаимодействия: ключевые подходы к формированию понятий // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2014. № 5. С. 82–91.
4. Новикова А. А., Мехришвили Л. Л. Проблематика развития социальной компетентности обучающихся в высшей школе // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 60–67. DOI: 10.26105/SSPU.2019.61.4.004
5. Келасьев В. Н., Первова И. Л. Социальная компетентность и технологии ее формирования в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. Вып. 3. С. 356–365.
6. Закурдаева Л. Г. Дефиниционный анализ категорий «социализация», «социализированность», «социальная компетентность», «социальная компетенция» // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 11. С. 65–73.
7. Губаренко И. В., Коваленко В. И., Коваленко О. В., Соколова О. А. Базовые концепции формирования социальной компетентности будущего специалиста // Наука. Искусство. Культура. 2020. № 3. С. 146–158.
8. Капустин Б. Г. Гражданство и гражданское общество. М.: ИД Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. 220 с.
9. Зарецкая И. И. Управление процессом социализации личности — инновация в воспитании // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2008. № 2. С. 50–53.
10. Сикорская Л. Е. Кризис институтов социализации современной молодежи // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2009. Т. 15. № 4. С. 258–265.
11. Ореховская Н. А. Духовность и преемственность опыта поколений в современном российском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 4. С. 74–77.
12. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р г. Москва // Российская газета. 2015. 8 июня. URL: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 08.05.2022).
13. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: приказ Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897 (в ред. от 11 декабря 2020 г.) // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070507/> (дата обращения: 05.05.2022).
14. Устав Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников» // Российское движение школьников. 2019. URL: <https://storage.yandexcloud.net/rdsh/uploads/fd/b87aa204c214dca42682d952695be7.pdf> (дата обращения: 05.05.2022).

15. Laclau E., Mouffe S. Hegemony and socialist strategy towards a radical democratic politics. London: Verso, 2001. 240 p.
16. Berger P. L., Luckmann T. The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge. New York, NY: Anchor Books, 1967. 219 p.

References

1. Belyaeva T.B. Model of social competence. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 2005;(31):8-12. (In Russ.).
2. Abenova I.A. Description of the concept “social competence”. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Bulletin of Science and Education*. 2021;(10-1):68-72. (In Russ.). DOI: 10.24411/2312-8089-2021-11002
3. Korol’ O.F. Social competence of civil servants and competence of social interaction: key approaches to the formation of concepts. *Novyi vzglyad. Mezhdunarodnyi nauchnyi vestnik*. 2014;(5):82-91. (In Russ.).
4. Novikova A.A., Mehrishvili L.L. Development problems of students’ social competence in high school. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2019;(4):60-67. (In Russ.). DOI: 10.26105/SSPU.2019.61.4.004
5. Kelasiev V.N., Pervova I.L. Social competence and technologies of its development in modern Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika = Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Education*. 2010;(3):356-365. (In Russ.).
6. Zakurdaeva L.G. Definitional analysis of the categories “socializing”, “socialization”, “social competence”, “social expertise”. *Aktual’nye voprosy sovremennoi nauki = Actual Issues of Modern Science*. 2010;(11):65-73. (In Russ.).
7. Gubarenko I.V., Kovalenko V.I., Kovalenko O.V., Sokolova O.A. Basic concepts in forming social competence of the future specialist. *Nauka. Iskusstvo. Kul’tura = Science. Art. Culture*. 2020;(3):146-158. (In Russ.).
8. Kapustin B.G. Citizenship and civil society. Moscow: HSE Publ.; 2011. 220 p. (In Russ.).
9. Zaretskaya I.I. Managing the process of socialization of the individual — an innovation in education. *Munitsipal’noe obrazovanie: innovatsii i eksperiment = Municipal education: innovations and experiment*. 2008;(2):50-53. (In Russ.).
10. Sikorskaya L.E. The crisis of the institutions of socialization of modern youth. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial’naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika*. 2009;15(4):258-265. (In Russ.).
11. Orekhovskaya N.A. Spirituality and continuity of generational experience in modern Russian society. *Sotsial’no-gumanitarnye znaniya*. 2023;(4):74-77. (In Russ.).
12. Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025. Decree of the Government of the Russian Federation dated May 29, 2015 No. 996-r. Moscow. Rossiiskaya gazeta. Jun. 08, 2015. URL: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (accessed on 08.05.2022). (In Russ.).
13. On approval of the federal state educational standard for basic general education. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of December 17, 2010 No. 1897 (as amended on December 11, 2020). Garant.ru. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070507/> (accessed on 05.05.2022). (In Russ.).
14. Charter of the All-Russian public-state children’s and youth organization “Russian Schoolchildren Movement”. Russian Schoolchildren Movement. 2019. URL: <https://storage.yandexcloud.net/rdsh/uploads/fd/b87aa204c214dca42682d952695be7.pdf> (accessed on 05.05.2022). (In Russ.).
15. Laclau E., Mouffe S. Hegemony and socialist strategy towards a radical democratic politics. London: Verso; 2001. 240 p.
16. Berger P.L., Luckmann T. The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge. New York, NY: Anchor Books; 1967. 219 p.

Информация об авторе

Е. В. Мороз — преподаватель факультета социологии; 191124, Санкт-Петербург, Смольного ул., д. 1/3.

Information about the author

E. V. Moroz — lecturer at the Faculty of Sociology; 1/3 Smol'nogo st., St. Petersburg 191124, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 29.06.2023; одобрена после рецензирования 28.07.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 29.06.2023; approved after reviewing 28.07.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Научная статья

УДК 304

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-3-367-382

Об анализе социодинамики компетенций студенческой молодежи в сфере интернет-технологий и безопасности сетевого поведения

Дмитрий Александрович Долматов

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, hippodel@inbox.ru

Аннотация. В статье выполнен анализ социодинамики компетенций студенческой молодежи, в частности будущих юристов, в сфере информационных технологий и безопасности сетевого поведения в условиях активизации деструктивных сетевых воздействий в ходе специальной военной операции России на территории Украины. Соответствующие компетенции студентов проанализированы в рамках системного, целенаправленного их освоения по итогам входного и заключительного анкетирования в виде самоанализа. В процессе исследования решены следующие задачи:

- 1) изучение социодинамики сетевого поведения молодых пользователей, их знаний, компетенций, отношений, конкретных действий и поступков, влияющих на физическое и психологическое состояние в условиях взаимодействия в виртуальной среде и применения цифровых технологий;
- 2) анализ знаний о рисках деструктивных воздействий использования различных интернет-ресурсов и контента, изучение их готовности к противодействию негативному сетевому влиянию в современных условиях;
- 3) анализ корреляции полученных данных с опубликованной в интернете аналитикой в 2020–2022 гг. по результатам социологических опросов аналогичной тематики.

Как показали проведенные опросы, для формирования безопасного сетевого поведения молодежи в интернете, минимизации рисков деструктивного сетевого влияния, обеспечения информационной безопасности важно изначально и системно прививать навыки грамотного сетевого поведения у детей, подростков и молодых пользователей на всех ступенях их развития и образования. Необходимо научить их правильно определять границы достоверности и дезинформации, обеспечить освоение знаний об основах информационной безопасности, сформировать и закрепить навыки и компетенции применения полученных знаний, в том числе критического мышления, противодействия деструктивным сетевым влияниям. Эти задачи особенно актуальны в сложившейся социально-политической обстановке проведения специальной военной операции и активизации информационной войны.

Ключевые слова: социодинамика, компетенции студентов, информационная безопасность, интернет, деструктивные сетевые влияния

Для цитирования: Долматов Д. А. Об анализе социодинамики компетенций студенческой молодежи в сфере интернет-технологий и безопасности сетевого поведения // Социология и право. 2023. Т. 15. № 3. С. 367–382. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-367-382>

On the analysis of sociodynamics of student youth competences in the sphere of Internet technologies and safety of network behavior

Dmitry A. Dolmatov

A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia,
hippodel@inbox.ru

Abstract. The article analyzes the sociodynamics of student youth competences, in particular future lawyers, in the sphere of information technologies and security of network behavior in the conditions of activation of destructive network influences during the special military operation of Russia on the territory of Ukraine. The relevant competencies of students were analyzed in the framework of systematic, purposeful mastering of them according to the results of the entrance and final questionnaire in the form of self-analysis. In the process of the research the following tasks were solved: (1) study of the sociodynamics of network behavior of young users, their knowledge, competencies, attitudes, specific actions and deeds that affect the physical and psychological state in the conditions of interaction in the virtual environment and the use of digital technologies; (2) analyzing the knowledge about the risks of destructive effects of using various Internet resources and content, studying their readiness to counteract negative network influence in modern conditions; (3) analyzing the correlation of the obtained data with the analytics published on the Internet in 2020–2022 based on the results of sociological surveys on similar topics.

As the surveys have shown, in order to form safe online behavior of young people on the Internet, minimize the risks of destructive network influence, and ensure information security, it is important to initially and systematically instill the skills of competent online behavior in children, adolescents and young users at all stages of their development and education. It is necessary to teach them to correctly define the boundaries of reliability and misinformation, to ensure the mastery of knowledge about the basics of information security, to form and consolidate skills and competencies to apply the acquired knowledge, including critical thinking, and to counteract destructive network influences. These tasks are especially relevant in the current socio-political environment of special military operation and intensification of information warfare.

Keywords: sociodynamics, students' competences, information security, Internet, destructive network influences

For citation: Dolmatov D.A. On the analysis of sociodynamics of student youth competences in the sphere of Internet technologies and safety of network behavior. *Sociology and Law*. 2023;15(3):367-382. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-367-382>

Введение

Современное высшее образование без использования виртуального пространства представить в настоящее время сложно. Расширение применения цифровых технологий предполагает и новые приоритеты в их полномасштабном освоении. Следовательно, необходимо исследование существующих компетенций пользователей, правил и способов сетевого взаимодействия, а также мер обеспечения информационной безопасности личности и общества в целом. Данная проблематика особенно актуальна в условиях активизации информационной войны, применения манипулятивных технологий и повышения интенсивности компьютерных преступлений.

Материалы и методы

Исследование проведено на основе анализа социодинамики компетенций студенческой молодежи в первом семестре 2022/23 учебного года. Опросник включал в себя 32 вопроса. Среди них — шесть открытых, в которых необходимо изложить собственные взгляды, мысли, провести рейтинг своих приоритетов. Например: «Из каких источников предпочитаете получать информацию? Проставьте в графе “Выбор” значимость данных источников для Вас (1 — наибольшая значимость, 9 — наименьшая значимость)».

Количество респондентов — 160 студентов первого курса Санкт-Петербургской юридической академии в возрасте от 18 до 27 лет, в том числе студентов очного отделения (бакалавриат) — 57; очно-заочного отделения (бакалавриат) — 65; очного отделения (магистратура) — 23; заочного отделения (магистратура) — 15.

Результаты

Прежде всего следует констатировать возросший охват сетевым общением подростков и молодежи. По данным *Mediascope* РБК, в 2021 г. «доля пользователей интернета в возрасте от 12 до 24 лет в России приблизилась к 100 %» [1], что вполне соотносится с данными опроса: 95 % студентов указали возраст от 10 до 13 лет, когда они стали активными пользователями интернета, а 5 % — 7–8 лет. Количество часов, как видно из таблицы 1, которые они ежедневно проводят в виртуальном пространстве, респонденты оценили в среднем от пяти до двенадцати. Только один студент указал два часа.

Таблица 1

Время пользовательской активности студентов в интернете

Table 1. Time of students' user activity on the Internet

№	Наименование показателя оценивания Время в интернете	% от общего числа респондентов, сделавших выбор показателя
1	От двух до пяти часов	54,3
2	От шести до восьми часов	23,7
3	От девяти до одиннадцати часов	12,7
4	От двенадцати до шестнадцати часов	9,3

Сравним данные таблицы 1 («приведены данные о среднем времени онлайн, которое варьируется от двух часов в день (Швейцария) до трех с половиной часов (Норвегия)» [2]) с отчетом команды проекта *EU Kids Online*, выполнившей опрос 25 101 подростка из 19 европейских стран в 2017–2019 гг. Можно заключить, что обучающиеся много времени уделяют интернету, и это полностью соответствует тревоге, о которой сегодня говорится в большом количестве работ [3; 4; 5]. Так, в «Исследовании цифровой социализации разных поколений: подростки и родители (2018–2020 гг.)» утверждается, что в России «двое из трех старших подростков в будние дни проводят онлайн от двух до пяти часов, каждый пятый — шесть часов и более, а один из двадцати пяти (по сути, как минимум один подросток из учебного класса) — 12 часов и более. К выходным 12 и более часов в интернете проводит каждый десятый старший подросток. Показатели пользовательской активности подростков отличаются не только формально: в отличие от взрослых, считающих себя живущими скорее в реальном мире, подростки часто ощущают себя находящимися в двух мирах — онлайн и офлайн — в равной степени или постоянно переключающимися между ними» [5].

Цели собственной сетевой активности опрошенные студенты проанализировали и описали самостоятельно. Затем провели их ранжирование, определив приоритеты, как видно из таблицы 2.

Таблица 2

Направленность интересов молодых пользователей в интернете

Table 2. Directionality of interests of young users on the Internet

Рейтинг	Наименование показателя оценивания	% от общего числа респондентов, сделавших выбор показателя
1	Общение	79,6
2	Проведение свободного времени	46,3
3	Игра	18,5
4	Любопытство	16,7
5	Новости политики, культуры	14,8
6	Позиционирование себя и своих увлечений	9,3
7	Другое (впишите)	7,4

В полученных данных, во-первых, привлекает внимание тот факт, что новости политики и культуры заняли только пятую позицию. Это может служить признаком аполитичности молодежной аудитории, приоритетами которой являются сетевое общение и развлечения. Во-вторых, позиция № 7 (7,4 %) отражает мнение студентов, которые указали, что у них существуют собственные интересы для общения в виртуальной среде, но не вписали, какие именно. Это — посыл для проведения дополнительных собеседований с ними, возможно, с привлечением психологов, родителей. Полученные результаты необходимо учитывать прежде всего в целях повышения реалистичности воспитательной работы, которая в современных условиях социально-политической обстановки становится все более значимой составляющей образовательного процесса.

Сравнивая данные таблицы 2 с общедоступными сведениями интернет-аналитиков, можно сделать вывод о высокой степени совпадения. Так, в статье «Статистика молодежи» (август 2020 г.), размещенной на сайте VAWILON, указано, что «в интернете 49 % пользователей смотрят юмористические передачи, а 44 % — новости спорта. Тогда как политика не входит в список основных интересов молодых людей в возрасте 14–30 лет» [6].

Через год, в опубликованном опросе россиян (ВЦИОМ, сентябрь 2021 г.) размещено следующее: «Чаще всего российская аудитория социальных сетей и мессенджеров интересуется новостями о событиях в стране и мире, политикой, образованием и саморазвитием, юмором, а также едой и рецептами» [7]. В следующем, 2022 г., аналитики сайта *TexTerra* представили данные о том, что «48 млн россиян каждый день смотрят *YouTube*. Это около 40 % населения страны старше 12 лет. За год среднесуточный охват этой площадки вырос почти на 7 млн человек... Можно предположить, что также снизилось количество людей, которые считают основным источником информации телевидение. Как и заинтересованность людей в новостном контенте. После взрывного роста в два раза с началом специальной военной операции России в конце февраля — марте с каждым месяцем интерес понемногу снижался, и в августе уровень стал сравним с началом января» [8]. Кроме того, прослеживаются увеличение почти вдвое аудитории *Telegram* (с 19,9 млн человек до 42,1) и пользовательская стабильность «Одноклассников» [8].

Согласно данным Фонда развития интернета, «половина респондентов “сидят” в интернете параллельно с общением с друзьями, половина подростков — во вре-

мя приема пищи, каждый третий — когда просыпается ночью. Коммуникация и потребление контента по-прежнему являются ведущими деятельностью подростков онлайн, однако в целом речь идет о крайне широких возможностях достижения самых разных целей в интернете, о богатстве и разнообразии деятельности подростков онлайн» [9]. Вместе с тем проведенный опрос показал все более активное использование студентами цифровых образовательных ресурсов. Данный контент стал выигрывать конкуренцию за внимание пользователей у ресурсов медиа- и интернет-развлечений. Рейтинг источников, из которых предпочитают получать информацию опрошенные студенты (в соответствии с их личными предпочтениями), представлен в таблице 3: 1 – наибольший процент из общего количества, выбравших данную позицию по значимости, 9 – наименьший.

Таблица 3

Порядковый показатель важности интернет-ресурсов для студентов

Table 3. Ranking of importance of Internet resources for students

Рейтинг	Наименование показателя оценивания	% от общего числа респондентов, сделавших выбор показателя
1	Образовательные интернет-сайты	26,3
2	<i>Tiktok</i>	20,4
3	<i>WhatsApp</i>	15,4
4	<i>Telegram</i>	12,0
5	Телевидение	10,0
6	Печатные издания	9,4
7	ВКонтакте	7,0
8	Друзья	6,5
9	Твиттер, <i>YouTube</i>	2,0

Данные таблицы 3 свидетельствуют о том, что в первую очередь обучающаяся молодежь интересуют образовательные интернет-ресурсы. Тем не менее прослеживается приоритет *Tiktok* и других однобоко развлекательных ресурсов, что очень сужает информационное поле молодых, которые «скользят по информации», не утруждая себя проведением ее анализа, не говоря о синтезе новых знаний, развитии навыков принятия обоснованных, продуманных решений. Как следствие, формируются поверхностные представления об информационной безопасности и рисках деструктивных сетевых воздействий.

На вопрос о том, как часто, используя цифровые технологии, приходится сталкиваться с компьютерными вирусами и вредоносными программами, только 2 % опрошенных ответили, что «часто», 78 % — «редко», а 13 % указали, что «никогда». Перечисляя аккаунты (из личного опыта), взломанные злоумышленниками, студенты указали страницу «ВКонтакте» (35 %), *Instagram** (21 %), игровой онлайн-сервис *Steam* (12 %).

Как известно, знания ничего не решают, если их не применять в практике. Опрос показал, что запрос молодежи на освоение способов применения того, чему учат на лекциях, семинарах и практических занятиях, реализованный

* Социальная сеть, продукт компании *Meta Platforms Inc.*, признана экстремистской организацией и запрещена в Российской Федерации (Social media service, part of *Meta Platforms Inc.*, added to the register of extremist organizations and banned in the Russian Federation).

в полном объеме в ходе обучения, дает положительный результат. Так, при первичном опросе 17 % респондентов сообщили, что всегда придерживаются, как они считают, безопасного информационного поведения в сети; 68 % — иногда, 5 % указали, что знают, но никогда не используют, а 10 % — не считают такой подход важным и нужным.

Повторный опрос (по окончании в том числе практического обучения) показал динамику изменений приоритетов: 67 % отметили, что всегда придерживаются безопасного информационного поведения в сети (что на 50 % больше, чем при первичном опросе); 26 % — иногда, 5 % — знают, но не используют (результат — без изменений), а 2 % — не считают такой подход важным и нужным (уменьшение на 8 %). Конечно, результат не идеален, но значимы положительные тенденции, наличие которых определено изменением динамики знаний обучающихся о правилах сетевой безопасности. Соответствующие сравнительные данные наглядно представлены в таблице 4.

Таблица 4

Представления о правилах информационной безопасности в сети

Table 4. Perceptions about the rules of information security online

№	Показатель оценивания	% от общего числа респондентов, сделавших выбор показателя	
		Опрос 1	Опрос 2
1	Да, хорошо знаком (-а)	54	86
2	Не очень знаком (-а) с ними	25	4
3	Не знаю о них	4	—
4	Нет ответа	17	10

Одной из значимых составляющих информационной безопасности является способность адекватно оценивать источники контента, прежде всего их объективность и достоверность информации. Данная компетенция служит основой критического мышления, ключевого навыка, обеспечивающего эффективное противодействие деструктивному сетевому влиянию (манипуляции сознания, информационным вбросам и «фейкам»). В целях оценки уровня владения этим навыком проведен опрос, результаты которого представлены в таблице 5. В данном опросе респондентам предложено выбрать несколько наиболее значимых для них показателей.

В представленных в таблице 5 результатах можно обратить внимание на то, что студентами выделены в качестве значимых такие показатели, как «достоверность», «полезность» и «актуальность». Вместе с тем только шестую позицию в рейтинге занимают показатели объективности и непредвзятости, низкий процент обнаружен у показателей «фундаментальность» и «релевантность», что объясняется особенностями восприятия и обработки информации у молодого поколения, недостаточным пониманием некоторых базовых понятий и их значимости. Источник данного феномена, возможно, содержится в способах освоения виртуальной сетевой действительности. В процессе обучения недостаточно внимания уделено формированию умения эффективно работать с информацией, критически ее оценивать.

Опрос показал, что 80,8 % опрошенных, по их мнению, самостоятельно прошли этот путь; освоили на уроках информатики в школе — 10 %; помогали друзья — 9,2 %. Варианты ответов относительно обучения в специальных кружках или на курсах не выбрал никто! Данный факт свидетельствует о необходимости

Таблица 5

Рейтинг показателей оценивания информации из интернет-источников
 Table 5. Rating of indicators of evaluation of information from Internet sources

Рейтинг (опрос 2)	Наименование показателя оценивания	% от общего числа респондентов, сделавших выбор показателя
1	Достоверность	96,3
2	Полезность	70,4
3	Актуальность	61,1
4	Полнота	46,3
5	Авторитетность источника	37,0
6	Объективность и непредвзятость	31,5
7	Репутация источника	27,8
8	Необычность подачи материала	19,3
9	Красочность оформления	11,3
10	Фундаментальность	11,1
11	Релевантность	7,4
12	Сенсационность фактов	5,5

изменить социальное отношение к проблеме цифрового обучения подрастающего поколения. Если человек «загружен» знаниями, решения он принимает иначе, чем тот, кто просто «гуглит» ответ. Самостоятельность хороша, если заданы верные ориентиры. В иных случаях могут проявляться негативные последствия. Распределение ответов в таблице 6 иллюстрирует отношение к своей деятельности и поведению в интернет-среде до и после системного и целенаправленного обучения, практического закрепления навыков, даже у состоявшихся (как себя определяют студенты) пользователей.

Таблица 6

Самооценка целеполагания работы в виртуальном пространстве

Table 6. Self-assessment of goal-setting of work in virtual space

№	Наименование показателя и индикаторов для оценивания		% от общего числа респондентов, сделавших выбор показателя	
			Опрос 1	Опрос 2
1	Контролируете ли Вы свою деятельность в сети Интернет?	Да	57,9	87,6
		Не задумывался (-ась) над данным вопросом	37,8	10,7
		Нет	4,3	1,7
2	По ссылкам в личных сообщениях перехожу	Всегда (считаю это важным и интересным)	15	5,6
		Не всегда (зависит от настроения, времени)	40,9	20,3
		Никогда не перехожу, поскольку считаю это небезопасным	44,1	74,1

Важно не просто научить студентов безопасному использованию интернета, но и продуктивной работе в нем, формированию у них научной грамотности, учить выводить на различные векторы познания, а также формировать исследовательские навыки, навыки применения различных возможностей, в том числе технологических, для конструирования новых знаний.

Особенностью современного этапа взаимодействия молодежи в интернете является использование смартфонов. Этим объясняется и изначально невысокий уровень работы на персональных компьютерах, который студенты оценили следующим образом: 81,5 % отнесли его к среднему (причем у 30 % из них преподаватель оценил его как высокий), а 15 % считают, что обладают высоким уровнем пользователя, но, по сведениям преподавателя, около 60 % из них не демонстрируют его на практических занятиях. Один студент указал на свой низкий уровень владения цифровыми технологиями, что соответствует действительности. Основная причина — реальное содержание уроков информатики в школе, не всегда соответствующее образовательной программе.

Технологическая динамика отличается высокими темпами. Еще в 2021 г. в региональном отчете компании *We Are Social u Hootsuite* под названием «Интернет и соцсети в России в 2021 году — вся статистика» упоминается о предпочтениях применять мобильные устройства для общения в интернете. Об этом же говорится в упоминавшемся ранее в статье отчете команды проекта *EU Kids Online 2020* г. (25 101 порошенных подростков) [2]: «Большинство детей в 19 европейских странах сообщают об использовании своих смартфонов “ежедневно” или “почти все время”. Аналогичные данные получены в ходе опроса студентов: более 78 % указали о предпочтении применять мобильные гаджеты. С этих позиций критическое значение, особенно в современных условиях, приобретает безопасность данных устройств. Оценка уровня внимания к данному показателю приведена в таблице 7. Анализ представленных результатов показывает в целом удовлетворительное отношение к базовым требованиям безопасности. Вместе с тем существенное количество пользователей пренебрегают соблюдением этих требований при использовании персональными компьютерами (21,5 % и 66,4 % соответственно). Однако отношение к уровню безопасности смартфонов вполне позитивное, что еще раз подтверждает значимость таких гаджетов для молодежи.

Таблица 7

Знание о важности применения базовых средств информационной безопасности

Table 7. Knowledge of the importance of using basic information security tools

№	Наименование показателя оценивания	Пароль		Двухфакторная аутентификация при использовании сервисов	
		На персональном компьютере (ПК)	На смартфоне, мобильном телефоне (МТ)	На ПК	На МТ
1	Установлен	78,5	98,7	33,6	93, 2
2	Не установлен	21,5	1,3	66,4	6,8
Почему не установлены?					
3	Не задумывался (-ась)	5,2	0,00	45,0	0,0
4	Не знаю о важности	0	0,00	1,9	1,9
5	Забываю	9,7	0,00	12,9	1,9
6	Не считаю нужным	6,6	0,00	0,0	0,0
7	Бесполезно	0	1,3	6,6	3,0

Одно из неоднозначных следствий приоритета пользования мобильными устройствами — низкий исходный уровень работы с электронными документами на компьютере в форматах *MS Word* и *Excel*, отсутствие навыков правильного форматирования и грамотного оформления, необходимых современным специалистам цифровой эпохи, особенно будущим юристам.

Учитывая, что в современном мире знание динамично и быстро трансформируется, а технологический разрыв поколений увеличивается, важно «научить учиться», безопасно добывать знания для успешного преодоления рисков деструктивных воздействий и манипуляций в виртуальном пространстве и успешного продвижения в профессии. В таблице 8 почти 66 % (в первичном опросе) молодых и активных пользователей интернета указали, что даже не подозревали или не учитывали того факта, что являются «заложниками» фильтров поисковиков и социальных сетей, которые методично отслеживают их интересы и составляют «виртуальный портрет», чтобы успешно навязывать информацию определенного рода, тем самым лишая возможности самостоятельного анализа и выбора, «закрывая» человека в однотипном спектре интересов, сужая горизонты, «отрезая» от перспектив, в том числе развития знаний, взглядов, вкуса, эмоций, увлечений и т. д.

Таблица 8

Преодоление стереотипа «безопасного интернета»

Table 8. Overcoming the “safe Internet” stereotype

№	Наименование показателя и индикаторов для оценивания		% от общего числа респондентов, сделавших выбор показателя	
			Опрос 1	Опрос 2
1	Проблему «цифрового следа пользователя» в сети Интернет	Учитываю всегда при работе в интернете	27,7	61,7
		Не задумываюсь об этом никогда	24,8	2,8
		Иногда учитываю, но не всегда	4,5	34,5
		Не знаю, как противостоять этой технологии	1,9	0
		Не знаю, о чем идет речь	39,2	0
		Считаю, что такие действия бесполезны	1,9	1

Следовательно, практическое знакомство с трендами цифровых технологий («интернет-вещей», «интернет людей», «интернет-поведение», «цифровой след», «большие данные» и др.) должно быть обязательным в рамках вузовских учебных дисциплин. Только осознанное отношение к информационной безопасности и манипулированию в сочетании с устоявшимися взглядами и убеждениями, навыками принятия оптимальных решений позволят избежать негативных последствий, эффективно и с пользой применять цифровые технологии.

Профессионал с соответствующими знаниями и навыками способен преодолеть инерцию мышления и существования, помня о важности информационной безопасности и защите персональных данных. Но устоявшиеся привычки и стереотипы легковесного отношения к личной информации, персональным данным, сформированная убежденность в безопасности сетевого общения не всегда легко преодолимы. Об этом свидетельствуют результаты опроса, представленные в таблице 9.

Таблица 9

Распределение мнения о размещении в открытом доступе личных материалов
 Table 9. Distribution of opinion about posting personal materials in the public domain

№	Наименование показателя и индикаторов для оценивания		% от общего числа респондентов, сделавших выбор показателя	
			Опрос 1	Опрос 2
1	Личные фотографии	Да	30,5	48,8
		Иногда	62,1	44,9
		Всегда	0,0	0
		Не считаю это ошибкой	7,4	6,3
2	Данные о своей семье (указываю родственников)	Да	10,0	0,0
		Иногда	65,9	79,9
		Всегда	0,0	0
		Не считаю это ошибкой	24,1	20,1
3	Данные о месте жительства	Да	0,0	0,0
		Нет	92,6	94
		Не считаю это ошибкой	7,4	6,0
4	Предоставляю номер телефона	Да	7,4	2,4
		Нет	90,2	95,2
		Не считаю это ошибкой	2,4	2,4
5	Указываю свои настоящие фамилию, имя	Да	66,7	76,6
		Иногда	30,1	21,1
		Всегда	1,9	0,0
		Не считаю это ошибкой	1,3	2,3

Из таблицы 9 становится понятным, что ситуацию можно признать сложной. В частности, поколение детей с самостоятельным цифровым образованием, которые стали молодыми пользователями и студентами, полностью не осознают суть проблем безответственного сетевого поведения и связанные с этим риски. Ситуация неприемлема в профессиональной сфере, если навыки безопасного информационного поведения являются важным фактором успешности специалиста. Поэтому целенаправленное, системное освоение информационно-коммуникационных технологий, требований и правил информационной безопасности, подкрепленное практическими навыками и умениями в ходе освоения учебных дисциплин, позволяют значительно улучшить ситуацию. Например, относительно вопроса о критерии «ложности» информации студенты выделили такие основания, как недостоверная информация (критерии — информация из ненадежных источников, нет ссылок на первоисточник, без авторства); противоречивость фактов (критерии — несоответствие действительности, субъективные суждения автора); автор с сомнительной репутацией/биографией; низкое качество текста (критерии — отсутствие ясности, точности изложения, нестыковки, орфографические и стилистические ошибки); пропагандистский характер; отсутствие доказательств и ссылок на первоисточник; сомнительные источники (вирусные и неофициальные сайты); мнение, не совпадающее с моим.

Проблема формирования у молодежи адекватного сетевого поведения, навыков противодействия рискам деструктивных воздействий осложнена тем, что

мышление нового цифрового поколения существенно отличается от мышления преподавателей. Данные таблицы 9 предполагают проявление внимания к результатам, так как опрос позволяет выявить ряд фактов, на которые необходима реакция. Прежде всего это относится к персональным данным, конфиденциальность которых обеспечивается в том числе законодательными мерами. Их особенности изменения изложены в одном из исследований [10, с. 4–6].

В соответствии с этим закономерно возникают вопросы, связанные с первичной готовностью к противодействию негативным информационным влияниям, в частности при использовании социальных сетей и мессенджеров, как показано в таблице 10.

Таблица 10

**Распределение ответов в ситуациях предложений о добавлении в «друзья»
незнакомых людей**

Table 10. Distribution of answers in situations of suggestions to add strangers as friends

№	Наименование показателя оценивания	% от общего числа респондентов, сделавших выбор показателя
1	Добавляю, не раздумывая	2,6
2	Удаляю запрос, не принимая дружбу	20,2
3	Смотрю их аккаунт, выясняю личность и затем добавляю	11,1
4	Смотрю их аккаунт, выясняю личность, но чаще не добавляю	66,1

Как свидетельствуют данные таблицы 10, в целом наблюдается благополучная ситуация. Но 5,6 % молодых пользователей, ответивших «добавляю, не раздумывая», однозначно нуждаются во всестороннем дополнительном внимании педагога и взрослых.

Перечисляя наиболее важные (по собственному мнению) причины для удаления из «друзей» в социальных сетях, респонденты (48 %) указали, что в качестве таковых у них только «проверенные» и надежные люди, поэтому — таких поводов не было. Причем 22 % не ответили на вопрос. Причина может содержать и в нежелании задуматься, и в собственном мнении относительно этого (например, стойкая убежденность в собственных способностях разобраться «в случае чего»). Около 30 % указали на следующие «сигналы» и основания: выкладывает непристойные вещи; оскорбительное поведение; ссора, в ходе которой невозможно примирение; предательство; разногласия при общении; страница взломана мошенниками; манипуляции; демонстрирует корыстные цели; проявляет агрессию; случайно добавленный пользователь; человек много «спамит».

Изменение взглядов и отношения студентов к проблемам информационной безопасности и рисков деструктивных воздействий сети после окончания обучения, по итогам приобретения соответствующих практических знаний и компетенций отражены в таблице 11.

Представления студентов о временных рамках и системности в оценке угроз и рисков при работе с цифровыми технологиями также претерпели трансформацию, как показано в таблице 12.

Сформированные в ходе целенаправленного обучения знания, навыки, умения и компетенции отразились в суждениях студентов о приоритетных задачах обеспечения информационной безопасности, значимости факторов противодействия рискам деструктивных сетевых влияний, как видно из таблиц 13–15.

Таблица 11

**Оценка значимости установки на персональные компьютеры специальных программ
для предотвращения рисков деструктивных воздействий
и обеспечения информационной безопасности**

Table 11. Assessment of the importance of installing special programs on personal computers to prevent risks of destructive influences and ensure information security

№	Наименование показателя оценивания	% от общего числа респондентов, сделавших выбор показателя
1	Считаю, что необходимо устанавливать специальные программы для обеспечения информационной безопасности	92,8
2	Не считаю нужным	1,5
3	Не задумывался (-ась) о необходимости	2,0
4	Не знаю, как это сделать	0,0
5	Считаю, что такие действия бесполезны	3,7

Таблица 12

**Динамика представлений о периодичности проверок угроз
информационной безопасности**

Table 12. Dynamics of perceptions about frequency of information security threats checks

№	Наименование показателя оценивания	% от общего числа респондентов, сделавших выбор показателя	
		Опрос 1	Опрос 2
1	Систематический характер	26,5	57,4
2	В течение всего времени эксплуатации	14,3	34,2
3	Эпизодический характер (по мере необходимости)	12,2	4,8
4	Только на этапе покупки и начала эксплуатации	47	3,6

Таблица 13

**Распределение значимости факторов противодействия рискам
деструктивных сетевых влияний**

Table 13. Distribution of importance of factors of counteracting the risks of destructive network influences

Рейтинг	Наименование показателя оценивания	% от общего числа респондентов, сделавших выбор показателя
1	Предварительное прогнозирование негативных последствий	74,1
2	Вдумчивое использование интернет-технологий	44,4
3	Изучение возможных способов возникновения угроз	42,6
4	Постоянная оценка рисков	37,1
5	Инвентаризация систем и сетей, а также определение возможных объектов воздействия угроз	24,1
6	Отслеживание направлений компьютерных атак по источникам, опубликованным в сети Интернет	9,3

Таблица 14

Динамика изменения суждений об антивирусных программах
 Table 14. Dynamics of changes in judgments about antivirus programs

№	Наименование показателя оценивания	% от общего числа респондентов, сделавших выбор показателя	
		Опрос 1	Опрос 2
1	Лицензионная	26	48
2	Бесплатная	48	52
3	Никакой	8	—
4	Не знаю	18	—

Заслуживает внимания тот факт, что популярность бесплатных и не самых надежных антивирусных программ по-прежнему остается на высоком уровне. Тем не менее критическое и аналитическое исследование в данном направлении позволяет студентам познакомиться с их параметрами и изменить отношение к важности их применения для личной безопасности. Аналогичен прогресс мнений, как показано в таблице 15, о мерах, способных обеспечить личную информационную безопасность в интернете и социальных сетях (каждый респондент самостоятельно описывал нужное количество позиций для группировки их по кластерам и определению приоритетов).

Таблица 15

Выбор мер обеспечения информационной безопасности в интернет-пространстве
 Table 15. Choice of measures to ensure information security in the Internet space

№	Наименование показателя оценивания	% от общего числа респондентов, сделавших выбор показателя	
		Опрос 1	Опрос 2
1	Более ранее, системное и глубокое освоение правил поведения в интернет-среде	2	70,8
2	Не скачивать игры с торрент-трекеров, не качать пиратские программы и фильмы	10,2	28,2
3	Очищать историю браузера, систематически проверять и «чистить» компьютер, использовать антивирусные программы, межсетевые экраны, осуществлять постоянное резервное копирование данных	6,6	38
4	Размещать больше доступной информации по вопросу, чтобы проще осуществлять поиск	2	28
5	Не регистрироваться на сомнительных сайтах, не переходить по сомнительным ссылкам	2	35,3
6	Минимизировать ввод наиболее важных личных данных (скрытие личной информации для незнакомцев в соцсетях)	2	35,1
7	Установление антивируса, VPN-сервисов, использование разных паролей и двухфакторной аутентификации	—	76,2
8	Не вести разговоры на важные темы в соцсетях, не передавать личную информацию незнакомым лицам	27,3	80,2
9	Постоянно изучать новые способы защиты себя в интернете	1	56

Обсуждение

Перечисляя меры, которые обеспечат информационную безопасность для общества в целом, студенты продемонстрировали высокую социальную зрелость и указали на важность следующих мер: совершенствования российского производства гаджетов и программ с целью обеспечения национальной безопасности; унификации в единую систему всех интернет-технологий; ликвидации независимой интернет-коммерции; формирования единого мнения в обществе об опасности распространения личных данных, фотографий в интернете; обеспечения доступности качественных бесплатных антивирусов; ужесточения контроля за детьми в интернете; развития программ по предотвращению и борьбе с киберпреступностью; проведения специальных уроков, направленных на получение первичных знаний о проблемах информационной безопасности; более глубокого изучения законодательных и организационных мер обеспечения информационной безопасности в юридических вузах.

Государство и общество не остаются в стороне от проблем молодых пользователей в сети. Стратегия государственного регулирования включает в себя разные направления, формы и способы: от профилактики до мер организационно-технического и правового противодействия, административной и уголовной ответственности. С 2010 г. действует Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», а с июля 2017 г. в Уголовном кодексе РФ установлена ответственность лиц за склонение к совершению самоубийства или за содействие совершению самоубийства путем использования виртуального пространства. Предусмотрены наказания за издевательства над животными и демонстрацию подобного контента в интернете.

Не менее значима деятельность общественных организаций, занимающихся вопросами информационной грамотности и противодействия деструктивным влияниям в цифровую эпоху, привлекающих молодежь, студенческое сообщество к реальным делам. Так, в рамках направления деятельности Фонда «Дети России онлайн» функционирует служба психологического консультирования, проводятся различного рода мероприятия, размещаются статьи и сборники информации об исследованиях и рисках, с которыми встречаются молодые пользователи. Организуют эмпирические опросы, которые позволяют выявить и измерить параметры, связанные с проблемами молодых пользователей интернета. Деятельность Фонда способствует пониманию сути происходящих событий. Например, в ноябре 2022 г. проходил Молодежный форум «Цифровые практики солидарности: на службе у добрых дел», в рамках которого рассмотрены возможности развития положительных социокультурных онлайн-практик для молодежи и развития идеи использовать в качестве ключевого актива цифрового пространства студенческую молодежь [9].

В условиях специальной военной операции России на территории Украины и активизации информационной войны проблематика информационной безопасности стала особенно значимой. С этих позиций необходима целенаправленная работа со студенчеством по развитию критического мышления, способности противодействовать деструктивным сетевым влияниям. Для эффективной организации такой работы в реальных условиях необходимо изучение базового уровня компетенций студентов, социодинамики их трансформации в процессе освоения информационных технологий и основ безопасности информации в вузе [10, с. 8–11].

Учитывая, тот факт, что интернет уже есть и остается неотъемлемой частью существования современного социума, важно понять, как минимизировать негативные и усилить положительные стороны его влияния на молодежь и общество

в целом. Сеть по-прежнему остается самой доступной и открытой платформой для взаимодействия, организации социальных, научных, образовательных и иных проектов, инноваций и много другого. Учитывая разрыв поколений, педагогам важно стимулировать обучающихся к выходу за границы имеющегося знания: от анализа его к синтезу нового.

Выводы

Как показали проведенные опросы, для формирования безопасного сетевого поведения молодежи в интернете, минимизации рисков деструктивного сетевого влияния, обеспечения информационной безопасности важно изначально и системно прививать навыки грамотного сетевого поведения у детей, подростков и молодых пользователей на всех ступенях их развития и образования. Необходимо научить их правильно определять границы достоверности и дезинформации, обеспечить освоение знаний об основах информационной безопасности, сформировать и закрепить навыки и компетенции применения полученных знаний, в том числе, критического мышления, противодействия деструктивным сетевым влияниям. Эти задачи особенно актуальны в сложившейся социально-политической обстановке проведения специальной военной операции и активизации информационной войны.

Список источников

1. Лисицына М. Доля пользователей интернета в России среди молодежи приблизилась к 100 % // РБК. 2021. 12 января. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb5230426 (дата обращения: 10.02.2023).
2. Новое европейское исследование опыта использования интернета детей и подростков в 19 странах // Фонд развития Интернет. URL: <http://www.fid.su/news/euko2020> (дата обращения: 16.02.2023).
3. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Илюхина С. Н. С гаджетами круглые сутки? Один день из жизни абитуриента МГУ // Дети в информационном обществе. 2019. № 2. С. 54–61. URL: <http://detionline.com/assets/files/journal/31/DIO31%2004-061%20tema%20issledovanie.pdf> (дата обращения: 16.02.2023).
4. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Илюхина С. Н. Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 4. С. 27–37. DOI: 10.17759/chp.2022180403
5. Исследование цифровой социализации разных поколений: подростки и родители (2018–2020) // Фонд развития Интернет. URL: <http://www.fid.su/projects/research/digital-socialization-in-adolescents> (дата обращения: 18.02.2023).
6. Статистика молодежи // Vawilon. 2020. 18 апреля. URL: <https://vawilon.ru/statistika-molodezhi/> (дата обращения: 18.02.2023).
7. Медиапотребление и активность в интернете // ВЦИОМ. 2021. 23 сентября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete> (дата обращения: 21.02.2023).
8. Названы обновленные интересы россиян в интернете в 2022 году // TexTerra. 2022. 20 сентября. URL: <https://texterra.ru/blog/glavnye-interesy-rossiyan-v-internete-2022-novoe-issledovanie.html> (дата обращения: 22.02.2023).
9. Психологи Фонда, Светлана Чигарькова и Светлана Илюхина, провели мастер-классы на Молодежном форуме «Цифровые практики солидарности: на службе у добрых дел» // Фонд развития Интернет. URL: <http://www.fid.su/news/> (дата обращения 25.02.2023).
10. Долматов А. В., Долматов Д. А. Противодействие деструктивному сетевому влиянию в процессе воспитания молодежи // Нижегородское образование. 2022. № 4. С. 4–11. URL: <http://www.nizhobr.nironn.ru/sites/default/files/НО-4-2022.pdf> (дата обращения: 25.02.2023).

References

1. Lisitsyna M. The share of Internet users in Russia among young people approached 100%. RBC. Jan. 12, 2021. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb5230426 (accessed on 10.02.2023). (In Russ.).
2. New European study on children's and adolescents' Internet experiences in 19 countries. Internet Development Fund. URL: <http://www.fid.su/news/euko2020> (accessed on 16.02.2023). (In Russ.).
3. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Ilyukhina S.N. With gadgets around the clock? A day in the life of an MSU applicant. *Deti v informatsionnom obshchestve = Children in the Information Society*. 2019;(2):54-61. URL: <http://detionline.com/assets/files/journal/31/DIO31%2004-061%20tema%20issledovanie.pdf> (accessed on 16.02.2023). (In Russ.).
4. Soldatova G.U., Chigarkova S.V., Ilyukhina S.N. Real-self and virtual-self: Identity matrices of adolescents and adults. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*. 2022;18(4):27-37. (In Russ.). DOI: 10.17759/chp.2022180403
5. Intergenerational digital socialization study: Adolescents and parents (2018-2020). Internet Development Fund. URL: <http://www.fid.su/projects/research/digital-socialization-in-adolescents> (accessed on 18.02.2023). (In Russ.).
6. Youth statistics. Vavilon. Apr. 18, 2020. URL: <https://vavilon.ru/statistika-molodezhi/> (accessed on 18.02.2023). (In Russ.).
7. Media consumption and activity on the Internet. VCIOM. Sep. 23, 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete> (accessed on 21.02.2023). (In Russ.).
8. Updated interests of Russians on the Internet in 2022 are named. TexTerra. Sep. 20, 2022. URL: <https://texterra.ru/blog/glavnye-interesy-rossiyan-v-internete-2022-novoe-issledovanie.html> (accessed on 22.02.2023). (In Russ.).
9. The Fund's psychologists, Svetlana Chigarkova and Svetlana Ilyukhina, held master classes at the Youth Forum "Digital practices of solidarity: In the service of good deeds". Internet Development Fund. URL: <http://www.fid.su/news/> (accessed on 25.02.2023). (In Russ.).
10. Dolmatov A.V., Dolmatov D.A. Combatting destructive influence of networks in the process of educating young people. *Nizhegorodskoe obrazovanie*. 2022;(4):4-11. URL: <http://www.nizhobr.nironn.ru/sites/default/files/HO-4-2022.pdf> (accessed on 25.02.2023). (In Russ.).

Информация об авторе

Д. А. Долматов — аспирант; 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48.

Information about the author

D. A. Dolmatov — postgraduate student; 48 Moika River emb., St. Petersburg 191186, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 30.06.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 30.06.2023; accepted for publication 10.10.2023.

ПРАВО В ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ THE LAW IN A STATE AND PERSON LIFE

Научная статья

УДК 343.988

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-3-383-398

Виктимологические особенности преступлений против собственности в современных условиях

Игорь Николаевич Бобровничай^{1, 2}

¹ Алтайский институт экономики — филиал Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Барнаул, Россия

² Северный институт — филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Петрозаводск, Россия, bobrovnichyin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу виктимологических особенностей преступлений против собственности. Исследованы такие преступления, как кражи, мошенничества, грабежи, разбои. Особое внимание уделено жертвам мошенничества, совершаемого дистанционно с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Основой исследования стали особенности поведения потерпевших, поскольку именно поведение человека концентрирует в себе все основные факторы, образующие его личность (социальные, демографические, биологические и др.). Поведение потенциальной жертвы может в большей степени корректироваться. Поэтому полученные данные, несомненно, помогут разрабатывать и реализовывать наиболее эффективные меры виктимологической профилактики и предупреждения преступлений против собственности.

Ключевые слова: виктимология, преступления против собственности, кражи, грабежи, разбои, мошенничество, дистанционное мошенничество, потерпевший, жертва преступления, классификация потерпевших, типы потерпевших, виктимность, виктимная ситуация, виктимологическая профилактика, предупреждение преступлений

Для цитирования: Бобровничай И. Н. Виктимологические особенности преступлений против собственности в современных условиях // Социология и право. 2023. Т. 15. № 3. С. 383–398. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-383-398>

Original article

Victimological features of property crimes against property in current conditions

Igor N. Bobrovnichiy^{1, 2}

¹ Altai Institute of Economics — a branch of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Barnaul, Russia

² Northern Institute — a branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Petrozavodsk, Russia, bobrovnichyin@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of victimological features of crimes against property. Such crimes as theft, fraud, robbery, robbery are studied. Special attention is paid to victims of fraud committed remotely with the use of information and telecommunication technologies. The peculiarities of victims' behavior became the basis of the research, since it is the behavior of a person that concentrates all the main factors forming his personality (social, demographic, biological, etc.). The behavior of a potential victim can be corrected to a greater extent. Therefore, the obtained data will undoubtedly help to develop and implement the most effective measures of victimological prevention and prevention of crimes against property.

Keywords: victimology, property crime, theft, robbery, robbery, fraud, remote fraud, victim, victim, victim of crime, classification of victims, types of victims, victimhood, victimization, victimization situation, victimization prevention, crime prevention

For citation: Bobrovnichiy I.N. Victimological features of property crimes against property in current conditions. *Sociology and Law*. 2023;15(3):383-398. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-383-398>

Введение

Статистика преступности в Российской Федерации (РФ) показывает, что более половины выявленных преступлений — это деяния против собственности. Почти каждое третье выявленное в стране преступление совершено путем кражи. Следует отметить, что в последние несколько лет продолжается начатая в 2020 г. тенденция к их постепенному сокращению: –3,9 % (2022) [1], –2,4 % (2021) [2], –3 % (2020) [3].

Более чем на четверть меньше зарегистрировано краж автотранспорта (–28,6 %; 4,6 тыс.). На треть (со 143,8 до 104 тыс.) сократилось число краж с банковского счета. В январе — ноябре 2022 г. наблюдается рост количества зарегистрированных мошенничеств (с 308,1 до 311,5 тыс.). На преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, приходится около четверти (25,8 %) от числа всех зарегистрированных преступлений. Их массив продолжил сокращаться (–4,9 %; 470,1 тыс.). Практически три четверти (72,8 %) таких преступлений совершено с использованием сети Интернет (+1,9 %; 342,5 тыс.). Меньше зафиксировано грабежей (–6,5 %; 27,3 тыс.) и разбоев (–9,7 %; 3,6 тыс.) [1].

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на рост хищений, совершенных в форме мошенничества (ст. 159–159.6 Уголовного кодекса (УК) РФ) [4]. Так, в 2017 г. количество преступлений, совершенных в форме мошенничества, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года увеличилось на 6,6 %, то есть совершено в целом 222 772 преступления [5]. Около половины зарегистрированных преступлений (42 %) составляли хищения чужого имущества, совершенные путем краж — 788 531 (–9,5 %), мелкого хищения — 9 250, грабежей — 56 855 (–7,6 %), разбоев — 9 104 (–20,3 %). В 2018 г. количество мошенничеств незначительно снизилось на 3,5 % и составило 215 036 преступлений [6]. В 2019 и 2020 гг. количество этих преступлений существенно увеличилось: в 2019 г. — на 19,6 % (257 187) [7], в 2020 г. — на 30,5 % (335,6 тыс.) [3]. В результате в структуре преступности их доля увеличилась с 12,7 % до 16,4 %.

В 2021 г. ситуацию в аспекте борьбы с мошенничеством удалось стабилизировать, и темпы прироста не превысили 1,2 % (339,9 тыс.) [2]. Наиболее распространены мошенничества в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или компьютерной информации. На них приходится около 73 % хищений (249,2 тыс.), совершенных путем обмана или злоупотребления доверием.

Анализ по итогам 11 месяцев 2022 г. показал, что каждое третье выявленное в стране преступление по-прежнему совершено путем кражи. Их количество продолжает сокращаться (–3,9 %; 648,9 тыс.) [1]. Но количество зарегистрированных мошенничеств продолжает увеличиваться (с 308,1 до 311,5 тыс.).

По состоянию на январь 2023 г. также сохраняются тенденции роста числа IT-мошенничеств (на 12 %) [8]. На территории Алтайского края данные о преступлениях против собственности в целом отражают схожую по стране динамику. Эти преступления остаются наиболее распространенным видом (54,5 %). Количество таких регистрируемых преступлений стабильно и в отчетном периоде несколько сократилось (–0,5 %). Наибольшую долю преступлений против собственности традиционно составляют кражи (56,8 %). Доля мошенничеств снижена с 28,1 % до 27,9 %. Вместе с тем отдельные виды преступных посягательств по итогам отчетного периода имеют отрицательную динамику. В числе краж всех видов наблюдается увеличение на 13,7 % (с 51 до 58) таких преступлений, совершенных путем проникновения в места хранения товарно-материальных ценностей (склады, базы, магазины), из автомобилей (+26,9 %; с 78 до 99), садовых домиков (+18,2 %; с 33 до 39), а также карманных краж (+25,7 %; с 70 до 88) [9].

Теория

В процессе исследования виктимологических аспектов преступлений нами уделено внимание прежде всего особенностям поведения потерпевших. На наш взгляд, именно поведение человека концентрирует в себе все основные факторы, образующие его личность (социальные, демографические, биологические и др.). Поведение может более всего корректироваться [10]. Это, несомненно, повысит эффективность предупреждения преступлений.

В связи с вышеуказанным нами из множества виктимологических классификаций потерпевших использована предложенная Д. В. Ривманом классификация потерпевших по характеру их поведения [11]. Он выделил следующие типы потерпевших: агрессивный, активный, инициативный, пассивный, некритический и нейтральный. «Агрессивные» — это потерпевшие, которые агрессивно провоцировали в отношении себя преступные действия (клеветали, оскорбляли) или даже совершали насилие. «Активные» — лица, которые сознательно или неосторожно подстрекали кого-либо к причинению им вреда или делали это самостоятельно (например, членовредительство). «Инициативные» — лица с положительным поведением, но ввиду своей профессии, общественного положения, личностных качеств и активной жизненной позиции могут получить вред (сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие и др). «Некритичные» — лица, которые неспособны вследствие возрастных, интеллектуальных психологических или иных особенностей адекватно оценить ситуацию, в связи с чем им причиняется вред. «Пассивные» — лица, которые по каким-либо причинам не оказывают сопротивление или противодействие преступным посягательствам. «Нейтральные» — это лица, поведение которых не провоцировало и не способствовало преступным действиям в их отношении [12].

Результаты и обсуждение

Как указано выше, наиболее распространенным преступлением против собственности является кража. Кражи причиняют материальный ущерб как физическим, так и юридическим лицам. Однако в качестве потерпевших от этих пре-

ступлений выступают преимущественно физические лица: их количество превышает соответствующий показатель по юридическим лицам в два-три раза.

Чаще всего жертвы таких краж характеризуются нейтральным типом поведения, по сути, не провоцируя преступные действия. Элементы некритичности могут быть связаны лишь с вопросами обеспечения сохранности денег и имущества. Например, по показаниям потерпевшей в ее собственности находился двухколесный велосипед, который в сентябре она поставила в подвальное помещение подъезда. Входная дверь в подвал снаружи запирается навесным замком. В последний раз она проверяла наличие принадлежащего ей велосипеда в декабре, он находился в месте, в котором она его обычно и оставляла. К раме велосипеда был прикреплен кодовый велосипедный замок с тросом красного цвета. Тем не менее подсудимый Ш., осознавая общественно опасный и противоправный характер своих действий, проследовал к подъезду дома и при помощи пассатижей повредил запорное устройство в виде петли для навесного замка, открыл дверь, через которую прошел в подвал подъезда, тем самым незаконно проник в указанное иное хранилище и совершил кражу велосипеда [13].

Как видим, происходят ситуации, в которых потерпевшие объективно бесследны вмешаться в действия преступников, а с точки зрения технического обеспечения сохранности своего имущества сделали все возможное. Очевидным становится тот факт, что аналогичные ситуации не имеют виктимологического значения для практического предотвращения краж личного имущества.

Часто кражи совершают при свободном доступе, что связано с некритичным или даже пассивным поведением жертвы. Так, подсудимая М. заключила договор о присмотре за бабушкой. У нее были ключи от квартиры. Когда она пришла на работу, увидела в комнате открытую сумку, в которой находились сотовые телефоны и другая техника. По окончании работы она похитила эти телефоны [14]. В данном случае одной из возможных причин кражи могло быть излишнее доверие потерпевшего, а также неосторожность и непредусмотрительность.

Следует отметить, что жертвы краж часто, не обеспечивая должных мер по сохранности имущества, будто провоцируют преступные посягательства. Например, во дворе дома подсудимый П. увидел подвальное помещение и понимая, что в нем расположена организация, вошел в это помещение, чтобы попросить еды. Ему отказали. При выходе из помещения он увидел сосуд Дьюара, взял его и отправился в пункт приема металла, в котором продал сосуд, а вырученными деньгами распорядился по своему усмотрению [15]. На наш взгляд, в этом случае проявляются неосторожность и непредусмотрительность, преобладает пассивное и некритичное поведение жертвы.

В случаях карманных краж и из сумочек наблюдается особая беспечность и невнимательность потерпевших. Эти кражи отличаются от остальных тем, что жертва непосредственно сталкивается с преступными действиями. Жертва при этом демонстрирует пассивный и порой беспомощный характер поведения, даже при условии, что практически исключены ситуации, в которых потерпевший объективно не мог противодействовать преступнику или хотя бы заметить его действия. Но, как указано ранее в статье, карманные кражи совершают редко (около 2 % от общего количества краж). Направления профилактики очевидны, тем более что выявление таких потенциальных жертв способствует и поиску преступников.

Анализируя кражи, выделим хищения денежных средств с банковских карт, уровень которых остается высоким. Как показало исследование, жертвы чаще всего создают виктимную ситуацию, не обеспечивая сохранность своих банковских карт. Так, подсудимая К., осознавая общественно опасный и противоправный

характер своих действий, из корыстных побуждений, убедившись, что за ней никто не наблюдает, установила на свой телефон приложение «Сбербанк Онлайн», используя банковскую карту ПАО «Сбербанк», которая принадлежала ее матери, осуществила вход и регистрацию в личном кабинете, получила доступ к счетам матери и тайно похитила денежные средства в размере 112 500 руб. [16].

Итак, жертвы таких преступлений чаще всего имеют некритичный характер поведения, демонстрируя неосмотрительность и неумение оценить ситуацию. В рассмотренном случае потерпевшей стала мать, и для злоумышленницы было несложным завладеть банковской картой, естественно.

Часто банковской картой завладевают именно по причине неосторожности и невнимательности потерпевшего. Показателен следующий пример. Подсудимый Р. в торговом центре тайно, путем свободного доступа похитил сотовый телефон. Далее он вытащил из него сим-карту и вставил в свой телефон. Затем с данной сим-карты написал сообщение на номер 900, чтобы узнать баланс карты «Сбербанк» если к этому номеру она привязана. Узнал, что баланс карты, привязанной к номеру телефона, составляет более 600 руб., и решил их похитить. Через некоторое время этого же дня он пришел к дому своей девушки, встретив ее около подъезда, и перевел через номер 900 с похищенной сим-карты 600 руб. на номер Светланы, которым он пользовался. Похищенный им ранее сотовый телефон продал таксисту.

Показаниями потерпевшей подтверждается, что у нее с рабочего места был похищен сотовый телефон, и, поскольку к абонентскому номеру, который находился в похищенном сотовом телефоне, была подключена услуга мобильный банк от «Сбербанка», она заблокировала данную сим-карту. Потом она восстановила «Сбербанк Онлайн» и при входе в историю обнаружила, что с ее банковского счета осуществлен перевод денежных средств в размере 600 руб. [17].

В другой ситуации сын потерпевшей пошел в магазин, в котором рассчитывался за покупки банковской картой. Вечером он сообщил матери, что не может найти свою банковскую карту. В приложении «Сбербанк Онлайн» мать и сын увидели покупки, совершенные в этот день в магазине, и поняли, что кто-то воспользовался банковской картой сына. При этом покупки ни она, ни ее сын не совершали. В магазине от продавца мать узнала, что банковской картой «Сбербанк» неоднократно за покупки рассчитывался Г. Она приехала к Г., который отказался возратить денежные средства и карту. В настоящее время Г. возместил причиненный ущерб [18]. В данном случае потерпевшая фактически жертвой не стала, так как поведение ее виктимным не являлось, в отличие от неосторожного и беспечного (пассивного) поведения ее сына.

В целом, как мы видим, основной причиной таких краж, по-прежнему, остается беспечное поведение жертвы. Поэтому прежде всего необходимо формировать более ответственное отношение к сохранности имущества. К сожалению, аналогичных преступлений становится все больше.

Грабежи и разбои составляют гораздо меньшую долю в структуре преступлений против собственности (примерно 8 % грабежей и 2 % разбоев). Как указано нами ранее в статье, наблюдается стабильное снижение грабежей [1]. Жертвы разбойных нападений и грабежей также демонстрируют все виды виктимного поведения. Четко можно выделить нейтральное, положительное и негативное. В личностно-поведенческом плане они принадлежат к различным типам жертв.

В качестве типичного примера нейтрального поведения жертвы грабежа приведем следующий случай. У находящегося в торговом павильоне «Цветы» гражданина С. возник преступный умысел, направленный на открытое хищение чужого имущества, в частности букета цветов и композиции. С. взял букет цветов

на общую сумму 1 580 руб. 90 коп. и при введении в заблуждение сотрудника торгового павильона «Цветы», посредством создания видимости перевода денежных средств в счет оплаты за букет цветов и композицию, держа их в руках, направился к выходу из торгового павильона. Однако продавец, увидев, что оплата не прошла, обратилась с требованием к С. остановиться и оплатить товар. Осознавая, что его действия носят открытый характер и очевидны для сотрудника торгового павильона, игнорируя ее законное требование вернуть похищенное имущество, злоумышленник с места преступления скрылся, тем самым открыто похитил и обратил в свою пользу имущество, принадлежащее ИП [19].

Подобный грабёж произошел в ломбарде. Так, Ф., имея преступный умысел на хищение чужого имущества, зашла в помещение ломбарда и, осознавая общественно опасный, противоправный характер своих действий, действуя из корыстных побуждений, попросила у находившейся в ломбарде А. кольцо из золота 585 пробы под предлогом примерки, заранее планируя не возвращать изделие. А., не подозревая о преступных намерениях Ф., достала кольцо с витрины и передала его последней. Затем Ф., осознавая, что ее действия очевидны для А. и носят открытый характер, не имея намерения оплачивать товар, удерживая при себе переданное ей кольцо, вышла из помещения ломбарда и скрылась с места преступления, игнорируя требования А. о возврате кольца. В дальнейшем похищенным имуществом Ф. распорядилась по своему усмотрению [20].

Особенность грабежей и разбоев, совершенных в жилищах, заключается чаще всего в беспечности и доверчивости жертв (в большинстве рассмотренных случаев). Жертвы нередко употребляют алкоголь, пускают случайных и незнакомых людей в жилище, не обеспечивают сохранность имущества и т. д.

Так, потерпевшая Т. в судебном заседании показала, что находилась в ночное время в помещении зоны самообслуживания в здании ПАО «Сбербанк» с братом. Ей необходимо было срочно зачислить деньги на счет карты ее гражданского супруга в размере 3 000 руб. Но, поскольку карты в ее распоряжении не было, она решила попробовать воспользоваться функцией распознавания лица, имеющейся в устройстве самообслуживания. Это у нее не получилось, и она попросила находившегося в этом же помещении ранее ей незнакомого А., чтобы он сначала зачислил деньги через банкомат на свою карту, а затем с этой карты перечислил бы деньги на указанный ею номер телефона. А. согласился, она вложила в слот банкомата купюры. А. приложил свою карту. Когда банкомат принял купюры, она стала диктовать А. номер телефона. А. пытался перевести деньги на телефон, но ничего не получалось. После этого А. забрал свою карту и ушел, несмотря на ее требования вернуть деньги. После ухода А. она позвонила в полицию. В ходе допроса на стадии предварительного расследования потерпевшая Т. показала, что в момент исследуемых событий находилась в состоянии опьянения [21]. Незнакомый потерпевшей А. также пребывал в состоянии опьянения.

В рассмотренном случае очевидным становится беспечное и некритичное поведение жертвы, обусловленное состоянием опьянения. Такое поведение является основной причиной преступлений.

Анализ статистики преступлений против собственности показывает, что для их совершения все чаще используют информационно-телекоммуникационные технологии. Эти технологии многократно повышают шансы для многих категорий населения стать жертвой преступления.

Практически половина из числа зарегистрированных преступлений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (48,14 %; 249 249 из 517 722), составляют

мошенничества, предусмотренные ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ. 95,71 % (238 560) из них — мошенничества, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (ст. 159 УК РФ); 4,11 % (10 258) — мошенничества, совершенные с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ). Из 311 211 мошенничеств по ст. 159 УК РФ более 80,27 % (249 822) зарегистрированы по ч. 2–7 ст. 159 УК РФ, свыше 60 % из которых совершены по ч. 2 и 4 ст. 159 УК РФ [22].

В диссертационном исследовании Е. А. Родина пишет, что «количество потерпевших только по зарегистрированным преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, превышает полмиллиона человек в год. Количественные оценки уровня кибермошенничеств показывают, что в той или иной его форме с деятельностью мошенников сталкивались десятки миллионов жителей России» [23].

Президент РФ В. В. Путин на расширенном заседании коллегии МВД России вновь говорил «о новых вызовах, связанных с проникновением криминала в сферу информационных технологий и телекоммуникаций». В частности, он указал: «Количество преступлений в этой сфере ежегодно растет. В результате действий кибермошенников урон несут отечественные компании. И, что вызывает особую остроту общественной реакции, с потерями средств и накоплений, с невосполнимым моральным ущербом сталкиваются наши граждане во все большем и большем количестве. Жертвами преступников становятся пенсионеры, многодетные семьи, люди с ограниченными возможностями по здоровью» [24].

Таким образом, дистанционные мошенничества, или мошенничества, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в настоящее время вызывают особую тревогу. Все это подтверждается статистическими данными, которые нами приведены ранее. Как показало исследование, большинство жертв (потерпевших) мошенничества, на наш взгляд, можно отнести к некритичному, но активному типу, с ярко выраженной корыстной мотивацией (жадностью). Вероятно, что именно на этих качествах «играют» мошенники, обманывая жертв.

Так, жительница Барнаула, вкладывая в инвестиции, перевела мошенникам 500 000 руб. Ради получения прибыли 62-летняя женщина оформила на себя несколько кредитов. С октября 2022 г. по февраль 2023 г. злоумышленники похитили у нее 500 000 руб. Как сообщила потерпевшая, ей поступил звонок от якобы сотрудников инвестиционной компании. Незнакомцы предложили выгодно заработать путем вложения денежных средств в инвестиционные проекты и получения процентов. Доверчивая женщина не усомнилась в словах «менеджера» и через мобильное приложение оформила на себя кредит в размере 265 000 руб. После этого, действуя по указанию злоумышленников, женщина сняла денежные средства и перевела через банкомат. Остальную сумму потерпевшая переводила разными частями через салоны связи и мобильные приложения. Установлено, что гражданка оформила на себя кредиты в нескольких банковских организациях. Подозрения у заявительницы возникли лишь после того, как предполагаемые брокеры, совершив транзакции, перестали выходить с ней на связь. В итоге она обратилась в полицию [25].

Подобным способом решила «разбогатеть» и сельская жительница Первомайского района Алтайского края 1963 года рождения, которая обратилась в полицию с заявлением о том, что накануне неизвестные лица путем обмана похитили более 700 тысяч руб. Как рассказала потерпевшая, в сети Интернет она нашла рекламу об инвестициях в одной компании и, перейдя по ссылке, заполнила анкету, в которой указала личные данные и оставила номер телефона.

Через некоторое время ей позвонила неизвестная женщина и представилась Мариной. Звонившая предложила ей попробовать инвестировать денежные средства в акции в одной из газодобывающих компаний. Ничего не подозревая, потерпевшая согласилась и стала действовать по инструкции аферистки. В результате установила на свой телефон приложение, осуществила регистрацию своих данных, оформила кредит. По словам женщины, до конца не разобравшись в системе заработка, она доверилась звонившей и перевела взятые в кредит денежные средства на продиктованный счет [26].

Другой житель Алтайского края хотел получить новогодние подарки, но также пострадал от действий мошенников. Гражданин 1971 года рождения сообщил полиции, что увидел в интернете рекламу подарков на Новый год. Доверчивый мужчина установил в телефоне приложение, после этого ему прислали три бесплатных билета. Он воспользовался ими и получил сообщение о том, что выиграл 251 000 руб. Следом на телефон пришло уведомление, что необходимо снять денежные средства в течение суток, но для этого сначала произвести активацию счета. Мужчина так и сделал: осуществил восемь операций на общую сумму около 10 000 руб. По данному факту возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 159 «Мошенничество» УК РФ [27].

Следовательно, корыстные мотивы у жертв могут появляться по разнообразным поводам. Мошенники, используя дистанционные технологии, эксплуатируют различные потребности не критичных, но активных жертв. Для обмана и незаконного обогащения нередко используют даже потребности в общении, признании, любви.

В частности, 68-летняя жительница г. Барнаула обратилась с заявлением о мошенничестве на сумму более 600 000 руб. [28]. Все началось с регистрации в одной из социальных сетей. Пожилая жительница краевой столицы еще в июне 2021 г. познакомилась с мужчиной и начала активно с ним переписываться. За долгое время общения злоумышленник смог войти в доверие к потерпевшей, присылал ей «свои» фотографии (в действительности обработанные в графическом редакторе), общался с ней через онлайн-переводчик, тем самым объясняя свою грамотную русскую речь. Затем неожиданно у «иностранца» начались проблемы. Он рассказывал невероятные истории об ограблении, о проблемах с жильем, о том, что ему негде жить и необходимы деньги на номер в гостинице. Сердобольная женщина поверила интернет-знакомому, переводила на указанные счета в различных банковских отделениях не только свои сбережения, но и специально взятые средства в кредит. Потратив свыше 600 000 руб. и не дождавшись обратной связи от нового знакомого, женщина обратилась в полицию.

Таким образом, мошенники обычно используют вполне естественное желание людей удовлетворить свои потребности, что-то выгодно приобрести, получить компенсацию, стать богаче. Это позволяет им легче найти жертву и обмануть ее. Но можно встретить и «некорыстные» типы жертв мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Так, в отдел МВД России по Тальменскому району Алтайского края поступило заявление от местного жителя 1953 года рождения. Мужчина сообщил, что неизвестные лица путем обмана похитили 3 700 000 руб. его личных сбережений. Установлено, что потерпевшему позвонил неизвестный, который представился сотрудником банка. Он напугал мужчину, что мошенники пытаются украсть с его счета денежные средства. В результате, желая уберечь собственные сбережения, мужчина перевел их мошенникам. По данному факту возбуждено уголовное дело в соответствии со ст. 159 «Мошенничество» УК РФ [29].

Аналогичная ситуация произошла в селе Краснощеково Алтайского края. Потерпевшему 1996 года рождения в дневное время поступил звонок от неизвестной женщины, представившейся сотрудницей одного из банковских учреждений. Незнакомка пояснила, что злоумышленники пытаются оформить кредит на потерпевшего. Чтобы прервать эти мошеннические операции, необходимо войти в личный кабинет и обезопасить имеющиеся денежные средства, тем самым погасив кредит в полном объеме. К тому же женщина сообщила, что к его личному кабинету подключен неизвестный номер телефона. Якобы из добрых побуждений, она посоветовала мужчине скачать одно приложение и перечислить сумму кредита на продиктованный ей номер. Потерпевший осуществил пять переводов и лишился 1 232 тыс. руб. Все денежные средства он перевел на указанный счет и лишь после этого осознал, что попал в руки мошенников и обратился в полицию. По данному факту возбуждено уголовное дело в соответствии с ч. 4 ст. 159 «Мошенничество, совершенное в особо крупном размере» УК РФ [30].

В рассмотренных случаях, на наш взгляд, жертвы чаще обладают некритичным и даже пассивно-некритичным типом личности. Эти люди, как правило, легко внушаемы, пассивны, легковверны, с замедленными реакциями. В отличие от предыдущей категории потерпевших, такие люди обычно некорыстны. Мошенники используют прежде всего сильную эмоцию — «страх». У жертв искусственно, путем обмана формируется тоже вполне естественный страх потерять сбережения.

Лишь в некоторых ситуациях ввиду случайного (благоприятного) стечения обстоятельств этим некритичным людям удастся не стать жертвой при покушении мошенников. Так, жительница Бийского района чуть не лишилась более полу-миллиона рублей. Накануне вечером 42-летней жительнице села Бийского района Алтайского края поступил звонок с неизвестного номера. Мужчина представился сотрудником правоохранительных органов и пояснил, что некий гражданин пытается получить кредит в сумме 700 000 руб. и в документах указывает ее персональные данные. Затем со взволнованной сельчанкой продолжил беседовать «представитель банка». Он настоятельно ей рекомендовал через мобильное приложение самостоятельно оформить заем на эту сумму, снять наличные и перевести их для сохранности на специально созданный безопасный счет. Женщина уже дошла до последнего шага — внесения денег, но банк заблокировал карту и вход в приложение. Тем самым жительнице села удалось вырваться из сетей аферистов. О случившемся потерпевшая сообщила в полицию [31].

Важно отметить, что указанные качества — некритичность, пассивность, легковверность — не всегда связаны с возрастом жертвы. Например, бдительная пенсионерка не поверила мошеннику, представившемуся врачом [32]. Так, в дежурную часть поступило сообщение от гражданина 2002 года рождения, который рассказал, что накануне у его 84-летней бабушки неизвестные путем обмана по отработанной схеме «Ваш родственник попал в ДТП» пытались похитить более миллиона рублей. Со слов женщины установлено, что на стационарный телефон ей позвонил неизвестный мужчина и представился врачом больницы. Мужчина пояснил, что якобы ее дочь виновата в аварии, в которой сильно пострадала другая девушка, и ее родители согласны забрать заявление из полиции, если получат на операцию дочери чуть больше миллиона рублей. Бдительная пенсионерка прервала разговор и позвонила дочери, которая ответила, что с ней все хорошо, аварии совершено не было. Женщина поняла, что общалась с мошенниками, о чем незамедлительно сообщила в полицию. По данному факту возбуждено уголовное дело в соответствии с ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 «Покушение на мошенничество в особо крупном размере» УК РФ. Этот пример показывает положительные особенности поведения лиц «нейтрального» типа с навыками критичного мыш-

ления. Но, к сожалению, в аналогичных ситуациях не критичные, то есть неосмотрительные и неосторожные люди, чаще всего позволяют себя обмануть.

Из приведенных выше примеров следует, что мошенничество во многом зависит от личности и поведения жертвы. При одних и тех же обстоятельствах разные люди ведут себя по-разному. Очевидными становятся и возможности предупреждения мошенничества. Предупреждение должно быть основано на информировании граждан о возможных способах обмана и выработки навыков поведения в таких ситуациях. Необходимо разработать общий алгоритм поведения в подобных ситуациях, чтобы не стать жертвой мошенничества. Прежде всего целесообразно научить не критичных, неосмотрительных и неосторожных людей не реагировать на непонятные сообщения, просьбы и требования. Активных же (ищущих), не критичных и легковых людей стоит предупреждать, сообщая о возможных способах обмана.

Но, как уже указано нами ранее, способов мошеннических действий сегодня очень много, и они часто изменяются. Поэтому, кроме виктимологической профилактики, необходимо повышать эффективность работы по выявлению лиц, совершающих мошенничество, и привлечению их к уголовной ответственности.

Как правило, при совершении мошенничества преступники используют психологические методы воздействия на потерпевших. Очень часто злоумышленники «работают» в составе организованной группы, в которой все роли распределены, но цель одна — отъем денег. Став жертвой и придя в себя, человек часто не может осознать, что с ним случилось, почему он отдал свои деньги незнакомым людям.

Иными словами, жертвы лишены критического мышления и легко становятся объектами манипулятивных воздействий аферистов. Немало и одиноких людей, которые ввиду целого ряда объективных причин «выпадают» из поля зрения органов социальной защиты, становятся жертвами преступных посягательств, отдают мошенникам «гробовые», подписывают дарственные, договоры купли-продажи. Так, в октябре 2020 г. Невский районный суд Санкт-Петербурга удовлетворил иск прокурора Невского района и отменил мошенническую сделку продажи квартиры 93-летней бывшей узницы фашистского концлагеря Евдокии Корсаковой. Пожилая женщина стала жертвой мошенницы, которая выдавала себя за социального работника. В течение нескольких месяцев она «опаивала» потерпевшую психотропными препаратами и спиртосодержащей жидкостью, а затем воспользовалась беспомощным состоянием пожилой женщины и обманым способом убедила ее подписать договор купли-продажи квартиры [33].

Преступники также могут «маскироваться» под волонтеров. Мошенники нередко представляются курьерами по доставке гуманитарной помощи, лекарств, продуктов питания. При этом аферисты могут начать предлагать приобрести БАДы от коронавируса, давления, болезней суставов [34].

В мае 2020 г. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области выявлены преступные группы, которые предлагали пожилым людям «включиться» в оздоровительные реабилитационные программы за 568 тыс. руб. (они заявляли, что 268 тыс. руб. должны заплатить клиенты, а 300 тыс. руб. якобы оплачивает Министерство здравоохранения, так как программы государственные). При выявлении подобных случаев сотрудники социальных центров сразу начинают взаимодействовать с прокуратурой, полицией, Следственным комитетом РФ, а при необходимости — с депутатами, правозащитниками, омбудсменами, общественностью. Данные случаи убедительно демонстрируют, что в сложные периоды, в условиях чрезвычайных ситуаций карантина и самоизоляции, у пожилых людей нарушается способность к критическому мышлению [35].

Советы сотрудников социальных центров просты и эффективны:

- нельзя впускать в свою квартиру посторонних;
 - необходимо записывать фамилию, имя, отчество визитеров и цель посещения;
 - важно перепроверять полученные данные по официальным каналам;
 - целесообразно во время беседы приглашать родственников, соседей и т. д.
- [36]. Кроме того, особенно важно не делать поспешных выводов.

В профессиональной деятельности специалисты по социальной работе используют методы, которые относятся к таким видам виктимологической профилактики, как:

- индивидуальная профилактика (выявляют лиц, которые в связи с их образом жизни, социальным статусом, а также с учетом характерных индивидуальных личностных качеств, то есть «виктимогенным потенциалом», с большой долей вероятности могут оказаться потерпевшими; затем в отношении этих лиц осуществляют специальные мероприятия, нацеленные на снижение уровня виктимности);
- неотложная виктимологическая профилактика (заключается в предотвращении тех или иных преступлений (например, мошенничества) посредством воздействия на криминогенные слои общества, при этом первостепенная роль отведена ресурсам потенциальных жертв) [37].

Считаем, что предлагаемые меры профилактики мошенничества эффективны. В процессе настоящего исследования виктимологических аспектов преступлений против собственности стало понятным, что именно психологические особенности и поведение жертвы мошенничества чаще всего носят провоцирующий характер.

Выводы

По итогам анализа виктимологических аспектов преступлений против собственности можно сделать ряд выводов. Преступления против собственности по-прежнему остаются самыми распространенными. Особую тревогу вызывают дистанционные мошенничества, или мошенничества, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Анализ особенностей личности потерпевших по таким уголовным делам показывает, что в основе их поведения преобладала корыстная мотивация. Очевидным стало и то обстоятельство, что, помимо жадности, таким жертвам свойственны легковерность, доверчивость и некритичность. Вместе с тем жертвы современного мошенничества грамотны и активны, о чем часто свидетельствуют их накопления, которые привлекают преступников. На наш взгляд, большинство таких потерпевших можно отнести к активно-некритичному типу, с ярко выраженной корыстной мотивацией (жадностью). Вероятно, что именно на этих качествах «играют» мошенники, обманывая жертв.

Но известны и другие типы жертв мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В таких случаях, по нашему мнению, жертвы чаще обладают некритичным и даже пассивно-некритичным типом личности. Речь идет о людях, как правило, легковнушаемых, пассивных, легковверных, с замедленными реакциями. В отличие от предыдущей категории потерпевших, эти люди чаще некорыстны.

Жертвы краж в основном характеризуются нейтральным типом поведения, по сути, не провоцируя преступные действия. Элементы некритичности могут быть связаны лишь с вопросами обеспечения сохранности денег и имущества.

Таким образом, результаты исследования виктимологических аспектов преступлений против собственности показывают их важный характер в вопросах противодействия преступности и ее предупреждения. Особенности жертв преступлений необходимо изучать, учитывая современные тенденции развития общества, поскольку это позволит разрабатывать и реализовывать наиболее эффективные меры виктимологической профилактики и предупреждения преступлений против собственности.

Список источников

1. Состояние преступности в России за 2022 год // Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 01.03.2023).
2. Состояние преступности в России за 2021 год // Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 01.03.2023).
3. Состояние преступности в России за 2020 год // Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 01.03.2023).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 15 марта 2023 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.03.2023).
5. Состояние преступности в России за 2017 год // Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 01.03.2023).
6. Состояние преступности в России за 2018 год // Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 01.03.2023).
7. Состояние преступности в России за 2019 год // Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 01.03.2023).
8. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2023 года // Министерство внутренних дел (МВД) РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35919430/> (дата обращения: 28.03.2023).
9. Информация о деятельности органов и подразделений внутренних дел Алтайского края за первое полугодие 2022 года // Главное управление МВД России по Алтайскому краю. URL: <https://22.мвд.рф/> (дата обращения: 01.04.2023).
10. Бобровнический И. Н. Виктимологические аспекты преступлений против личности // Социология и право. 2022. Т. 14. № 2. С. 130–139. DOI: 10.35854/2219-6242-2022-2-130-139
11. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. 304 с.
12. Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений: учеб. пособие. Л.: Изд-во ВПУ МВД СССР, 1975. 153 с.
13. Приговор Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края от 15 марта 2021 года по делу № 1-185/2021 // Правосудие: государственная автоматизированная система РФ. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 25.04.2023).
14. Приговор Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края от 19 марта 2021 года по делу № 1-228/2021 // Правосудие: государственная автоматизированная система РФ. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 15.04.2023).
15. Приговор Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края от 19 марта 2021 года по делу № 1-545/2021 // Правосудие: государственная автоматизированная система РФ. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 10.04.2023).
16. Приговор Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края от 19 марта 2021 года по делу № 1-225/2021 // Правосудие: государственная автоматизированная система РФ. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 15.04.2023).
17. Приговор Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 19 марта 2021 года по делу № 1-461/2021 // Правосудие: государственная автоматизированная система РФ. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 25.03.2023).
18. Приговор Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края от 29 ноября 2021 года по делу № 1-850/2021 // Правосудие: государственная автоматизированная система РФ. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 25.03.2023).

19. Приговор Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 26 июля 2022 года по делу № 1-503/2022 // Правосудие: государственная автоматизированная система РФ. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 25.04.2023).
20. Приговор Бийского городского суда г. Барнаула Алтайского края от 23 августа 2021 года по делу № 1-594/2021 // Правосудие: государственная автоматизированная система РФ. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 25.04.2023).
21. Приговор Бийского городского суда г. Барнаула Алтайского края от 9 декабря 2022 года по делу № 1-867/2022 // Правосудие: государственная автоматизированная система РФ. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 25.04.2023).
22. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2021 года. М.: Главный информационно-аналитический центр МВД РФ, 2022. 66 с.
23. Родина Е. А. Противодействие криминальной виктимизации пользователей сети «Интернет» в киберпространстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 27 с.
24. Выступление Президента РФ В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России // Офиц. сайт Президента России. 2022. 17 февраля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795> (дата обращения: 01.04.2023).
25. Жительница Барнаула, вкладывая в инвестиции, перевела мошенникам 500 000 рублей // Главное управление МВД России по Алтайскому краю. 2023. 20 марта. URL: <https://22.mvd.rf/> (дата обращения: 25.03.2023).
26. Сотрудники полиции Первомайского района устанавливают лиц, похитивших у 60-летней женщины более 700 тысяч рублей // Главное управление МВД России по Алтайскому краю. 2023. 29 марта. URL: <https://22.mvd.rf/> (дата обращения: 01.04.2023).
27. Житель Волчихинского района хотел получить новогодние подарки, но пострадал от действий мошенников // Главное управление МВД России по Алтайскому краю. 2022. 6 января. URL: <https://22.mvd.rf/> (дата обращения: 06.02.2023).
28. Барнаульская пенсионерка, познакомившись с «французом» в Интернете, лишилась более 600 000 рублей // Главное управление МВД России по Алтайскому краю. 2023. 9 февраля. URL: <https://22.mvd.rf/> (дата обращения: 29.03.2023).
29. Житель Тальменского района перевел мошенникам 3 700 000 рублей // Главное управление МВД России по Алтайскому краю. 2022. 4 января. URL: <https://22.mvd.rf/> (дата обращения: 06.02.2023).
30. Полицейские Краснощековского района устанавливают личности аферистов, похитивших у молодого человека более миллиона рублей // Главное управление МВД России по Алтайскому краю. 2023. 11 марта. URL: <https://22.mvd.rf/> (дата обращения: 15.03.2023).
31. Жительница Бийского района чуть не лишилась более полумиллиона рублей // Главное управление МВД России по Алтайскому краю. 2023. 12 марта. URL: <https://22.mvd.rf/> (дата обращения: 15.03.2023).
32. Бдительная пенсионерка не поверила мошеннику, представившемуся врачом // Главное управление МВД России по Алтайскому краю. 2023. 9 марта. URL: <https://22.mvd.rf/> (дата обращения: 15.03.2023).
33. Приговор Невского районного суда Санкт-Петербурга от 14 октября 2020 года по делу № 2-1325/2020 // Невский районный суд Санкт-Петербурга: офиц. сайт. URL: <http://nvs.spb.sudrf.ru> (дата обращения: 15.03.2023).
34. Динамика виктимизации населения России: социологическая оценка / И. В. Долгорукова [и др.] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2. С. 303–317. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-303-317
35. Фалаллеев М. Мошенники выманили у пенсионеров 22 миллиона рублей // Российская газета. 2020. 21 апреля.
36. Сальников В. П., Сальников М. В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. 2014. № 4 (84). С. 70–86.
37. Петров И. Аферисты бьют рекорды // Российская газета. 2020. 7 октября.

References

1. The state of crime in Russia in 2022. General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Legal Statistics Portal. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (accessed on 01.03.2023). (In Russ.).

2. The state of crime in Russia in 2021. General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Legal Statistics Portal. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (accessed on 01.03.2023). (In Russ.).
3. The state of crime in Russia in 2020. General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Legal Statistics Portal. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (accessed on 01.03.2023). (In Russ.).
4. Criminal code of the Russian Federation. Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on March 15, 2023). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed on 01.03.2023). (In Russ.).
5. The state of crime in Russia in 2017. General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Legal Statistics Portal. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (accessed on 01.03.2023). (In Russ.).
6. The state of crime in Russia in 2018. General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Legal Statistics Portal. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (accessed on 01.03.2023). (In Russ.).
7. The state of crime in Russia in 2019. General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Legal Statistics Portal. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (accessed on 01.03.2023). (In Russ.).
8. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January 2023. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/35919430/> (accessed on 28.03.2023). (In Russ.).
9. Information on the activities of the bodies and departments of internal affairs of the Altai Territory for the first half of 2022. Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory. URL: <https://22.мвд.пф/> (accessed on 01.04.2023). (In Russ.).
10. Bobrovnichiy I.N. Victimological aspects of crimes against the person: Sociological analysis. *Sotsiologiya i pravo = Sociology and Law*. 2022;14(2):130-139. (In Russ.). DOI: 10.35854/2219-6242-2022-2-130-139
11. Rivman D.V. Criminal victimology. St. Petersburg: Piter; 2002. 304 p. (In Russ.).
12. Rivman D.V. Victimological factors and crime prevention. Leningrad: Higher Political School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR; 1975. 153 p. (In Russ.).
13. Verdict of the Oktyabrsky District Court of Barnaul, Altai Territory dated March 15, 2021 in case No. 1-185/2021. Pravosudie: State Automated System of the Russian Federation. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (accessed on 25.04.2023). (In Russ.).
14. Verdict of the Oktyabrsky District Court of Barnaul, Altai Territory dated March 19, 2021 in case No. 1-228/2021. Pravosudie: State Automated System of the Russian Federation. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (accessed on 15.04.2023). (In Russ.).
15. Verdict of the Oktyabrsky District Court of Barnaul, Altai Territory dated March 19, 2021 in case No. 1-545/2021. Pravosudie: State Automated System of the Russian Federation. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.).
16. Verdict of the Oktyabrsky District Court of Barnaul, Altai Territory dated March 19, 2021 in case No. 1-225/2021. Pravosudie: State Automated System of the Russian Federation. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (accessed on 15.04.2023). (In Russ.).
17. Verdict of the Industrial District Court of Barnaul, Altai Territory dated March 19, 2021 in case No. 1-461/2021. Pravosudie: State Automated System of the Russian Federation. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (accessed on 25.03.2023). (In Russ.).
18. Verdict of the Oktyabrsky District Court of Barnaul, Altai Territory dated November 29, 2021 in case No. 1-850/2021. Pravosudie: State Automated System of the Russian Federation. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (accessed on 25.03.2023). (In Russ.).
19. Verdict of the Industrial District Court of Barnaul, Altai Territory dated July 26, 2022 in case No. 1-503/2022. Pravosudie: State Automated System of the Russian Federation. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (accessed on 25.04.2023). (In Russ.).

20. Verdict of the Biysk City Court of Barnaul, Altai Territory dated August 23, 2021 in case No. 1-594/2021. Pravosudie: State Automated System of the Russian Federation. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (accessed on 25.04.2023). (In Russ.).
21. Verdict of the Biysk City Court of Barnaul, Altai Territory dated December 9, 2022 in case No. 1-867/2022. Pravosudie: State Automated System of the Russian Federation. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (accessed on 25.04.2023). (In Russ.).
22. The state of crime in Russia in January-December 2021. Moscow: Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2022. 66 p. (In Russ.).
23. Rodina E.A. Countering criminal victimization of Internet users in cyberspace. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Saratov: Saratov State Law Academy; 2022. 27 p. (In Russ.).
24. Speech by the President of the Russian Federation V.V. Putin at the extended meeting of the collegium of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Official website of the President of Russia. Feb. 17, 2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795> (accessed on 01.04.2023). (In Russ.).
25. A resident of Barnaul, contributing in investments, transferred 500,000 rubles to fraudsters. Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory. Mar. 20, 2023. URL: <https://22.mvd.rf/> (accessed on 25.03.2023). (In Russ.).
26. Police officers of the Pervomaisky district identify persons who stole more than 700 thousand rubles from a 60-year-old woman. Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory. Mar. 29, 2023. URL: <https://22.mvd.rf/> (accessed on 01.04.2023). (In Russ.).
27. A resident of the Volchikhinsky district wanted to receive New Year's gifts, but suffered from the actions of scammers. Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory. Jan. 06, 2022. URL: <https://22.mvd.rf/> (accessed on 06.02.2023). (In Russ.).
28. A Barnaul pensioner, having met a "Frenchman" on the Internet, lost more than 600,000 rubles. Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory. Feb. 09, 2023. URL: <https://22.мвд.рф/> (accessed on 29.03.2023). (In Russ.).
29. A resident of the Talmensky district transferred 3,700,000 rubles to fraudsters. Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory. Jan. 04, 2022. URL: <https://22.мвд.рф/> (accessed on 06.02.2023). (In Russ.).
30. Policemen of the Krasnoshchekovsky district establish the identity of swindlers who stole more than a million rubles from a young man. Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory. Mar. 11, 2023. URL: <https://22.мвд.рф/> (accessed on 15.03.2023). (In Russ.).
31. A resident of the Biysk district almost lost more than half a million rubles. Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory. Mar. 12, 2023. URL: <https://22.мвд.рф/> (accessed on 15.03.2023). (In Russ.).
32. Vigilant pensioner did not believe the fraudster who introduced himself as a doctor. Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory. Mar. 09, 2023. URL: <https://22.мвд.рф/> (accessed on 15.03.2023). (In Russ.).
33. Verdict of the Nevsky District Court of St. Petersburg dated October 14, 2020 in case No. 2-1325/2020. Official website of the Nevsky District Court of St. Petersburg. URL: <http://nvs.spb.sudrf.ru> (accessed on 15.03.2023).
34. Dolgorukova I.V. et al. The dynamics of victimization of the Russian population: Sociological evaluation. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology*. 2018;18(2):303-317. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-303-317
35. Falalleev M. Fraudsters lured 22 million rubles from pensioners. *Rossiiskaya gazeta*. Apr. 21, 2020. (In Russ.).
36. Salnikov V.P., Salnikov M.V. Legal culture, political and legal traditions in the context of absolute values. *Yuridicheskaya mys'l'*. 2014;(4):70-86. (In Russ.).
37. Petrov I. Scammers break records. *Rossiiskaya gazeta*. Oct. 07, 2020. (In Russ.).

Информация об авторе

И. Н. Бобровничай — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой правовых дисциплин; 656011, Алтайский край, Барнаул, Ленина пр., д. 106е; заведующий кафедрой социально-экономических, гуманитарных и специальных дисциплин; 185005, Республика Карелия, Петрозаводск, Онежской флотилии ул., д. 51.

Information about the author

I. N. Bobrovniichiy — PhD in Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Legal Disciplines; 106e Lenina Ave., Barnaul, Altai Krai, 656011, Russia; Head of the Department of Socio-Economic, Humanitarian and Special Disciplines; 51 Onega flotilla st., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185005, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 24.04.2023; одобрена после рецензирования 08.06.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 24.04.2023; approved after reviewing 08.06.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Научная статья

УДК 343.346

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-3-399-408

Актуальные вопросы обеспечения безопасности дорожного движения и исполнения административных наказаний за нарушение правил дорожного движения в России

**Горшков Денис Георгиевич^{1✉}, Николай Петрович Маюров²,
Высоцкий Сергей Алексеевич³**

¹ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

² Государственный университет морского и речного флота
имени адмирала С. О. Макарова, Санкт-Петербург, Россия

³ Санкт-Петербургская юридическая академия, Санкт-Петербург, Россия

¹ advokatgorshkov@mail.ru[✉]

² mayurov2010@mail.ru

³ 77sei@mail.ru

Аннотация. В статье исследованы актуальные вопросы, связанные с обеспечением безопасности дорожного движения в случаях, регулируемых ч. 2 ст. 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Авторами предложены возможные пути оптимизации содержания правовой нормы с целью решения спорных вопросов в современном российском законодательстве об административных правонарушениях и повышения качества производства по делам об административных правонарушениях. Изучены актуальные правовые проблемы исполнения наказаний в случаях нарушений правил дорожного движения, в частности исполнения административных наказаний в России.

Ключевые слова: дорожно-транспортные происшествия, административные правонарушения, безопасность дорожного движения, административные правонарушения в сфере безопасности дорожного движения, передача управления транспортным средством, алкогольное опьянение, медицинское освидетельствование

Для цитирования: Горшков Д. Г., Маюров Н. П., Высоцкий С. А. Актуальные вопросы обеспечения безопасности дорожного движения и исполнения административных наказаний за нарушение правил дорожного движения в России // Социология и право. 2023. Т. 15. № 3. С. 399–408. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-399-408>

Original article

Current issues of ensuring road safety and enforcement of administrative penalties for violation of road traffic rules in Russia

Denis G. Gorshkov^{1✉}, Nikolay P. Mayurov², Sergey A. Vysotsky³

¹ St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

² Admiral S.O. Makarov State University of Marine and River Fleet, St. Petersburg,
Russia

© Горшков Д. Г., Маюров Н. П., Высоцкий С. А., 2023

³ St. Petersburg Law Academy, St. Petersburg, Russia

¹ advokatgorshkov@mail.ru

² mayurov2010@mail.ru

³ 77sei@mail.ru

Abstract. The article studies topical issues related to ensuring road safety in cases regulated by part 2 of article 12.8 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences (CAO RF). The author suggests possible ways to optimize the content of the legal norm in order to solve controversial issues in the modern Russian legislation on administrative offences and improve the quality of proceedings on cases of administrative offences. Actual legal problems of execution of punishments in cases of violations of traffic rules, in particular execution of administrative punishments in Russia have been studied.

Keywords: road accidents, administrative offences, road traffic safety, administrative offences in the sphere of road traffic safety, transfer of vehicle control, alcohol intoxication, medical examination

For citation: Gorshkov D.G., Mayurov N.P., Vysotsky S.A. Current issues of ensuring road safety and enforcement of administrative penalties for violation of road traffic rules in Russia. *Sociology and Law*. 2023;15(3):399-408. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-399-408>

Введение

Автомобильный транспорт является источником повышенной опасности. Большинство дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП) происходит вследствие влияния человеческого фактора: если водители автотранспортных средств нарушают правила дорожного движения и не соблюдают нормы законодательства РФ.

ГИБДД МВД России в последние годы ведет активную работу, направленную на снижение показателей аварийности на дорогах, включающую в себя ужесточение юридической ответственности для водителей, характеризующихся наличием признаков опьянения; проведение различных профилактических мероприятий, а также улучшение процедур медицинского освидетельствования на предмет состояния опьянения, осуществление воспитательной работы [1].

Статистика ДТП с участием водителей с признаками опьянения за 11 месяцев 2022 г. приведена на рисунке 1.

Согласно официальным данным МВД РФ, с января по ноябрь 2022 г. в нашей стране зарегистрировано 12 779 ДТП с участием водителей с признаками опьянения. В период написания настоящей статьи данные в целом за 2022 г. на официальном сайте МВД РФ отсутствовали. По сравнению с 2021 г. данный показатель уменьшился на 13,8 % [1]. Число погибших в ДТП с участием водителей с признаками опьянения за 11 месяцев 2022 г. составило 2 921 человек, количество раненых — 16 673 человек. В аналогичный период 2021 г. показатели были выше на 20,6 % и 14,8 % соответственно.

При этом при снижении количества ДТП, совершенных автолюбителями с признаками опьянения, показатели остаются высокими. Именно факт нахождения водителей в состоянии алкогольного, иного токсического опьянения становится одной из важнейших причин травматизма на дорогах. Случаи наркотического опьянения растут с каждым годом. Недостаточно высокий уровень правовой культуры и пренебрежение правами других лиц становятся причиной десятков тысяч ДТП в нашей стране. Специалисты пишут, что «закрепление и правоприменение законодательства относительно управления водителями транспортными средствами в состоянии опьянения способствуют сокращению смертности и воз-

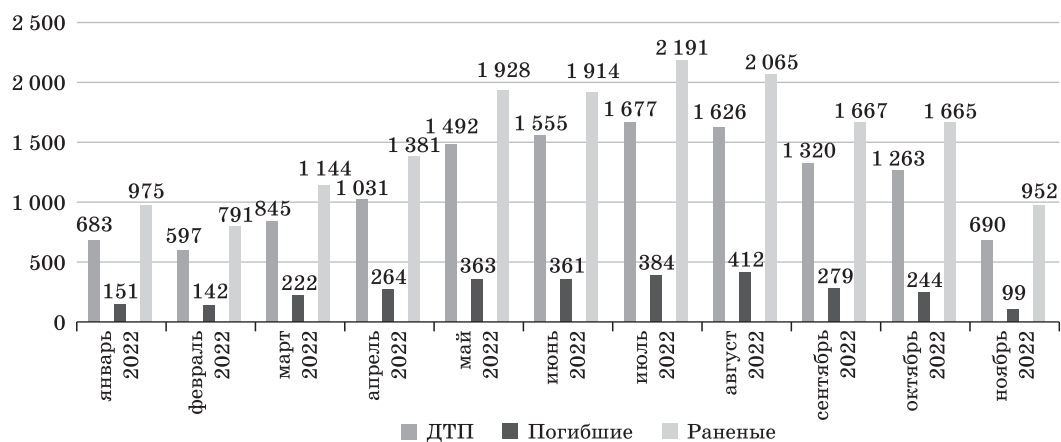


Рис. 1. Статистика ДТП с участием водителей с признаками опьянения за 11 месяцев 2022 г. [2]

Fig. 1. Statistics of road accidents involving drivers with signs of intoxication for 11 months of 2022. [2]

никновения травматизма» [3, с. 98]. Нельзя не обратить внимание и на ряд правовых пробелов, существующих в современном законодательстве. Речь идет о правовом значении степени осведомленности владельца автотранспортного средства о состоянии лица, которому передано управление транспортным средством, значение отказа от медицинского освидетельствования и др.

В постановлении Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (в редакции от 31 декабря 2020 г.) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»), в п. 2.7, установлен запрет на управление транспортным средством в состоянии опьянения [4]. Нам представляется актуальным изучить проблемные вопросы, возникающие при применении норм ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ, согласно которой «передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения, влечет наложение административного штрафа в размере 30 тыс. руб. с лишением права управления транспортными средствами на срок от 1,5 до 2 лет» [5]. Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные обеспечением безопасности дорожного движения в случаях, регулируемых ч. 2 ст. 12. КоАП РФ и реализацией мер административной ответственности; предметом — нормы административного права, регулирующие обеспечение безопасности дорожного движения в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ, и реализацию мер административной ответственности.

Материалы и методы

В исследовании применены различные методы, используемые в юриспруденции, и общенаучные. К ним отнесены методы юридической формализации, сбора и анализа фактов, статистики, общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции и др. Нормативной базой исследования служат административно-правовые законодательные акты. Работа основана на данных современного административного законодательства и судебной практики в области привлечения к административной ответственности за нарушение правил бес-

печения безопасности дорожного движения. Среди основных проблем — сложности, возникающие в случаях привлечения к ответственности по ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ.

Результаты

При осуществлении квалификации противоправного деяния, заключающегося в передаче управления автомобилем находящемуся в состоянии опьянения лицу, следует знать, что в этом случае субъектом административного проступка выступает собственник автомобиля, передавший управление данным транспортным средством. Объективную сторону правонарушения, составляет передача управления транспортным средством водителем другому человеку в состоянии опьянения. В постановлении Верховного Суда РФ от 8 декабря 2016 г. № 48-АД16-9 указано, что передачу управления водителем другому лицу в каждом случае необходимо доказывать совокупностью представленных в материалах дела данных [6].

Н. Н. Цуканов утверждает, что сложности, возникающие в процессе реализации нормативных положений, содержащихся в ст. 12.8 КоАП РФ, бывают обусловлены возможностью на основе объективного вменения привлечения к административной ответственности, что грубо нарушает положения ч. 1 ст. 1.5 КоАП РФ [7, с. 115]. В п. 227 и 227.1 приказа МВД России от 23 августа 2017 г. № 664 (в редакции от 21 декабря 2017 г.) говорится о том, что «основанием для освидетельствования на состояние алкогольного опьянения является наличие у водителя транспортного средства одного или нескольких следующих признаков: 1) запах алкоголя изо рта; 2) неустойчивость позы; 3) нарушение речи; 4) резкое изменение окраски кожных покровов лица; 5) поведение, не соответствующее обстановке» [8].

Н. А. Кулаков, Н. Н. Паук и В. Г. Ермолаев справедливо указывают на факт недостаточности формулировки примечания о признаках алкогольного опьянения к ст. 12.8 КоАП РФ. В частности, ученые обращают внимание на существующий пробел в законодательстве: отсутствие нормативного определения состояния алкогольного опьянения, а также отсутствие указания законодателем на то, что речь идет о запрете приема алкогольных и иных веществ именно перед управлением (во время управления) транспортным средством [9]. Отсутствие нормативного определения понятия алкогольного опьянения имеет свое объяснение. Базово речь идет не только о злоупотреблении алкоголем, но и о том, что человек находится в состоянии токсического воздействия, а значит, он не может быть допущен к управлению транспортным средством. Вызывающие состояние опьянения токсины разнообразны по своему действию. Непосредственно в ст. 12.8 КоАП РФ говорится о состоянии опьянения. В примечании указано на факты алкогольного, наркотического опьянения, действия психотропных или иных веществ, вызывающих опьянение. Опьянение связано с превышением нормы алкоголя в крови и фактом нахождения в крови наркотических средств или психотропных и иных веществ, вызывающих опьянение. К ним могут быть отнесены и лекарственные препараты.

Для наиболее полного анализа заявленной проблемы нами изучен опыт работы сотрудников ГИБДД в случаях выявления нарушения, классифицируемого по ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ, и алгоритм действий с целью установления неопровержимых доказательств о наличии у водителя транспортного средства алкогольного опьянения. В рассматриваемых случаях с применением видеорегистратора «Дозор» и в присутствии понятых составлены, во-первых, протокол отстранения

от управления транспортным средством; во-вторых, протокол о направлении на медицинское освидетельствование.

В случае отказа от прохождения освидетельствования на месте и при наличии желания проехать в стационарное медицинское учреждение посредством технического средства измерения на бумажном носителе фиксируют запись «отказ». При последующем отказе водителя в медицинском учреждении от прохождения освидетельствования на наличие опьянения в присутствии двух понятых врач составляет медицинский акт с указанием вышеперечисленных признаков алкогольного опьянения, и в медицинском акте, выписываемом врачом, также указывают отказ от прохождения медицинского освидетельствования. Врач в дальнейшем может быть вызван в судебные инстанции для дачи объяснений в качестве свидетеля (его права закреплены в ст. 25.6 КоАП РФ).

Затем сотрудник ГИБДД составляет протокол по ст. 12.26 КоАП РФ, а владелец, который передал транспортное средство и находится рядом, избегает административной ответственности. Связано это с тем, что на практике привлечение владельца транспортного средства к административной ответственности становится возможным в случае, если количество промилей в парах выдыхаемого воздуха свыше 0,16. Это указывают на бумажном носителе, а при освидетельствовании в медицинском учреждении — в акте, составленном врачом данного учреждения. В отношении указания на 0,16 необходимо учитывать и такие обстоятельства, как погрешность измерения и нормальное содержание спирта в крови человека и здорового, и страдающего различными заболеваниями. У человека могло не быть умысла относительно того, чтобы привести себя в состояние алкогольного опьянения. Но данные приборов показывают превышение допустимой концентрации.

Следует отметить, что при употреблении водителем слабых наркотиков маловероятным видится определение владельцем транспортного средства признаков наркотического опьянения, поскольку он не является врачом-наркологом. В итоге в передаче владельцем управления транспортным средством такому лицу не усматривают умысел в совершении правонарушения. Речь должна идти о неосторожности. В настоящей статье речь идет о ситуациях, в которых транспортным средством в присутствии владельца управляет водитель, имеющий очевидные признаки алкогольного опьянения, перечисленные ранее в тексте, и данные признаки сотрудники ГИБДД указывают в протоколах в присутствии понятых.

Обсуждение

Анализ судебной практики по делам о производстве, согласно ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ, позволяет сделать вывод о значительной доле рассматриваемых случаев, в которых супругой передано право управления транспортным средством супругу, находящемуся в состоянии алкогольного опьянения, и оспорены решения судов о назначении им наказания (лишение прав на срок от полутора до двух лет, наложение штрафа в размере 30 тыс. руб.). В ряде обжалованных случаев им удастся избежать наказания, если суд учитывает незнание жены о том, что ее супруг находился в состоянии алкогольного опьянения. Данная ситуация представляется неверной в рамках квалификации проступков по ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ и привлечения к ответственности лиц. Подобное положение может быть квалифицировано и как злоупотребление правом. Речь идет о праве собственника транспортного средства, составляющего общее имущество супругов, несмотря на тот факт, что оно могло быть зарегистрировано только на одного из них. Но второй супруг обладает вещными правами, включая и право управления (то есть

пользования) транспортным средством наряду с супругом. В результате допустить ссылку на невозможность отказа в предоставлении транспортного средства его законному владельцу как лицу, которому принадлежит имущество, совместно нажитое в браке.

Тем не менее ситуация неоднозначна. При квалификации деяния подобные рассуждения, пусть и имеют основание в нормах гражданского законодательства, не оказывают влияния на привлечение лица к мерам административной ответственности. Речь идет не о создании препятствий, а тем более не о запрете собственнику пользоваться его вещными правами. В данной ситуации имеет значение лишь тот факт, что лицо, которому передано в управление транспортное средство, не имел права осуществлять переданные полномочия, независимо от оснований вещных прав. Они не имеют правового значения в рассматриваемом случае. В решении Тальменского районного суда № 12-40/2017 от 21 августа 2017 г. по делу № 12-40/2017, на наш взгляд, справедливо указано, что совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ, может отличаться как умышленной формой вины, так и формой вины в виде неосторожности, если лицо, передающее управление, не имело информации об опьянении лица, которому передано управление автомобилем. При этом лицо, передавшее управление, должно было проверить состояние, в котором находится лицо, получившее в управление транспортное средство. В этой ситуации собственник либо заведомо или по своей небрежности этого не сделал. Водитель может передать право управления автомобилем после проверки ряда фактов. В частности, если лицо, получающее право управления транспортным средством: 1) не находится в состоянии алкогольного или иного токсического опьянения (вывод можно сделать на основании наблюдения за поведением человека, поскольку дать квалифицированное заключение водитель не может не имея специального оборудования и специальных медицинских познаний); 2) не имеет признаков применения возбуждающих или тормозящих психические процессы лекарственных препаратов; 3) не отличается утомленным или болезненным состоянием; 4) имеет в данный момент водительское удостоверение с соответствующей квалификационной категорией, подтверждающее факт наличия у него прав на управление транспортным средством [10].

Данную информацию водитель обязан выяснить как путем осмотра, так и задавая необходимые вопросы, а после удовлетворения требования — показать водительское удостоверение. Водитель должен показать добросовестность поведения законопослушного гражданина. Но в целом это не исключает применение по отношению к нему объективного вменения. Например, состояние и степень наркотического опьянения далеко не всегда представляется возможным выявить при осмотре. Более того, последствия принятия наркотических средств или лекарственных препаратов могут наступить через некоторое время после передачи транспортного средства. Видимые признаки алкогольного или иного токсического опьянения в данный момент могли и не наблюдаться. Можно лишь сослаться на то, что он заведомо не знал о факте опьянения лица.

В отношении исполнения постановлений о взыскании штрафов за нарушение правил дорожного движения 20 июня 2022 г. вступили в силу новые правила. Суть их заключается в автоматизации производства по исполнению постановлений о наложении административных штрафов. У Федеральной службы судебных приставов (ФССП) России появилась возможность автоматического возбуждения исполнительного производства, получая данные из государственных информационных систем. Информация посредством электронных систем поступает из ГИБДД, и возбуждение производства о взыскании штрафа происходит автомати-

чески. Человеческий фактор в результате исключен. Но и возможность возбуждения исполнительного производства непосредственно сотрудниками ФССП по-прежнему сохранена. Это дублирование уже работающей в автоматическом режиме системы, по сути, и является резервом на случай возникновения ошибок в работе информационной системы.

Базовая модель производства опиралась на нормы КоАП РФ и ч. 1, 3, 4, 7 ст. 21 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». Штраф должен быть уплачен в течение двух месяцев. Если этого не произошло, то информация передавалась ГИБДД в ФССП. Приставы изучали информацию относительно привлечения гражданина к административной ответственности за нарушение правил дорожного движения. Информация о наличии долга по неуплате штрафа проверялась в государственных информационных системах, и в итоге пристав возбуждал исполнительное производство. Затем пристав отслеживал в информационных системах информацию о факте поступления денежных средств в счет уплаты штрафа и при установлении данного факта прекращал исполнительное производство. Недостатком работы такой системы и действий ФССП была недостаточная оперативность. Пристав не мог в режиме реального времени отслеживать действия всех должников. Например, оплата штрафа уже произведена правонарушителем, но информацию об этом пристав еще не получил ввиду загруженности по отслеживанию дел нескольких сотен должников одновременно. В результате, если, например, сумма неоплаченных штрафов превышала 30 тыс. руб., оплативший штраф должник не имел возможности выезда за границу. Ему было необходимо связываться с приставом, записываться к нему на прием, подавать жалобы на его действия и предъявлять требования о прекращении исполнительного производства.

В настоящее время пристав может автоматически возбудить и прекратить исполнительное производство, получив информацию из ГИБДД и Государственной информационной системы о государственных и муниципальных платежах (ГИС ГМП). Кроме того, пристав может отказать в возбуждении производства, взыскать исполнительский сбор, установить и отменить запреты, отсрочить или отменить взыскание, принудительно обратить взыскание на счета и иное имущество, рассмотреть ходатайства, поступившие через государственные услуги. ФССП запрашивает фамилию, имя и отчество, СНИЛС, ИНН и телефон должника. При неуплате штрафа в течение 60 дней информация из ГИБДД автоматически поступает в ФССП и фиксируется в базе данных. Исполнительное производство возбуждается автоматически. Кроме того, происходит ограничение на выезд гражданина и списание денежных средств с его счетов. Информация об этом поступает должнику в его личный кабинет, на портал государственных услуг, а также на телефон и электронную почту. Обжалования, ходатайства, иные действия могут быть произведены через государственные услуги. При оплате штрафа информация поступает автоматически из ГИС ГМП в базу данных ФССП, и производство автоматически прекращается (например, при уплате обнаруженного непогашенного штрафа должником в аэропорту перед вылетом из страны).

В числе возникающих проблем представлены следующие. Человеческий фактор полностью не исключен, даже при работе системы в автоматическом режиме. Например, при совпадении данных людей, обладающих одинаковой фамилией, именем, отчеством с данными СНИЛС, адресом, иными сведениями другого лица, которое действительно является должником. Команда «заменить файлы при совпадении имен» иногда играет злую шутку. В практике работы кредитных учреждений часто происходят случаи предъявления претензий не тем лицам при возникающих ошибках, связанных с совпадением фамилии, имени, отчества.

Аналогичные ошибки в отношении лиц, которым предъявлен штраф, подлежащий уплате, не исчезли при автоматизации процессов. Кроме того, автоматизированная система далеко не всегда может правильно определить даты начала и прекращения исполнительного производства, поскольку они не всегда императивны и становятся предметом спора. Не стоит забывать и о фактах несанкционированного доступа в информационные системы, в результате которых происходит утечка охраняемой законом информации.

Выводы

Итак, прослеживается несовершенство современного российского законодательства об административных правонарушениях. Очевидной становится необходимость внесения в него изменений для повышения эффективности недопущения ДТП. В этой связи следует решить основной вопрос в случае отказа водителя транспортного средства от прохождения медицинского освидетельствования. В данной ситуации речь может идти об объективном вменении наказания без достаточных сведений относительно факта совершения административного правонарушения. При установлении административной ответственности в случае отказа от медицинского освидетельствования указанная проблема исчезает.

С целью разрешения изученного в настоящей научной статье вопроса о применении положений ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ предлагаем изложить ее в следующей редакции: «Передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения, а равно невыполнение водителем транспортного средства законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, если такие действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемого деяния отказа лица, управляющего транспортным средством с признаками алкогольного опьянения, влечет наложение административного штрафа в размере тридцати тысяч рублей с лишением права управления транспортными средствами на срок от полутора до двух лет». Представляется, что предложенная формулировка нормы, закрепленной в ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ, обеспечит возможность своевременно и оперативно принимать профилактические меры, проводить мероприятия по профилактике административных правонарушений и преступлений на дорогах.

Список источников

1. Романова А. В России количество ДТП с пьяными водителями сократилось почти на 14 % за год // Профиль. 2022. 14 декабря. URL: <https://profile.ru/news/society/v-rossii-kolichestvo-dtp-s-pyanymi-voditelyami-sokratilos-pochti-na-14-za-god-1221559/> (дата обращения: 30.01.2023).
2. Показатели состояния безопасности дорожного движения // Госавтоинспекция: офиц. сайт. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 30.01.2023).
3. Шкеля О. В. Сравнительные аспекты порога трезвости водителей транспортных средств // Общество и право. 2019. № 1. С. 98–101.
4. О Правилах дорожного движения: постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (в ред. от 31 декабря 2020 г.) // Справ.-правовая система «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (дата обращения: 30.01.2023).
5. Кодекс РФ об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 27 января 2023 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 30.01.2023).

6. Постановление Верховного Суда РФ от 8 декабря 2016 г. № 48-АД16-9 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08122016-n-48-ad16-9/> (дата обращения: 30.01.2023).
7. Цуканов Н. Н. Об объективном вменении при применении статьи 12.8 КоАП РФ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4. С. 114–122. DOI: 10.51980/2542-1735_2019_4_114
8. Об утверждении Административного регламента исполнения МВД РФ государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства РФ в области безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 23 августа 2017 г. № 664 (в ред. от 21 декабря 2017 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280037/ (дата обращения: 30.01.2023).
9. Кулаков Н. А., Паук Н. Н., Ермолаев В. Г. Некоторые проблемы правового регулирования административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3. С. 99–100. URL: <https://eurasianlaw.ru/nashi-rubriki/yuridicheskie-stati/nekotorye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-administrativnoj-otvetstvennosti-za-upravlenie-transportnym-sredstvom-v-sostoyanii-opyaneniya> (дата обращения: 30.01.2023).
10. Решение Тальменского районного суда № 12-40/2017 от 21 августа 2017 г. по делу № 12-40/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/z6SvDnvxkAmY/> (дата обращения: 30.01.2023).

References

1. Romanova A. In Russia, the number of accidents with drunk drivers decreased by almost 14% in a year. Profil'. Dec. 14, 2022. URL: <https://profile.ru/news/society/v-rossii-kolichestvo-dtp-s-pyanyimi-voditelyami-sokratilos-pochti-na-14-za-god-1221559/> (accessed on 30.01.2023). (In Russ.).
2. Indicators of road safety. Official website of the State Traffic Safety Inspectorate. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (accessed on 30.01.2023). (In Russ.).
3. Shkelya O.V. Comparative aspects of a threshold of sobriety of drivers of vehicles. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*. 2019;(1):98-101. (In Russ.).
4. On the Rules of the road. Decree of the Government of the Russian Federation of October 23, 1993 No. 1090 (as amended on December 31, 2020). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (accessed on 30.01.2023). (In Russ.).
5. Code of administrative offenses of the Russian Federation. Federal law of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on January 27, 2023). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (accessed on 30.01.2023). (In Russ.).
6. Decree of the Supreme Court of the Russian Federation of December 8, 2016 No. 48-AD16-9. Laws, Codes and Regulations of the Russian Federation. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08122016-n-48-ad16-9/> (accessed on 30.01.2023). (In Russ.).
7. Tsukanov N.N. On the objective imputation when applying Art. 12.8 of the Code of administrative offences of the Russian Federation. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*. 2019;(4):114-122. (In Russ.). DOI: 10.51980/2542-1735_2019_4_114
8. On approval of the Administrative regulations for the execution of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of the state function for the implementation of federal state supervision over compliance by road users with the requirements of the legislation of the Russian Federation in the field of road safety. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 23, 2017 No. 664 (as amended on December 21, 2017). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280037/ (accessed on 30.01.2023). (In Russ.).
9. Kulakov N.A., Pauk N.N., Ermolaev V.G. Some problems of legal regulation of administrative responsibility for driving while intoxicated. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian*

Law Journal. 2022;(3):99-100. URL: <https://eurasialaw.ru/nashi-rubriki/yuridicheskie-stati/nekotorye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-administrativnoj-otvetstvennosti-za-upravlenie-transportnym-sredstvom-v-sostoyanii-opyaneniya> (accessed on 30.01.2023). (In Russ.).

10. Decision of the Talmensky District Court No. 12-40/2017 dated August 21, 2017 in case No. 12-40/2017. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/z6SvDnvxkAmY/> (accessed on 30.01.2023). (In Russ.).

Информация об авторах

Д. Г. Горшков — старший преподаватель кафедры конституционного и международного права, аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Н. П. Маюров — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права; 198035, Санкт-Петербург, Двинская ул., д. 5/7;

С. А. Высоцкий — кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой государственно-правовых дисциплин; 192012, Санкт-Петербург, Обуховской обороны пр., д. 114а.

Information about the authors

D. G. Gorshkov — senior lecturer at the Department of Constitutional and International Law, postgraduate student; 44a Lermontovsky Ave., St. Petersburg 190020, Russia;

N. P. Mayurov — Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of Theory and History of the State and Law; 5/7 Dvinskaya st., St. Petersburg 198035, Russia;

S. A. Vysotsky — PhD in Law, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines; 114a Obukhovskaya Oborona, St. Petersburg 192012, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 19.07.2023; одобрена после рецензирования 22.08.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 19.07.2023; approved after reviewing 22.08.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Научная статья

УДК 340:330

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-3-409-416

Публичные и международные правовые и экономические аспекты развития Союзного государства России и Белоруссии в условиях санкций

Юрий Владимирович Мишальченко¹, Семен Даниилович Сулягин^{2✉}, Мария Юрьевна Мишальченко³

^{1, 3} Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4242-2274>

² suliagin.sem@gmail.com✉

³ mari.mishalchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5812-0748>

Аннотация. В настоящем исследовании проанализированы основные промежуточные итоги развития Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь. Раскрыты актуальные проблемы, дана оценка перспективам дальнейшего сотрудничества двух указанных стран в условиях санкционной политики западных государств. Авторами также предпринята попытка определения правовой природы Договора о создании Союзного государства, его места среди других форм международных объединений.

Ключевые слова: Союзное государство, Российская Федерация, Республика Беларусь, мировая экономика, евразийская интеграция, суверенитет, международное право, Европейский союз, санкции

Для цитирования: Мишальченко Ю. В., Сулягин С. Д., Мишальченко М. Ю. Публичные и международные правовые и экономические аспекты развития Союзного государства России и Белоруссии в условиях санкций // Социология и право. 2023. Т. 15. № 3. С. 409–416. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-409-416>

Original article

Public and international legal and economic aspects of the development of the Union State of Russia and Belarus in the conditions of sanctions

Yury V. Mishalchenko¹, Semen D. Sulyagin^{2✉}, Maria Yu. Mishalchenko³

^{1, 3} St. Petersburg State Marine Technical University, St. Petersburg, Russia

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

¹ St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

¹ myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4242-2274>

² suliagin.sem@gmail.com✉

³ mari.mishalchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5812-0748>

Abstract. This study analyzes the main intermediate results of the development of the Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus. Actual problems are revealed, the prospects for further cooperation between the two countries under the sanctions policy of Western countries are assessed. The authors also made an attempt to determine the legal nature of the Treaty on the establishment of the Union State, its place among other forms of international associations.

Keywords: Union State, Russian Federation, Republic of Belarus, world economy, Eurasian integration, sovereignty, international law, European Union, sanctions

For citation: Mishalchenko Yu.V., Suliagin S.D., Mishalchenko M.Yu. Public and international legal and economic aspects of the development of the Union State of Russia and Belarus in the conditions of sanctions. *Sociology and Law*. 2023;15(3):409-416. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-409-416>

Введение

Взаимоотношения народов Российской Федерации (РФ) и Республики Беларусь тесно развивались на протяжении первого десятилетия становления двух стран на постсоветском пространстве. Данные взаимосвязи справедливо обоснованы историческими событиями, происходившими на протяжении столетий. Своеобразным апофеозом развития межгосударственных связей двух стран стало подписание Договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства», который определил дальнейший вектор укрепления взаимодействия (далее — Союзный Договор) [1].

В этой связи обратим внимание на тезис А. В. Шурубовича, который справедливо утверждает, что Союзное государство является самым продвинутым интеграционным объединением на постсоветском пространстве [2]. Нельзя не согласиться с высказыванием В. В. Барабаша и С. Ю. Попова, которые утверждают следующее: «Согласно Договору, государства-участники создают Союзное государство, знаменующее собой новый этап в процессе единения народов двух стран в демократическое правовое государство» [3]. Существенное отличие от других межгосударственных объединений данного соглашения состоит в интеграции не только экономических составляющих обоих государств, но и не менее значимых социальных сфер.

В свою очередь, современная геополитическая обстановка и санкционная политика западных государств ставит вопрос объединения и укрепления взаимоотношений России и Белоруссии на новый уровень. События нескольких ушедших лет делают неактуальными ряд тезисов ученых, изучающих данную проблематику, поскольку ряд вопросов необходимо рассмотреть с учетом изменяющихся мировой экономики и международного права.

Историческая действительность справедливо доказывает фактическое отнесение восточнославянских народов (русских, белорусов и украинцев) к одному и тому же этносу, развитие которых осуществлялось в едином экономическом, политическом, культурном поле. В контексте изложенного выше подписание Союзного Договора стало логическим продолжением интеграционных процессов, прерванных в 1991 г.

Методы исследования

Для всестороннего и полного анализа изучаемых материалов авторами исследования использованы как общенаучные методы (анализ, дедукция, абстрагирование, структурно-функциональный), так и специальные (формально-юри-

дический, методы юридического конструирования и технико-юридического анализа, формально-логический, системный, статистический). С учетом указанных методологий произведен комплексный анализ развития двусторонних отношений Союзного государства, определены актуальные результаты интеграции и выявлены перспективы дальнейшего взаимодействия России и Белоруссии.

Теоретический анализ

Для дальнейшего анализа определим правовой статус концепции Союзного государства в мировом правовом пространстве. Стоит отметить, что и до подписания Союзного Договора происходило последовательное и планомерное развитие союзных отношений. Так, обоими государствами подписан ряд документов, устанавливающих связи между важнейшими отраслями экономики.

С учетом этого следует согласиться с утверждением В. В. Барабаша и С. Ю. Попова, согласно которому создание Союзного государства выступает важным фактором интеграции во всех сферах на постсоветском пространстве. Несмотря на длительную реализацию развития отношений в рамках Союзного Договора, остаются вопросы об определении правовой природы данного соглашения. В частности, Договор не содержит в себе прямого определения понятия «Союзное государство». В соглашении лишь указаны основные цели, задачи и принципы взаимоотношений стран, направленные на совместную интеграцию. Следовательно, можно утверждать, что вопросы правовой природы и отнесение Союзного государства к определенному типу межгосударственных объединений носят дискуссионный характер, и их по-разному оценивают ученые-правоведы.

Однако международное право не знает прецедентов объединения государств на основе соглашения о создании Союзного государства. Как следствие, возникает вопрос о дефинировании его статуса.

Нельзя и говорить о том, что Союзное государство является переходным этапом к более тесному сотрудничеству двух стран, так как появляется соответствующий вопрос о том, каким будет итог. Следовательно, целесообразно определить перспективы развития данного соглашения. Приведенный тезис подкрепляется достигнутыми результатами взаимной интеграции за более чем два десятилетия развития взаимоотношений этих государств.

Как регламентировано в п. 1 ст. 2 Союзного Договора, цель Союзного государства — обеспечение мирного развития народов России и Белоруссии, улучшение качества уровня жизни и повышения их благосостояния, создание единого экономического пространства. Помимо этого, важной и общественно необходимой целью выступает обеспечение коллективной безопасности Союзного государства РФ и Республики Беларусь, борьба с преступностью, базовое формирование единой правовой системы и согласованной внешней политики.

Результаты и обсуждение

Рост взаимного инвестирования в различные сферы экономики дружественных стран в условиях санкций так называемых недружественных стран имеет огромное и принципиальное значение. Кроме того, нельзя не учитывать подписание таких документов, как «Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь об обеспечении равных прав граждан Российской Федерации и Республики Беларусь на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств — участников Союзного государства» [4], Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 24 января

2006 г. «О сотрудничестве в области социального обеспечения» [5], а также Соглашение между Правительством Российской Федерацией и Правительством Республики Беларусь от 24 января 2006 г. «О порядке оказания медицинской помощи гражданам Российской Федерации в учреждениях здравоохранения Республики Беларусь и гражданам Республики Беларусь в учреждениях здравоохранения Российской Федерации» и т. д. [6].

Такое укрепление российско-белорусских отношений не только в правовой, экономической сферах, но и политической, в условиях трансформации международного миропорядка неизбежно привело к санкционному давлению со стороны западных стран как на РФ, так и на Республику Беларусь. Вместе с тем следует обратить внимание на фрагмент Послания Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко от 2 апреля 2023 г., в день единения народов Белоруссии и России: «Широкий охват сфер и глубина взаимодействия по праву позволили называть Союзное государство локомотивом интеграционных процессов на постсоветском пространстве» [7]. Президент России В. В. Путин указал на положительную динамику развития Союзного государства, вопреки современной геополитической обстановке: «Несмотря на беспрецедентное санкционное давление извне, мы эффективно координируем усилия на международной арене, в сфере обороны и безопасности, успешно реализуем программы, направленные на укрепление финансово-экономического и научно-технологического суверенитета» [7].

На фоне современных процессов изменения мировой экономики и международного права, постепенного перехода мирового сообщества от глобализации к регионализации не стоит забывать о том, что еще в начале пути формирования Союзного государства данный интеграционный процесс активно критиковали в западных странах. К тому же, по мнению Н. И. Яковлева, Республике Беларусь предлагали вступить в Европейский союз (ЕС). Однако руководство Республики Беларусь взяло курс на укрепление связей во всех сферах с Россией, реализуя конституционные положения о праве самостоятельного выбора вступления в тот или иной союз и выхода из него (ст. 1 Конституции Республики Беларусь) [8, с. 105].

В современных геополитических условиях усилилось взаимодействие между государствами и в военно-политической сфере, выразившееся в регулярном проведении совместных военных учений. В частности, ст. 18 Союзного Договора регламентирует, что стороны договора обязуются осуществлять координацию и взаимодействие в сфере внешней политики, а также предпринимать меры по выработке совместной оборонной политики, в военном строительстве, развитии и совместном использовании военной инфраструктуры (помимо принятия дополнительных мер для поддержки военной обороны государств).

25 февраля 2023 г. ЕС согласовал десятый пакет санкций против России и частично Республики Беларусь, который накладывает запрет на экспорт критически значимых технологий и товаров. К последним относят электронику, спецтранспорт, автозапчасти и комплектующие для ракетных двигателей. Вместе с тем дефицита товаров и критически важных технологий, правообладатели которых находятся за рубежом, не наблюдается в связи с применением в России и Беларуси параллельного импорта товаров и услуг.

С 23 февраля 2022 г. санкции против России и Беларуси направлены на лица, правоотношения и сферы деятельности:

1. Персональные санкции.
2. Импорт сырья (нефть, уголь, металлы, древесина и др.).
3. Экспорт товаров (комплектующие для военно-промышленного комплекса (ВПК), предметы роскоши, алкоголь).

4. Доступ банков к *SWIFT*.
5. Членство в Совете Европы, доступ к фондам Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка.
6. Дипломатические контакты, выдача виз, въезд и проживание.
7. Экспорт технологий.
8. Вещание государственных СМИ.
9. Инвестиции и операции с ценными бумагами.
10. Сертификация газопровода «Северный поток — 2».
11. Заморозка валютных резервов Центрального банка РФ (Банк России) в странах G7 и ЕС.
12. Использование морских портов (исключая гуманитарные грузы и агро-продукцию).
13. Экспорт услуг (консалтинговых, бухгалтерских, страховых и др.)
14. Авиасообщение, лизинг и др.

Существеннее всего данные санкции и введенные запреты отразились не на Союзном государстве России и Белоруссии, а на обычных гражданах этих стран. Если житель России или Белоруссии может не заметить исчезновение того или иного товара с полки магазина, а вероятнее всего, и не заметит, поскольку товар может быть импортирован с применением параллельного импорта, то невозможность осуществления беспрепятственного перелета на территорию стран ЕС, невозможность осуществления банковских платежей в западные страны и наоборот не остаются незамеченными. В сложившейся ситуации уместно обратить внимание на заявление Министерства иностранных дел (МИД) РФ: «ЕС своими действиями в связи с ситуацией на Украине развеял миф о том, что его нелегитимные ограничения не направлены против российского народа» [9].

Поскольку с начала санкционной политики против России и Белоруссии прошло немного времени с точки зрения истории и развития двусторонних отношений в новых международных условиях, целесообразным видится рассмотрение потенциальных сценариев развития взаимоотношений между государствами в совокупности истории взаимодействия РФ и Республики Беларусь, а не только последнего «санкционного» периода.

Кардинальные изменения в международном праве и мировой экономике потребовали от России определенных действий, получивших отражение в скорректированной Концепции внешней политики России, утвержденной Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 (далее — Концепция) [10]. В частности, приоритетным направлением внешней политики РФ выступает формирование справедливого и устойчивого мироустройства в совокупности с новой системой международных отношений, способствующей обеспечить интересы РФ в аспекте безопасности, равных возможностей для развития государств и сохранения культурной самобытности. Не оставлено без внимания в обновленной Концепции и развитие Союзного государства: согласно подп. 7 п. 39 Концепции Россия намерена уделять приоритетное внимание происходящим процессам экономической интеграции, прежде всего в рамках Союзного государства, ШОС, БРИКС, ЕАЭС, СНГ, а также в целях постепенного образования Большого Евразийского партнерства.

Выводы

Можно утверждать, что взаимоотношения между двумя странами достигли ряда существенных успехов, направленных прежде всего на обеспечение равных прав граждан РФ и Республики Беларусь, обороноспособности, а также в сфере экономической интеграции стран. Например, в ноябре 2021 г. принята единая

военная доктрина Союзного государства, предполагающая объединенную концепцию в обеспечении обороноспособности России и Белоруссии.

Вместе с тем некоторые экономические цели (например, создание единой валютной системы) не реализованы. Этому способствовали коллизии относительно определения единого эмиссионного центра. Кроме того, согласно позициям ряда ученых, в частности А. В. Шурубовича, Россия обозначала подход, при котором Республика Беларусь будет активнее осуществлять подготовительные мероприятия по образованию общей, единой валюты, а белорусская сторона исходила из позиции, ввиду которой создание единой валюты должно быть итоговым результатом интеграционных процессов. В мировой практике уже были прецеденты создания единых валют, например, использование евро в странах ЕС. Методики и правовые механизмы перехода с национальной валюты на единую валюту в странах ЕС могли бы быть применены и в рамках Союзного государства, что дало бы новый виток взаимных отношений.

На современном этапе можно заключить, что оба государства реализуют программы взаимной интеграции в рамках Союзного государства и обеспечивают развитие сотрудничества в наибольшем количестве сфер государственной деятельности. Данный тезис дополнительно подтверждается и высказываниями глав государств, и отражен в последних официальных документах: согласно подп. 2 и 4 п. 49 Концепции Россия намерена продолжать дальнейшее развитие стран ближнего зарубежья в сторону мира, добрососедских отношений, устойчивого процветания и заинтересована в обеспечении безопасности РФ и ее союзников, взаимодополняемости Союзного государства. Отдельно Россия обеспечивает углубление интеграционных процессов в Евразии и стратегическое взаимодействие с Республикой Беларусь. Для дальнейшего углубления взаимных интеграционно-правовых отношений странам-участникам целесообразно выработать более стабильные нормы, регулирующие их деятельность в различных сферах экономики, основанной на единой политике в соответствующих областях. Положительной тенденцией, необходимой для дальнейшей интеграции взаимных отношений между государствами, представляется создание наднациональной правовой системы, регулирующей особенно важные общественно-правовые отношения между государствами, сопровождающееся образованием наднациональных органов и учреждений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что санкционное давление западных стран на Россию и Белоруссию ускоряет интеграционные процессы между двумя странами в рамках Союзного государства, приводит к положительной динамике их взаимодействия во всех сферах, в том числе экономической, правовой, культурной и военной.

Список источников

1. О создании Союзного государства: договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25282/ (дата обращения: 02.04.2023).
2. Шурубович А. В. Союзное государство и актуальные проблемы российско-белорусской интеграции // Проблемы постсоветского пространства. 2019. Т. 6. № 3. С. 244–258. DOI: 10.24975/2313-8920-2019-6-3-244-258
3. Барабаш В. В., Попов С. Ю. Историко-правовые основания информационной политики союзного государства Россия-Белоруссия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 3-1. С. 231–236.
4. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь об обеспечении равных прав граждан Российской Федерации и Республики Беларусь на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств — участников

- Союзного государства: заключено в г. Санкт-Петербурге 24 января 2006 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79643/ (дата обращения: 02.04.2023).
5. О сотрудничестве в области социального обеспечения: договор между РФ и Республикой Беларусь от 24 января 2006 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88359/ (дата обращения: 02.04.2023).
 6. О порядке оказания медицинской помощи гражданам Российской Федерации в учреждениях здравоохранения Республики Беларусь и гражданам Республики Беларусь в учреждениях здравоохранения Российской Федерации: соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь от 24 января 2006 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77422/ (дата обращения: 02.04.2023).
 7. Лукашенко заявил о наращивании Белоруссией и Россией потенциала Союзного государства // Известия. 2023. 2 апреля. URL: <https://iz.ru/1492178/2023-04-02/lukashenko-zaiavil-o-narashchivanii-potentciala-soiuznogo-gosudarstva?ysclid=1jin8xvp4u257407223> (дата обращения: 02.04.2023).
 8. Яковлев Н. И. Союзное государство России и Белоруссии: конституционно-правовой анализ // Государство, право и правоприменительная практика: современные вызовы: сборник науч. тр. IX Всерос. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов Юридического института Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта / под общ. ред. О. А. Заячковского. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2022. С. 103–108.
 9. МИД России: ЕС развеял миф, что его санкции не направлены против российского народа // ИА ТАСС. 2022. 28 февраля. URL: <https://tass.ru/politika/13905833> (дата обращения: 02.03.2023).
 10. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007> (дата обращения: 02.04.2023).

References

1. On the Creation of the Union State. Treaty between the Russian Federation and the Republic of Belarus of December 8, 1999. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25282/ (accessed on 02.04.2023). (In Russ.).
2. Shurubovich A.V. The Union State and actual problems of Russian-Byelorussian integration. *Problemy postsovetского prostranstva = Post-Soviet Issues*. 2019;6(3):244-258. (In Russ.). DOI: 10.24975/2313-8920-2019-6-3-244-258
3. Barabash V.V., Popov S.Yu. Historical and legal foundations of the information policy of the union state Russia-Belarus. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2015;(3-1):231-236. (In Russ.).
4. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Belarus on ensuring equal rights of citizens of the Russian Federation and the Republic of Belarus to freedom of movement, choice of place of stay and residence in the territories of the member states of the Union State. 24.01.2006. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79643/ (accessed on 02.04.2023). (In Russ.).
5. On cooperation in the field of social security. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Belarus dated January 24, 2006. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88359/ (accessed on 02.04.2023). (In Russ.).
6. On the procedure for providing medical care to citizens of the Russian Federation in healthcare institutions of the Republic of Belarus and citizens of the Republic of Belarus in healthcare institutions of the Russian Federation. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Belarus dated January 24, 2006. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77422/ (accessed on 02.04.2023). (In Russ.).
7. Lukashenko announced the build-up of the potential of the Union State by Belarus and Russia. *Izvestiya*. Apr. 02, 2023. URL: <https://iz.ru/1492178/2023-04-02/lukashenko>

zaiavil-o-narashchivani-potentciala-soiuznogo-gosudarstva?ysclid=ljin8xvp4u257407223 (accessed on 02.04.2023). (In Russ.).

8. Yakovlev N.I. Union State of Russia and Belarus: Constitutional and legal analysis. In: Zayachkovskii O.A., ed. State, law and law enforcement practice: Modern challenges. Proc. 9th All-Russ. sci.-pract. conf. of students and post-graduates of the Law Institute of Immanuel Kant Baltic Federal University. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University; 2022:103-108. (In Russ.).
9. Russian Ministry of Foreign Affairs: EU has dispelled the myth that its sanctions are not directed against the Russian people. TASS News Agency. Feb. 28, 2022. URL: <https://tass.ru/politika/13905833> (accessed on 02.03.2023). (In Russ.).
10. On approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 No. 229. Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007> (accessed on 02.04.2023). (In Russ.).

Информация об авторах

Ю. В. Мишальченко — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного и международного права СПбГМУ; 190121, Санкт-Петербург, Лотманская ул., д. 3; профессор кафедры конституционного и международного права СПбУТЭ; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; профессор кафедры конституционного и административного права СПбГЭУ; 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32а;

С. Д. Сулягин — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

М. Ю. Мишальченко — ассистент кафедры гражданского и коммерческого права; 190121, Санкт-Петербург, Лотманская ул., д. 3.

Information about the authors

Yu. V. Mishalchenko — Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of State and International Law of SMTU; 3 Lotsmanskaya st., St. Petersburg 190121, Russia; Professor at the Department of State and International Law of UMTE; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia; Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of SPbSEU; 30–32 Griboedov canal emb., St. Petersburg 191023, Russia;

S. D. Suliagin — postgraduate student at the Department of Administrative Law and Process; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia;

M. Yu. Mishalchenko — assistant at the Department of Civil and Commercial Law; 3 Lotsmanskaya st., St. Petersburg 190121, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 13.04.2023; одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 13.04.2023; approved after reviewing 26.05.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Научная статья

УДК 340.1

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-3-417-423

Контроль как функция государства

Евгения Ивановна Шабалина^{1✉}, Радик Равильевич Набеев²

^{1, 2} Белгородский университет кооперации, экономики и права, Белгород, Россия

¹ evish13@yandex.ru✉

² rrnabeev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию контроля как функции государства через призму используемых в науке лингвистических конструкций и этимологии термина «контроль». Авторами последовательно обоснована позиция, в соответствии с которой контроль как функция государства может быть рассмотрен в качестве формы нормативно закреплённого сознательного и социально одобряемого процесса функционирования и развития системы государственного управления. Кроме того, контроль имеет специфические черты, выраженные в потребности поддержания порядка и осуществлении регулирующих действий, выполняемых специальной подсистемой в рамках механизма государства, который является организованной и институционализированной системой более высокого порядка.

Аргументирована гипотеза о том, что особенность государственной контрольной функции заключается в выделении ее в самостоятельное направление государственной деятельности с целью систематизации юридической практики в рамках взаимодействия «субъект — объект контроля», выявлении причин и условий, способствующих отклонению от нормативно установленной модели поведения, и возвращении в русло нормативно предусмотренного, социально одобряемого функционирования. Контроль как функция государства направлен на улучшение институтов государства и вне государственной деятельности. При этом эффективная система контроля в рамках государственного управления основана на результатах юридической практики.

Ключевые слова: контроль, функция государства, цель контроля, задачи контроля, внутренняя структура контроля

Для цитирования: Шабалина Е. И., Набеев Р. Р. Контроль как функция государства // Социология и право. 2023. Т. 15. № 3. С. 417–423. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-417-423>

Original article

Control as a function of the state

Evgenia I. Shabalina^{1✉}, Radik R. Nabeev²

^{1, 2} Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia

¹ evish13@yandex.ru✉

² rrnabeev@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of control as a function of the state through the prism of linguistic constructions used in science and etymology of the term “control”. The authors consistently substantiate the position according to which control as a function of the state can be considered as a form of normatively fixed conscious and socially approved process of functioning and development of the system of state administration. In addition, control has specific features expressed in the need to maintain order and the implementation

of regulatory actions performed by a special subsystem within the mechanism of the state, which is an organized and institutionalized system of a higher order. The hypothesis is argued that the peculiarity of the state control function lies in its separation into an independent direction of state activity in order to systematize legal practice in the framework of interaction “subject — object of control”, to identify the causes and conditions contributing to the deviation from the normatively established model of behavior, and to return to the mainstream of normatively envisaged, socially approved functioning. Control as a function of the state is aimed at improving the institutions of the state and out of state activity. At the same time, an effective system of control within the framework of public administration is based on the results of legal practice.

Keywords: control, function of the state, purpose of control, control tasks, internal structure of control

For citation: Shabalina E.I., Nabeev R.R. Control as a function of the state. *Sociology and Law*. 2023;15(3):417-423. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-417-423>

Введение

Чтобы комплексно исследовать контроль как функцию государства, представляется научно обоснованным определить с точки зрения теории государства и права смысл и содержание категории «функция» применительно к предмету научного поиска.

Так, по мнению А. А. Дембицкого, функции государства — это основные направления его деятельности. Однако тот факт, что ни в одной другой сфере научного знания, кроме юридической науки, понятие функций не используется для обозначения направлений деятельности, ставит под сомнение возможность подобной трактовки функций государства [1, с. 236]. О. В. Марченко [2], О. Н. Мигущенко [3], М. В. Жигуленков [4], А. И. Гнатенко [5] в своих трудах придерживаются аналогичного подхода к пониманию функции государства. При этом с той или иной степенью убеждения они пишут о том, что в теории права традиционно функции государства освещены через призму форм и механизмов реализации функций.

В Словаре иностранных слов указано, что категория «функция» имеет латинское происхождение (в переводе с лат. *function* — это «исполнение, осуществление»); это понятие предусматривает деятельность, обязанность, работу, внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений, а также означает задачу, которую выполняет определенный социальный институт или процесс по отношению к нему [6, с. 543]. В Словаре русского языка С. И. Ожегова указано пять значений применительно к разным отраслям научного знания, а именно: контроль как деятельность и как явление, зависящее от чего-либо или кого-либо и изменяющееся под воздействием неких величин [7, с. 856].

Исходя из лингвистической конструкции и этимологического значения, контроль целесообразно рассматривать как государственную функцию через призму государственного социального управления, поскольку общество не может функционировать в отсутствие средств общественной организации его жизнедеятельности и поведения субъектов разного рода общественных отношений.

Материалы и методы

Контрольная функция может быть рассмотрена как форма нормативно закреплённого сознательного и социально одобряемого процесса функционирования, развития системы государственного управления в целом. Е. Е. Тонков

пишет, что функции государства имеют внешнее выражение посредством правовых форм государственной деятельности, логично взаимосвязаны и тем самым аккумулируют существенные свойства внутренних процессов, которые составляют основу такой деятельности, порождающей различного рода правовые последствия [8, с. 7].

Научное познание и использование объективных закономерностей контроля как функции государства предотвращает стихийность в развитии механизма государства, минимизирует либо устраняет отрицательные воздействия социально-экономической действительности в конкретном государстве и направлено на формирование общественного сознания в целом, в том числе правосознания. Следовательно, функция контроля планомерно, системно и последовательно формирует социально полезные тому или иному государственно-правовому режиму общественные процессы, тем самым стимулируя прогрессивное либо регрессивное развитие общества и государства.

Контроль как функция государства имеет специфические черты, выраженные в потребности поддержания порядка и осуществлении регулирующих действий, выполняемых специальной подсистемой в рамках механизма государства, который является организованной и институционализированной системой более высокого порядка. Таким образом, контрольная функция реализуется через регулирование жизнедеятельности общества в рамках объективно-субъективных процессов, посредством применения механизмов целенаправленного воздействия на объект контроля, имеющих соответствующее нормативное закрепление.

Глубина правового регулирования контроля определена его сущностью и видом, а также социально-политической действительностью. Исходя из объективных характеристик права в целом, правовые нормы, обеспечивающие правовое регулирование контроля как функции государства, являются эталонами такого поведения субъектов и объектов контроля, которое обеспечивает его продуктивность, оперативность и действенность в достижении поставленных целей.

Контроль как функция государства в контексте направления деятельности обеспечивает необходимое условие существования государства посредством поддержания соответствующего общественного порядка в процессе государственного строительства на каждом его этапе. Таким образом, контроль основан на соблюдении правил поведения, официально определенных в нормативных правовых актах, обеспечивает реализацию и гарантию принципа законности в соответствии с Конституцией Российской Федерации (РФ) [9].

Придерживаясь сложившегося в юридической науке классического подхода к пониманию контроля как функции государства, считаем, что особенность государственной контрольной функции заключается в выделении ее в самостоятельное направление государственной деятельности [10] с целью систематизации юридической практики в рамках взаимодействия «субъект — объект контроля», выявлении причин и условий, способствующих отклонению от нормативно установленной модели поведения, и возвращении в русло нормативно установленно-го, социально одобряемого функционирования.

Основная задача контроля как функции государства состоит в своевременном выявлении отклонений от заданных нормами права параметров в процессе функционирования механизма государства. Следовательно, указанная специфика контроля как функции государства позволяет отделять ее от других функций государства в научном, организационном и нормативном аспектах.

Правовое регулирование контрольной функции обеспечивает достижение следующих задач:

- рациональности контрольных мероприятий на основе единых принципов;
- эффективного использования кадрового потенциала органов государственной власти;
- определения контроля как разновидности юридического процесса и правовой формы государственной деятельности;
- создания системы организационно-правовых гарантий для результативного осуществления контроля;
- нормативного закрепления системы органов контроля в государстве.

Контроль как функция государственного управления характеризуется совокупностью составных частей, находящихся в соподчинении, режимом субординации и координации, механизмом правового регулирования структурных элементов и направления воздействия, процедурой принятия, реализации решений и соответствующим информационным обеспечением. Детализируется содержание функции контроля через выявление структуры контроля, выражающего связь объекта исследования с другими явлениями государственно-правовой действительности и юридической практики, посредством определения цели и задач контроля.

Процесс осуществления функции контроля включает в себя четыре стадии:

- констатацию, то есть определение фактического состояния «как есть»;
- анализ — сравнение факта с идеалом, то есть законодательно установленной нормой и установление степени отклонения (нарушения) от нее;
- определение конкретных действий или путей по устранению выявленных отклонений (нарушений) [11];
- «контроль за контролем» или контроль за реализацией принятых мер по устранению выявленных отклонений (нарушений).

Кроме того, контроль сложным мощным инструментом административного воздействия в любой системе вышестоящих управленческих звеньев на деятельность подконтрольных субъектов [12, с. 209].

Возьмем за основу Лимскую декларацию руководящих принципов контроля 1977 г. и уточним цель контроля как государственной функции. Организация контроля служит обязательным элементом управления, влекущим за собой ответственность перед обществом. Контроль — это не самоцель, а неотъемлемая часть системы регулирования, целью которой является вскрытие отклонений от принятых стандартов и нарушений принципов, законности, эффективности и экономии расходования материальных ресурсов на возможно более ранней стадии для того, чтобы иметь возможность принять корректирующие меры, а в ряде случаев — привлечь виновных к ответственности, получить компенсацию за причиненный ущерб или осуществить мероприятия по предотвращению или сокращению таких нарушений в будущем [13].

Контроль можно признать самостоятельной государственной функцией, выделившейся из системы государственного управления. Универсальная цель контроля включает в себя:

- осуществление обратной связи в системе управления повседневной деятельностью;
- выявление отклонений и недостатков в реализации целей и задач повседневной деятельности и принятие мер по обеспечению их достижения;
- оценка текущего состояния и деятельности подконтрольных объектов.

Подводя промежуточный итог, укажем, что контроль, как функция государства в контексте социального государственного управления, базируется на специфических особенностях государства, реализуется в деятельности органов государственной власти всех уровней с целью достижения социально полезных результатов при помощи механизма правового регулирования. Единообразие и логич-

ность контроля как функции государства отражают объективно существующие и динамично функционирующие взаимосвязи различных уровней коммуникации между субъектами и объектами контроля в рамках государственно-правовой деятельности.

Эффективная система контроля в рамках государственного управления основана на результатах юридической практики. Практика — это материальная, целеполагающая деятельность человека.

Выводы

Таким образом, контроль как функция государства направлен на улучшение институтов государства и государственной деятельности в целом. Контроль как функция государства в контексте социального государственного управления основан на специфических особенностях государства, реализуется в деятельности органов государственной власти всех уровней с целью достижения социально полезных результатов при помощи механизма правового регулирования.

Контроль как функция государства характеризуется совокупностью таких элементов, как:

- государственная деятельность;
- нормативное обеспечение системы контроля на основе демократических принципов;
- регламентированность контроля, исключающая возможность произвола и обеспечивающая ограничение усмотрения чиновников всех уровней.

Список источников

1. Дембицкий А. А. Понятие функции государства: сущность и определение // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. С. 236–238.
2. Марченко О. В. Правотворческая деятельность как правовая форма осуществления функций государства // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 5. С. 20–26.
3. Мигущенко О. Н. Влияние осуществления функций государства в организационно-идеологической форме на формирование правосознания // История государства и права. 2007. № 4. С. 36–38.
4. Жигуленков М. В. К вопросу о формах осуществления функций государства // Гражданин и право. 2009. № 1. С. 65–69.
5. Гнатенко А. И. О механизмах реализации функций государства // Гражданин и право. 2009. № 6. С. 92–94.
6. Словарь иностранных слов. 12-е изд., М.: Рус. яз., 1985. 607 с.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 22-е изд. М.: Рус. яз., 1990. 921 с.
8. Тонков Е. Е. Юридические формы государственной деятельности и функции государства: соотношений понятий // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2010. № 2. С. 7–12.
9. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 05.06.2023).
10. Котля Д. Х. Административно-правовое регулирование контрольной функции государства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 171 с.
11. Засторожная О. К. Функция контроля в деятельности местных Советов депутатов трудящихся и их аппарата: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1973. 18 с.
12. Рой О. М. Система государственного и муниципального управления. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006. 300 с.

13. Лимская декларация руководящих принципов контроля: принята IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) в г. Лиме (Республика Перу) в 1977 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=kDPIJWTP2wUNO1xW&cacheid=9BC486CEA40DB6FA3D9AF2D93290A4CB&mode=splus&rnd=hb2O9A&base=INT&n=9332#pYSLJWT6va82io09> (дата обращения: 05.06.2023).

References

1. Dembitsky A.A. The concept of functions of the state: The essence and definition. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* = *Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2014;(4):236-238. (In Russ.).
2. Marchenko O.V. Lawmaking as a legal form for carrying out state functions. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava* = *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2008;(5):20-26. (In Russ.).
3. Migushchenko O.N. The influence of the implementation of the functions of the state in the organizational and ideological form on the formation of legal consciousness. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2007;(4):36-38. (In Russ.).
4. Zhigulenkova M.V. On the issue of the forms of implementation of the functions of the state. *Grazhdanin i pravo*. 2009;(1):65-69. (In Russ.).
5. Gnatenko A.I. On the mechanisms for the implementation of the functions of the state. *Grazhdanin i pravo*. 2009;(6):92-94. (In Russ.).
6. Dictionary of foreign words. 12th ed. Moscow: Russkii yazyk; 1985. 607 p. (In Russ.).
7. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. 22nd ed. Moscow: Russkii yazyk; 1990. 921 p. (In Russ.).
8. Tonkov E.E. Legal forms of state activity and functions of the state: correlations of concepts. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina* = *Vestnik of the Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*. 2010;(2):7-12. (In Russ.).
9. The Constitution of the Russian Federation: Adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments, approved during the all-Russian vote on July 1, 2020. Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (accessed on 05.06.2023). (In Russ.).
10. Kotliya D.Kh. Administrative and legal regulation of the control function of the state. Cand. legal sci. diss. Moscow: Russian Academy of Civil Service under the President of the Russian Federation; 2010. 171 p. (In Russ.).
11. Zastorozhnyaya O.K. The function of control in the activities of local Soviets of working people's deputies and their apparatus. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Voronezh: Voronezh State University named after Lenin Komsomol; 1973. 18 p. (In Russ.).
12. Roi O.M. The system of state and municipal government. 2nd ed. St. Petersburg: Piter; 2006. 300 p. (In Russ.).
13. Lima Declaration of control guidelines. Adopted by the IX Congress of the International Organization of Supreme Audit Institutions (INTOSAI) in Lima (Republic of Peru) in 1977. Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=kDPIJWTP2wUNO1xW&cacheid=9BC486CEA40DB6FA3D9AF2D93290A4CB&mode=splus&rnd=hb2O9A&base=INT&n=9332#pYSLJWT6va82io09> (accessed on 05.06.2023). (In Russ.).

Информация об авторах

Е. И. Шабалина — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права; 308023, Белгород, Садовая ул., д. 116а;
Р. Р. Набеев — аспирант; 308023, Белгород, Садовая ул., д. 116а.

Information about the authors

E. I. Shabalina — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law; 116A Sadovaya st., Belgorod 308023, Russia;

R. R. Nabeev — postgraduate student; 116A Sadovaya st., Belgorod 308023, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 25.07.2023; одобрена после рецензирования 30.08.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 25.07.2023; approved after reviewing 30.08.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Научная статья

УДК 343.535

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-3-424-430

Особенности оспаривания сделок должника при процедуре банкротства

Максим Олегович Денисовский

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия, maxwell196@mail.ru

Аннотация. В статье дана характеристика особенностей оспаривания сделок должника при банкротстве в сравнении с общим порядком оспаривания сделок. Автором рассмотрены особенности отдельных элементов правового механизма оспаривания сделок, выделены дискуссионные вопросы. Сделан вывод о том, что отличия оспаривания сделок должника в банкротстве от оспаривания сделок в рамках общего порядка обусловлены спецификой общественных отношений, складывающихся в сфере применения норм Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», и необходимостью решения задачи по удовлетворению интересов кредиторов.

Ключевые слова: банкротство, оспаривание сделок должника, арбитражный управляющий

Для цитирования: Денисовский М. О. Особенности оспаривания сделок должника при процедуре банкротства // Социология и право. 2023. Т. 15. № 3. С. 424–430. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-424-430>

Original article

Specific features of challenging the debtor's transactions in bankruptcy proceedings

Maxim O. Denisovsky

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg,
Russia, maxwell196@mail.ru

Abstract. The article characterizes the peculiarities of contesting debtor's transactions in bankruptcy proceedings in comparison with the general procedure of contesting transactions. The author considers the peculiarities of separate elements of the legal mechanism of challenging transactions, highlights the discussion issues. The conclusion is made that the differences of contestation of transactions of the debtor in bankruptcy from contestation of transactions within the framework of the general order are conditioned by the specificity of public relations, formed in the sphere of application of norms of the Federal Law of 26 October 2002 № 127-FZ "On insolvency (bankruptcy)", and the necessity of solving the task of satisfying the interests of creditors.

Keywords: bankruptcy, contestation of debtor's transactions, arbitration manager

For citation: Denisovsky M.O. Specific features of challenging the debtor's transactions in bankruptcy proceedings. *Sociology and Law*. 2023;15(3):424-430. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-424-430>

Введение

В институте банкротства особую роль играет такой вопрос, как оспаривание сделок должника. Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что за счет оспаривания сделок должника формируется конкурсная масса. Это позволяет удовлетворить требования и интересы кредиторов. Оспаривание сделок должника, согласно Федеральному закону от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1], имеет особенности, в отличие от оспаривания сделок в общем порядке, предусмотренном Гражданским кодексом Российской Федерации (ГК РФ) [2]. Такие особенности проявляются в различных элементах правового механизма оспаривания сделок. Если отдельные элементы не вызывают разногласий в научной среде, то относительно некоторых из них ведется активная дискуссия.

Теория

Первая особенность оспаривания сделок должника в банкротстве заключается в специальном субъекте оспаривания. В п. 2 ст. 166 ГК РФ субъектом оспаривания признают сторону сделки или лицо, указанное в законе. Требование об оспаривании сделки также может предъявить лицо, которое уполномочено выступать от имени юридического лица, участник корпорации. В свою очередь, в ст. 61.9 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ субъектами, имеющими право на подачу заявления об оспаривании сделки, являются внешний управляющий или конкурсный управляющий от имени должника. Решение может быть принято по собственной инициативе или в результате собрания кредиторов. Если размер кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов, у конкурсного кредитора или у уполномоченного органа превышает 10 % от общего размера требований кредиторов, то эти лица также могут подать заявление об оспаривании сделки должника.

Статус арбитражного управляющего установлен в ст. 20 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ. В качестве него выступает член одной из саморегулируемых организаций арбитражных управляющих. Занимаясь частной практикой и будучи субъектом профессиональной деятельности, арбитражный управляющий действует в интересах как должника, так и кредитора. Он обеспечивает должнику возможность погасить долги, а кредиторам — возможность удовлетворения их требований. Именно арбитражный управляющий способствует восстановлению платежеспособности должника. Через анализ сделок происходит выявление арбитражным управляющим сделок, которые совершены не в интересах кредиторов и в связи с чем могут быть оспорены. За счет этого формируется конкурсная масса. Е. С. Якимова указывает на эффективность института оспаривания сделок, обращая внимание на то, что на практике результативность оспаривания сделок зависит в большей степени от деятельности арбитражного управляющего [3, с. 200].

Вторая особенность оспаривания сделок должника в банкротстве — применение специальных оснований для оспаривания сделок. С правовой точки зрения основания для оспаривания сделок указаны в ст. 61.2 и 61.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ. Однако в научной среде в отношении данного вопроса продолжается активная дискуссия.

Так, среди ученых преобладает точка зрения относительно того, что основания для оспаривания сделок указаны в ст. 61.2 и 61.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ. Но некоторые исследователи считают, что эти

основания служат способом выявления случаев злоупотребления правом (например, М. А. Эрлих), и для оспаривания сделок должника необходимо применять общие положения ГК РФ и Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». По мнению М. А. Эрлиха, эти основания позволяют выделить сделки, направленные на нарушение интересов кредиторов, а не на получение должником коммерческой выгоды. Следовательно, эти сделки могут рассматриваться как частный случай злоупотребления правом, и поэтому должны применяться нормы ГК РФ [4, с. 31].

Иной точки зрения придерживается С. А. Карелина, которая считает, что существуют общие и специальные основания для признания сделки должника недействительной. Разница между ними заключается в направленности сделки. По общему основанию рассматривают сделки, которые нанесли кредиторам имущественный вред, а по специальному — подозрительные сделки и сделки с предпочтением [5, с. 22].

Тем не менее более обоснованной видится позиция Е. А. Молода, который полагает, что выделение специальных оснований для оспаривания сделок в банкротстве необходимо ввиду специфики общественных отношений в сфере банкротства. Поэтому в данном случае не могут применяться общие основания, закрепленные в ГК РФ [6, с. 490]. И. В. Корзникова полагает, что целесообразным видится выбирать основания, за счет которых могут быть в наибольшей степени удовлетворены интересы кредиторов, то есть такие основания, за счет которых в наибольшей мере будет сформирована конкурсная масса.

В своей практике суды используют смешанный подход к обоснованию при оспаривании сделок. Несмотря на то, что сделка оспаривается по специальным основаниям, мотивировочные части решений судов включают в себя общегражданские нормы и выводы [7, с. 120]. Д. Д. Галеева, С. В. Старцева пишут о том, что недопустимо использование и общих, и специальных оснований по отношению к одной сделке, следует использовать либо общие, либо специальные основания [8].

В научной среде сформировано три различных подхода к пониманию сущности оснований для оспаривания сделок должника. Они нашли отражение в трех теориях: деликтной, легальной и теории исполнительской силы. Между ними прослеживаются существенные различия.

Согласно деликтной теории, основанием для оспаривания сделки служит правонарушение, совершенное должником и его контрагентом по сделке. Контрагент в данном случае имел информацию о финансовом состоянии должника, но тем не менее согласился на сделку, осознавая, что она убыточна для должника [9, с. 3]. Например, объект сделки передан по цене, которая является ниже рыночной. Недостаток этой теории состоит в том, что через правонарушение, совершенное должником и контрагентом, нельзя объяснить подозрительность сделок, совершенных в одностороннем порядке. Г. Ф. Шершеневич также указывает, что заключение такой сделки нарушает интересы кредиторов, которые еще могут не существовать [10, с. 260].

Легальная теория («теория исключительной охраны интересов кредиторов») предполагает, что основанием для оспаривания сделки выступает закон как основание для всех прав и обязанностей. Данная теория основана на обязательственном характере отношений между кредитором и контрагентом должника по возврату имущества. Г. Ф. Шершеневич, критикуя эту теорию, утверждал, что она недостаточно точно описывает общественные отношения в данной сфере [10, с. 270].

Теория исполнительной силы исходит из того, что оспаривание сделок должника — вспомогательное средство исполнения судебного решения. Имущество, которое формирует конкурсную массу в результате оспаривания сделки, позво-

ляет удовлетворить требования кредиторов. Возможность оспаривания сделки обусловлена тем, что совершение подозрительной сделки нарушает интересы кредиторов, поэтому для восстановления их интересов сделка может быть оспорена.

Современная юридическая доктрина описывает две теории оспаривания сделок должника в рамках процедуры банкротства. Согласно субъективной теории, сделки, подлежащие оспариванию, причиняют имущественный вред кредиторам. В свою очередь, объективная теория исходит из того, что при наличии условий для оспаривания (например, определенного периода заключения сделки) она должна быть оспорена. Если в первых редакциях Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ применена только объективная теория, то в дальнейшем введена смешанная система, что позволило в большей степени учитывать положение кредиторов. Кроме того, такой подход позволяет обеспечивать и соблюдение прав должника, защищая его от возможного их ущемления.

С правовой точки зрения в Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ выделены следующие виды сделок, подлежащих оспариванию: подозрительные сделки должника, сделки с предпочтением одному кредитору перед другими. Допускают оспаривание сделок по общим противоправным основаниям (п. 1 ст. 61.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ). В свою очередь, в научной среде можно обнаружить и иные виды оспариваемых сделок. Например, Д. А. Рыков выделил такие виды, как сделки по выводу или уменьшению активов должника, сделки, создающие искусственную кредиторскую задолженность, сделки, которые признают в общем порядке противоправными [11].

У. А. Алыева пишет, что практика применения специальных оснований для оспаривания сделок еще не настолько выработана, как практика использования общих оснований, установленных в ГК РФ. Кроме того, использование специальных оснований предполагает применение повышенных требований к подготовке и квалификации субъекта оспаривания [12, с. 124]. Поэтому К. В. Самышкина обращает внимание на то, что, несмотря на установление законодателем четкого механизма защиты интересов кредиторов, в судебной практике могут возникать спорные вопросы. Это подтверждает необходимость дальнейшего реформирования специального законодательства с учетом нюансов судебной практики [13, с. 634].

Третья особенность оспаривания сделок должника в банкротстве — это сроки, в рамках которых рассматривают подозрительные сделки. Срок исковой давности по оспоримым сделкам в п. 2 ст. 181 ГК РФ составляет год. В свою очередь, в ст. 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ указан срок, равный году или трем годам, который исчисляется от принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия указанного заявления.

Период подозрительности имеет особое значение с учетом того, что недобросовестные должники, прогнозируя возможные трудности с платежеспособностью, могут «выводить» имущество из организации, чтобы оно не было включено в конкурсную массу. Чем ближе момент банкротства, тем больше вероятность того, что недобросовестные должники прибегнут к такой схеме через заключение сделок.

Разница в сроках порой может стать причиной, ввиду которой субъект оспаривания использует то или иное основание для оспаривания сделок. Но, формируя больший срок применения специальных оснований, законодатель стремился в наибольшей степени обеспечить правовые механизмы защиты интересов кредиторов [12, с. 124].

Четвертой особенностью оспаривания сделок должника в банкротстве являются последствия признания сделки недействительной. По общему порядку, предусмотренному в ст. 167 ГК РФ, если сделка будет признана недействительной,

то производится двусторонняя реституция. Все полученное по сделке должно быть возвращено. Если возврат вещи в натуре произвести невозможно, то происходит возврат полученного по сделке в денежном эквиваленте. Но, если применяют положения ст. 61.6 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ, то возвращенное имущество передают в конкурсную массу должника для последующей реализации и удовлетворения требований кредиторов. Если возможность передачи имущества в натуральной форме отсутствует, то осуществляется возврат действительной стоимости имущества на момент его приобретения, при этом возмещают убытки, о которых идет речь в указанной выше ст. 61.6.

Такая особенность обусловлена тем, что должник, находясь в процедуре банкротства, не может произвести реституцию. В связи с этим у покупателя возникает право включения в реестр требований или право предъявления требований к должнику. Основную роль играет момент, с которого возникает реституционное обязательство. С одной стороны, оно возникает с момента признания судом сделки недействительной. Следовательно, возникает недействительность применения реституции. С другой стороны, согласно ст. 167 ГК РФ, все последствия сделки недействительны с момента ее заключения между должником и контрагентом.

Пятая особенность оспаривания сделок должника в банкротстве состоит в применении особых мер по отношению к недобросовестному приобретателю. Согласно ст. 61.6 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ, если сделка признана недействительной, то имущество возвращают в конкурсную массу. В случае оспаривания сделок по основаниям, выделенным в п. 2 ст. 61.2, п. 3 ст. 61.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ, удовлетворение требований покупателя к должнику становится «зарегистрированным» требованием, то есть сначала будут удовлетворены интересы других кредиторов третьей очереди, а затем — интерес покупателя [14, с. 125].

Результаты и обсуждение

Таким образом, нами рассмотрены основные особенности оспаривания сделок должника в банкротстве, согласно Федеральному закону от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ, в сравнении с общим порядком оспаривания сделок, предусмотренным ГК РФ. К этим особенностям отнесены:

- специальный субъект оспаривания сделок;
- применение специальных оснований для оспаривания сделок;
- сроки, в рамках которых рассматривают подозрительные сделки;
- последствия признания сделки недействительной;
- применение особых мер по отношению к недобросовестному приобретателю.

Выводы

С учетом собранных сведений и представленных позиций ученых можно сделать вывод о том, что оспаривание сделок в банкротстве имеет отличия от оспаривания сделок по общему порядку. Наличие этих отличий становится оправданным, поскольку общественные отношения в сфере реализации Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ имеют особенности, прежде всего связанные с таким аспектом, как обеспечение и защиты должника, и имущественных интересов кредиторов. Именно обеспечение защиты интересов кредиторов служит одной из главных целей при банкротстве. Тем не менее на практике применяется смешанный подход, учитывающий и общий порядок оспаривания, и специ-

альный, что свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования особенностей оспаривания сделок должника именно в рамках Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ.

Список источников

1. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 28.12.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 19.04.2023) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/?ysclid=lmew5cjm1q611654155 (дата обращения: 20.04.2023).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 14.04.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/?ysclid=lmew5cjm1q611654155 (дата обращения: 20.04.2023).
3. Якимова Е. С. Некоторые вопросы оспаривания сделок должника при банкротстве // Образование и право. 2020. № 4. С. 199–207. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10428
4. Эрлих М. А. Признание сделок должника недействительными как средство удовлетворения требований кредиторов и восстановления платежеспособности // Законодательство. 2012. № 5. С. 31–40.
5. Карелина С. А. Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства): правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. 2012. № 4. С. 22–26.
6. Молод А. Е. Отдельные проблемы правового регулирования оспаривания сделок должника при банкротстве // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 4. С. 488–491.
7. Хуснутдинов Р. Ф. Оспаривание сделок должника по делу о несостоятельности (банкротстве) как элемент правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства), восстановительного характера // Вестник магистратуры. 2019. № 9-2. С. 120–122.
8. Галеева Д. Д., Старцева С. В. Проблемы оспаривания сделок должника при его банкротстве // Дневник науки: электр. науч. журнал. 2022. № 12. Ст. 109. DOI: 10.51691/2541-8327_2022_12_21
9. Гольмстен А. Х. Юридические исследования и статьи: в 2 т. Т. 2. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1913. 475 с.
10. Шершеневич Г. Ф. Учение о несостоятельности. Казань: тип. ун-та, 1890. 446 с.
11. Рыков Д. А. Недействительность сделок должника в деле о банкротстве: гражданско-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2019. 31 с.
12. Алыева У. А. Проблемы оспаривания сделок по специальным основаниям в делах о банкротстве // Научный альманах Центрального Черноземья. 2022. № 3-2. С. 117–126.
13. Самышкина К. В. Теоретические аспекты института оспаривания сделок должника при банкротстве // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 8. С. 631–635.
14. Корзникова И. В. Проблемы правового регулирования оспаривания сделок должника в деле о банкротстве // Оригинальные исследования. 2023. Т. 13. № 1. С. 125–128.

References

1. On insolvency (bankruptcy). Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ (as amended on December 28, 2022, with amendments and additions, comes into force on April 19, 2023). Konsult'antPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/?ysclid=lmew5cjm1q611654155 (accessed on 20.04.2023). (In Russ.).
2. Civil code of the Russian Federation (Part one): Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on April 14, 2023, with amendments and additions, comes into force on April 28, 2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed on 20.04.2023). (In Russ.).
3. Yakimova E.S. Some issues of contesting the debtor's transactions in bankruptcy. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2020;(4):199-207. (In Russ.). DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10428

4. Erlich M.A. Invalidation of debtor's transaction as a remedy satisfying creditor's claim and restoring the debtor's solvency. *Zakonodatel'stvo = Legislation*. 2012;(5):31-40. (In Russ.).
5. Karelina S.A. Suspicious transactions in the insolvency (bankruptcy) process: Legal problems of challenging. *Predprinimatel'skoe pravo = Entrepreneurial Law*. 2012;(4): 22-26. (In Russ.).
6. Molod A.E. Development of legislation in the field of formation and development of the institution of disputing debtor's transactions in insolvency (bankruptcy). *Skif. Voprosy studencheskoi nauki = Sciff. Issues of Students' Science*. 2020;(4):488-491. (In Russ.).
7. Khusnutdinov R.F. Challenging the debtor's transactions in an insolvency (bankruptcy) case as an element of the legal regulation of insolvency (bankruptcy) relations of a restorative nature. *Vestnik magistratury*. 2019;(9-2):120-122. (In Russ.).
8. Galeeva D.D., Startseva S.V. Problems of challenging a debtor's transactions in his bankruptcy. *Dnevnik nauki*. 2022;(12):109. (In Russ.). DOI: 10.51691/2541-8327_2022_12_21
9. Gol'msten A.Kh. Legal research and articles (in 2 vols.). Vol. 2. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Print.; 1913. 475 p. (In Russ.).
10. Shershenevich G.F. Doctrine of insolvency. Kazan: Kazan University Publ.; 1890. 446 p. (In Russ.).
11. Rykov D.A. Invalidity of the debtor's transactions in a bankruptcy case: Civil legal aspects. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Krasnoyarsk: Siberian Federal University; 2019. 31 p. (In Russ.).
12. Alyeva U.A. Problems of challenging transactions on special grounds in bankruptcy cases. *Nauchnyi al'manakh Tsentral'nogo Chernozem'ya = Scientific Almanac of the Central Black Earth Region*. 2022;(3-2):117-126. (In Russ.).
13. Samyshkina K.V. Theoretical aspects of the institution of challenging the debtor's transactions in bankruptcy. *Voprosy ustoichivogo razvitiya obshchestva*. 2022;(8):631-635. (In Russ.).
14. Korznikova I.V. Problems of legal regulation of challenging the debtor's transactions in the bankruptcy case. *Original'nye issledovaniya (ORIS) = Original Research (ORES)*. 2023;13(1):125-128. (In Russ.).

Информация об авторе

М. О. Денисовский — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the author

M. O. Denisovsky — postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 16.06.2023; одобрена после рецензирования 28.08.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 16.06.2023; approved after reviewing 28.08.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Научная статья

УДК 343.711.3

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-3-431-438

Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным проникновением в жилище

Екатерина Николаевна Косолапова

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия,
cat.cat93@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6279-0402>

Аннотация. С учетом большого количества преступлений, сопряженных с незаконным проникновением в жилище, актуальным представляется рассмотреть применение квалифицирующего признака «незаконное проникновение в жилище» в таких преступлениях, как кража, разбой, грабеж. Цель исследования — проанализировать судебную практику и научную литературу для установления того, как происходит применение квалифицирующего признака «незаконное проникновение в жилище» в ряде преступлений (при совершении кражи, разбоя, грабежа). Автором при этом использованы методы анализа и синтеза. В результате исследования обнаружено, что суды в случае применения квалифицирующего признака «незаконное проникновение в жилище» в таких преступлениях, как кража, разбой, грабеж, уделяют внимание первоначальному умыслу на совершение преступления, связанного с незаконным проникновением в жилище. Научная новизна состоит в том, что выявлена ошибка при квалификации преступления органами предварительного следствия. Правоприменителю важно определить первоначальный умысел на совершение преступления, связанного с незаконным проникновением в жилище, чтобы квалифицировать деяние как кражу (разбой, грабеж) с незаконным проникновением в жилище. По мнению автора, несмотря на то, что Уголовный кодекс РФ содержит закрепленные законом понятия «жилище», «хранилище» и «помещение», на практике могут возникнуть проблемы, связанные с разграничением этих понятий. Во избежание этой ситуации, согласно авторской позиции, государство должно уделять больше внимания вопросу повышения квалификации сотрудников предварительного следствия (в том числе проводить семинары).

Ключевые слова: правоприменитель, преступность, незаконное проникновение в жилище, кража, судебная практика, приговор суда, конкуренция уголовно-правовых норм

Для цитирования: Косолапова Е. Н. Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным проникновением в жилище // Социология и право. 2023. Т. 15. № 3. С. 431–438. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-431-438>

Original article

Problems of qualification of crimes, related to illegal entry into the home

Ekaterina N. Kosolapova

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia, cat.cat93@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6279-0402>

Abstract. Given the large number of crimes involving illegal entry into the home, it seems relevant to consider the application of the qualifying feature “illegal entry into the home” in such crimes as theft, robbery, robbery. The purpose of the study is to analyze judicial prac-

tice and scientific literature to establish how the application of the qualifying feature “illegal entry into the home” in a number of crimes (in the commission of theft, robbery, robbery) occurs. The author used the methods of analysis and synthesis. As a result of the study it was found that the courts, when applying the qualifying feature “illegal entry into the home” in such crimes as theft, robbery, robbery, pay attention to the initial intent to commit a crime involving illegal entry into the home. Scientific novelty consists in the fact that the error in the qualification of the crime by the bodies of preliminary investigation is revealed. It is important for the law enforcer to determine the initial intent to commit a crime associated with illegal entry into a dwelling in order to qualify the act as theft (robbery, robbery) with illegal entry into a dwelling. In the author’s opinion, despite the fact that the Criminal Code of the Russian Federation contains the concepts of “dwelling”, “storage” and “premises” fixed by law, in practice there may be problems associated with the delimitation of these concepts. To avoid this situation, according to the author’s position, the state should pay more attention to the issue of advanced training of preliminary investigation officers (including seminars).

Keywords: law enforcer, criminality, illegal entry into the home, theft, judicial practice, court verdict, competition of criminal-law norms

For citation: Kosolapova E.N. Problems of qualification of crimes, related to illegal entry into the home. *Sociology and Law*. 2023;15(3):431-438. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-431-438>

Введение

В 2022 г. на сайте МВД РФ была опубликована краткая характеристика состояния преступности [1], с учетом которой можно сделать следующие выводы:

- 113 011 краж сопряжено с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище;
- 1 022 грабежа сопряжено с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище;
- 508 разбойных нападений сопряжено с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище.

Всего в 2022 г. в России совершено 1 966,8 тысяч преступлений [1]. Таким образом, число правонарушений, связанных с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище, составляет 1/17 от общего числа преступлений. На наш взгляд, вышеуказанная статистика говорит о достаточной распространенности преступлений, связанных с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище.

Помимо преступлений, связанных с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище, Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) содержит ст. 139 «Нарушение неприкосновенности жилища». В УК РФ представлено два вида преступлений, затрагивающих незаконное проникновение в жилище:

- преступления, связанные с незаконным проникновением в жилище;
- отдельное преступление за незаконное проникновение в жилище.

Учитывая достаточную распространенность преступлений, рассматриваемых в работе, на практике может возникнуть потребность в правильной квалификации ст. 139 УК РФ и преступлений, связанных с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище.

Обзор научно-исследовательской литературы и судебной практики

Чтобы раскрыть вопрос, поставленный ранее в настоящей статье, обратимся к судебной практике и проанализируем литературу.

Так, Саратовским районным судом 19 января 2017 г. вынесен обвинительный приговор [2]. Из анализа его описательно-мотивировочной части можно заключить, что у гражданина Х. возник умысел, направленный на незаконное проникновение в жилище И. и К. Для реализации своей цели гражданин Х. решил привлечь С. и З., сообщив последним о преступном замысле. Реализуя совместный умысел, С., З. и Х. проникли в квартиру И. и К., в которой обнаружили имущество К. Оказавшись в квартире, они решили совершить тайное хищение чужого имущества.

С. и З. признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 139, пунктами «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Такой квалифицированный признак, как «незаконное проникновение в жилище», содержащийся в п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, вышеуказанным преступникам не вменялся. Первоначальный умысел С. и З. направлен на нарушение неприкосновенности жилища, затем указанное нами преступление переросло в другое преступление. В итоге в приговоре суда отсутствует рассматриваемый в работе квалифицирующий признак ст. 158 УК РФ («незаконное проникновение в жилище»).

В литературе отражена аналогичная позиция. По мнению В. В. Сверчкова, если умысел на хищение возник в момент нахождения в жилище, то признак «проникновение» отсутствует [3]. Аналогичные приговоры представлены в Зюзинском районном суде г. Москвы [4], Рудничном районном суде г. Кемерово [5], Центральном районном суде г. Барнаула (Алтайский край) [6].

Рассмотрим другой случай. Районным судом Республики Татарстан установлено, что у гражданина А. возник преступный умысел на совершение тайного хищения чужого имущества, с незаконным проникновением в жилище М. Гражданин А., используя не установленный следствием предмет, взломал дверь квартиры. Получив доступ в квартиру, гражданин А. вынес из нее имущество [7]. Суд признал гражданина А. виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

В данном случае у гражданина А. был первоначальный умысел на совершение кражи с незаконным проникновением в жилище. В ходе преступления он реализовал свой умысел. Как видим, в данном приговоре отсутствует совокупность преступлений со ст. 139 УК РФ, а также присутствует квалифицирующий признак «незаконное проникновение в жилище». Аналогичные приговоры представлены в Чертановском районном суде г. Москвы [8], Зеленогорском районном суде г. Санкт-Петербурга [9], Красноярском районном суде г. Волгограда [10].

Таким образом, первоначальный умысел на преступление, сопряженное с незаконным проникновением в жилище, позволяет квалифицировать деяние как кражу (разбой, грабеж) с квалифицирующим признаком в виде незаконного проникновения в жилище. Аналогичная позиция отражена в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в редакции от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [11].

Из анализа литературы следует, что между таким преступлением, как незаконное проникновение в жилище, и преступлением, связанным с незаконным проникновением, существует конкуренция части и целого. При конкуренции части и целого применяется норма, охватывающая деяние полностью. Данной точки зрения придерживаются И. В. Алешина, Ю. В. Баглай, Э. А. Багун [12], А. Н. Зацепин [13].

Однако в науке существуют и особые точки зрения. Особое мнение находит отражение в работе И. М. Айдиева [14]. Согласно его позиции, при конкуренции ст. 139 и п. «а» ч. 3 ст. 158, п. «в», ч. 2 ст. 161, ч. 3 ст. 162 УК РФ не требуется дополнительной квалификации ст. 139 УК РФ. В качестве примера упомя-

нутый исследователь ссылается на приговор, по которому гражданину Е. предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 139 и ч. 2 ст. 158 УК РФ за кражу личных вещей из квартиры Х. Суд признал гражданина Е. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Из анализа указанных нами приговоров следует, что все преступники совершали преступления умышленно:

- возникал первоначальный умысел на кражу, с незаконным проникновением в жилище;
- либо они с умыслом незаконно проникали в жилище. Находясь в чужом жилище, преступники решали совершить тайное хищение чужого имущества.

Однако неясным остается вопрос о квалификации преступлений, если умысел на хищение возник во время правомерного нахождения в квартире? Представлен ли в данном случае квалифицирующий признак «незаконное проникновение в жилище»? Для ответа на данный вопрос нужно определить значение понятия «незаконное проникновение в жилище».

Из анализа указанных нами приговоров суда следует, что «незаконное проникновение в жилище», по мнению суда, базируется на двух аспектах:

- разрешении владельца на посещение его квартиры;
- осознании нарушителем того, что доступ в указанную квартиру запрещен.

Из постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» можно заключить, что понятие «незаконное проникновение в жилище» означает, что проникновение не согласовано с потерпевшим и противоречит установленному порядку [11]. В научной литературе незаконное проникновение раскрывают как открытое или тайное вторжение в жилище, помещение или иное хранилище с целью грабежа (либо кражи или разбой), совершаемое как с преодолением естественных или искусственных препятствий, так и беспрепятственно, а равно с помощью приспособлений, позволяющих виновному извлекать похищаемые предметы без входа на указанную территорию (например, с помощью удочки) [3].

Таким образом, определенные границы «незаконного проникновения в жилище» прослеживаются. Однако остается не вполне ясным, что понимать под «жилищем». Обратим внимание на то, что УК РФ содержит смежные понятия, которые могут запутать при квалификации деяний. В ст. 158 УК РФ содержатся понятия «хранилище» и «помещение», в ст. 139 УК РФ — понятие «жилище». Под «помещением» понимают строения и сооружения, независимо от форм собственности, предназначенные для временного нахождения людей или размещения материальных ценностей в производственных или иных служебных целях. Под хранилищем понимают хозяйственные помещения, обособленные от жилых построек, участки территории, трубопроводы, иные сооружения независимо от форм собственности, которые предназначены для постоянного или временного хранения материальных ценностей» [15].

В соответствии с законом «жилище — индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания» [15]. А. И. Бойцов [16] в своей работе конкретизирует понятие «жилище». По мнению указанного автора, в понятие «жилище» не входят нежилые помещения, предназначенные для торговых, бытовых и иных нужд непроизводственного харак-

тера, но находящиеся в жилом помещении. Полагаем, позиция А. И. Бойцова противоречит примечанию к ст. 139 УК РФ, в котором указано, что жилище — это индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями.

С учетом того, что понятия, содержащиеся в примечании ст. 139 и 158 УК РФ, являются смежными, на практике возникают проблемы при отграничении кражи с незаконным проникновением в жилище от кражи с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище. Рассмотрим случай из практики. Гражданин М. около 16.00 часов прибыл к жилищу, убедился в отсутствии посторонних лиц и в том, что за его преступными действиями никто не наблюдает, затем через незапертую входную дверь незаконно проник в вышеуказанное помещение и тайно похитил шесть чугунных батарей. Органами предварительного следствия действия гражданина М. квалифицированы как кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище [10].

Государственный обвинитель переквалифицировал деяния гражданина М. с п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ на п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, поскольку дом не обладает признаками жилого помещения. Согласно позиции прокурора, преступник проник в помещение, а не в жилище. Суд согласился с оценкой государственного обвинителя, и гражданин М. получил приговор по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Аналогичный случай отражен в другом судебном решении. В частности, суд переквалифицировал деяние с п. «а» ч. 3 ст. 158 на п. «б» ч. 2 этой же статьи УК РФ [17].

Итак, несмотря на то, что УК РФ содержит закреплённые законом понятия «жилище», «хранилище» и «помещение», на практике могут возникнуть проблемы, связанные с их разграничением. Конечно, нельзя делать глобальный вывод о массовости проблемы из-за ограниченности практики, однако проблема существует.

Проанализируем мнение ученых для выяснения вопроса о том, будет ли представлен квалифицирующий признак «незаконное проникновение в жилище» при правомерном нахождении в квартире. С. А. Елисеева придерживается позиции о том, что если виновный оказался в квартире правомерно, не имея намерения совершить хищение, но затем совершил кражу, грабеж или разбой, квалифицирующий признак «незаконное проникновение» в его действиях отсутствует [18]. Аналогичная позиция отражена у А. Н. Попова [19], А. И. Бойцова [16], А. В. Куликова, Д. В. Перцева, О. А. Шелега [20].

В судебной практике представлена аналогичная позиция. Гражданин А. совершил кражу, находясь в помещении клуба «Нэо». В этот клуб его пригласила девушка. Воспользовавшись тем, что девушка находилась в состоянии алкогольного опьянения, гражданин А. украл у гражданки телефон. Суд квалифицировал действия по ч. 1 ст. 158 УК РФ [21].

На наш взгляд, если бы у гражданина А. был первоначальный преступный умысел на кражу с незаконным проникновением в жилище, то его действия были бы квалифицированы по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Выводы

Таким образом, квалифицирующий признак «незаконное проникновение в жилище» присутствует во время кражи (грабежа или разбоя), если был первоначальный умысел на хищение с незаконным проникновением в жилище. Правоприменителю важно определить первоначальный умысел на совершение преступления, связанного с незаконным проникновением в жилище, чтобы квали-

фицировать деяние как кражу (разбой, грабеж) с незаконным проникновением в жилище.

Несмотря на то, что УК РФ содержит закреплённые законом понятия «жилище», «хранилище» и «помещение», на практике могут возникнуть проблемы, связанные с разграничением данных понятий. Для недопущения такой ситуации считаем, что государство должно повышать квалификацию сотрудников предварительного следствия, в частности проводить семинары, организовывать курсы.

Список источников

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2022 года // МВД России: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 20.02.2023).
2. Приговор суда по ч. 1 ст. 139 УК РФ № 1-11/2017 (1-190/2016;) // Судебная практика. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/202799.html> (дата обращения: 20.02.2023).
3. *Сверчков В. В.* Преступления против собственности. М.: Юрайт, 2023. 210 с.
4. Приговор суда по ч. 1 ст. 139 УК РФ № 1-485/2014 // Судебная практика. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/61719.html> (дата обращения: 20.02.2023).
5. Приговор суда по ч. 1 ст. 139 УК РФ № 1-231/2017 // Судебная практика. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/458715.html> (дата обращения: 20.02.2023).
6. Приговор суда по ч. 1 ст. 139 УК РФ № 1-514/2017 // Судебная практика. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/439995.html> (дата обращения: 20.02.2023).
7. Приговор суда по ч. 1 ст. 139 УК РФ № 1-69/2017 (1-586/2016;) // Судебная практика. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/201426.html> (дата обращения: 20.02.2023).
8. Приговор суда по ч. 1 ст. 139 УК РФ № 01-0051/2016 // Судебная практика. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/105577.html> (дата обращения: 20.02.2023).
9. Приговор суда по ч. 1 ст. 139 УК РФ № 1-46/2020 // Судебная практика. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/551173.html> (дата обращения: 20.02.2023).
10. Приговор суда по ч. 1 ст. 139 УК РФ № 1-76/2017 // Судебная практика. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/367763.html> (дата обращения: 20.02.2023).
11. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 15.12.2022) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/?ysclid=ll1sib0lhf816233289 (дата обращения: 20.02.2023).
12. Уголовное право России. Общая часть / отв. ред. А. И. Плотников. Оренбург: Университет, 2016. 443 с.
13. *Зацепин А. М.* Конкуренция норм уголовного права и квалификация преступлений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 2. С. 84—100.
14. *Айдиев И. М.* Проблемы отграничения нарушения неприкосновенности жилища от смежных составов преступлений // Проблемы экономики и юридической практики. 2007. № 4. С. 112—113.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 27 сентября 2012 г. № 19 // Российская газета. 2012. 3 октября.
16. *Бойцов А. И.* Преступления против собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 775 с.
17. Приговор суда по ч. 1 ст. 139 УК РФ № 1-67/2017 | Нарушение неприкосновенности жилища // Юрконсульт. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-139-uk-rf-narushenie-neprikosnovennosti-zhilischa/prigovor-suda-po-ch.-1-st.-139-uk-rf--1-672017--narushenie-neprikosnovennosti-zhilischa.html> (дата обращения: 21.03.2023).
18. *Елисеев С. А.* Преступления против собственности: курс лекций. Томск: ИД Томского государственного университета, 2018. 194 с.
19. Квалификация преступлений против собственности: учеб. пособие / под ред. А. Н. Попова. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2018. 220 с.

20. Куликов А. В., Перцев Д. В., Шелег О. А. Кражи с проникновением в жилище: уголовно-правовые, криминологические, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты: учеб. пособие. Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета имени И. Канта, 2021. 145 с.
21. Приговор суда по ч. 1 ст. 139 УК РФ № 01-0161/2016 // Судебная практика. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/100905.html> (дата обращения: 20.02.2023).

References

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-December 2022. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (accessed on 20.02.2023). (In Russ.).
2. Court verdict under Part 1 of Art. 139 of the Criminal Code of the Russian Federation No. 1-11/2017 (1-190/2016;). Sudebnaya praktika. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/202799.html> (accessed on 20.02.2023). (In Russ.).
3. Sverchkov V.V. Crimes against property. Moscow: Yurait; 2023. 210 p. (In Russ.).
4. Court verdict under Part 1 of Art. 139 of the Criminal Code of the Russian Federation No. 1-485/2014. Sudebnaya praktika. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/61719.html> (accessed on 20.02.2023). (In Russ.).
5. Court verdict under Part 1 of Art. 139 of the Criminal Code of the Russian Federation No. 1-231/2017. Sudebnaya praktika. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/458715.html> (accessed on 20.02.2023). (In Russ.).
6. Court verdict under Part 1 of Art. 139 of the Criminal Code of the Russian Federation No. 1-514/2017. Sudebnaya praktika. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/439995.html> (accessed on 20.02.2023). (In Russ.).
7. Court verdict under Part 1 of Art. 139 of the Criminal Code of the Russian Federation No. 1-69/2017 (1-586/2016;). Sudebnaya praktika. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/201426.html> (accessed on 20.02.2023). (In Russ.).
8. Court verdict under Part 1 of Art. 139 of the Criminal Code of the Russian Federation No. 01-0051/2016. Sudebnaya praktika. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/105577.html> (accessed on 20.02.2023). (In Russ.).
9. Court verdict under Part 1 of Art. 139 of the Criminal Code of the Russian Federation No. 1-46/2020. Sudebnaya praktika. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/551173.html> (accessed on 20.02.2023). (In Russ.).
10. Court verdict under Part 1 of Art. 139 of the Criminal Code of the Russian Federation No. 1-76/2017. Sudebnaya praktika. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/367763.html> (accessed on 20.02.2023). (In Russ.).
11. On judicial practice in cases of theft, plunder and robbery. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29 (as amended on December 15, 2022). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/?ysclid=ll1sib0lhf816233289 (accessed on 20.02.2023). (In Russ.).
12. Plotnikov A.I., ed. Criminal law of Russia: A common part. Orenburg: Universitet; 2016. 443 p. (In Russ.).
13. Zatsepin A.M. Collision of criminal law norms and classifying crimes. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2014;(2): 84-100. (In Russ.).
14. Aidiev I.M. Problems of delimitation of violation of the inviolability of the home from related offenses. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki = Economic Problems and Legal Practice*. 2007;(4):112-113. (In Russ.).
15. Criminal code of the Russian Federation. Federal law of September 27, 2012 No. 19. Rossiiskaya gazeta. Oct. 03, 2012. (In Russ.).
16. Boitsov A.I. Crimes against property. St. Petersburg: Legal Center Press; 2002. 775 p. (In Russ.).
17. Court verdict under Part 1 of Art. 139 of the Criminal Code of the Russian Federation No. 1-67/2017. Violation of the inviolability of the home. Yurkonsul't. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-139-uk-rf->

- narushenie-neprikosновенности-zhilischa/prigovor-suda-po-ch.-1-st.-139-uk-rf--1-672017--narushenie-neprikosновенности-zhilischa.html (accessed on 21.03.2023). (In Russ.).
18. Eliseev S.A. Crimes against property. Tomsk: Tomsk State University Publ.; 2018. 194 p. (in Russ.).
19. Popov A.N., ed. Qualification of crimes against property. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; 2018. 220 p. (In Russ.).
20. Kulikov A.V., Pertsev D.V., Sheleg O.A. Home burglaries: Criminal law, criminological, criminal procedure and forensic aspects. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University Publ.; 2021. 145 p. (In Russ.).
21. Court verdict under Part 1 of Art. 139 of the Criminal Code of the Russian Federation No. 01-0161/2016. Sudebnaya praktika. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/100905.html> (accessed on 20.02.2023). (In Russ.).

Информация об авторе

Е. Н. Косолапова — аспирант; 119017, Москва, Новокузнецкая ул., д. 16, стр. 10.

Information about the author

E. N. Kosolapova — postgraduate student; 16 Novokuznetskaya st., bldg. 10, Moscow 119017, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 19.04.2023; одобрена после рецензирования 08.06.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 19.04.2023; approved after reviewing 08.06.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Научная статья

УДК 343.3/7

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-3-439-447

К вопросу об обстоятельствах, отягчающих наказание при совершении преступления, предусмотренного статьей 243⁴ УК РФ

Николай Олегович Селиверстов

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,

Kolvandor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0611-7475>

Аннотация. В статье изучены проблемные теоретические вопросы применения уголовного закона в случае наличия обстоятельств, отягчающих наказание при уничтожении либо повреждении воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России, согласно ст. 243⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). В частности, исследуются наиболее распространенные обстоятельства, отягчающие наказание при совершении деяния, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ, а именно: в случаях рецидива преступлений, наступления тяжких последствий, совершения преступления в период мобилизации. Автором применены методы статистического, системного и сравнительно-правового анализа, формальной логики. Утверждается, что признание рецидива преступления не влияет на общественную опасность деяния, но данное обстоятельство необходимо учитывать при пенализации для назначения справедливого наказания исходя из личности преступника. Предложена авторская классификация тяжких последствий, которые следует учитывать в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ. Критике подвергается ряд аспектов такого обстоятельства, отягчающего наказание, как совершение преступления в период мобилизации, особенно в отношении неосторожных преступлений. Автор приходит к выводу об оправданности учета совершения преступления в период мобилизации применительно к ст. 243⁴ УК РФ. Это положительно отразится на практике назначения уголовного наказания за преступление против исторической памяти о погибших при защите Отечества, тем более что цель назначения справедливого наказания — в том числе и предупреждение совершения общественно опасных деяний.

Ключевые слова: обстоятельства, отягчающие наказание, защита Отечества, рецидив, тяжкие последствия, мобилизация, историческая память, воинские захоронения

Для цитирования: Селиверстов Н. О. К вопросу об обстоятельствах, отягчающих наказание при совершении преступления, предусмотренного статьей 243⁴ УК РФ // Социология и право. 2023. Т. 15. № 3. С. 439–447. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-439-447>

Original article

On the issue of circumstances, aggravating punishment in the commission of crime, under Article 243⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation

Nikolay O. Seliverstov

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

St. Petersburg, Russia, Kolvandor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0611-7475>

Abstract. The article studies problematic theoretical issues of application of the criminal law in case of presence of circumstances aggravating punishment in case of destruction or damage of military burial places, as well as monuments, steles, obelisks, other memorial structures or objects perpetuating the memory of those who died in defense of the Fatherland or its interests or dedicated to the days of military glory of Russia, according to article 243⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation (CC RF). In particular, the most common circumstances aggravating punishment in committing an act under article 243⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation are investigated, namely: in cases of recidivism of crimes, occurrence of grave consequences, committing a crime during mobilization. The author applied the methods of statistical, systemic and comparative legal analysis, formal logic. It is argued that the recognition of recidivism of a crime does not affect the social danger of a deed, but this circumstance should be taken into account in penalization for the appointment of fair punishment based on the personality of the offender. The author's classification of grave consequences to be taken into account in the case of committing an offense under Art. 243⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed. A number of aspects of such a circumstance aggravating punishment as committing a crime during mobilization, especially in relation to negligent crimes, are criticized. The author concludes that it is justified to take into account the commission of a crime during mobilization in relation to article 243⁴ of the Criminal Code of the RF. This will have a positive impact on the practice of imposing criminal punishment for a crime against the historical memory of those who died in defense of the Fatherland, especially since the purpose of imposing a just punishment — including the prevention of committing socially dangerous acts.

Keywords: aggravating circumstances, defense of the Fatherland, recidivism, grave consequences, mobilization, historical memory, military burial places

For citation: Seliverstov N.O. On the issue of circumstances, aggravating punishment in the commission of crime, under Article 243⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation. *Sociology and Law*. 2023;15(3):439-447. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-3-439-447>

Введение

В последние несколько лет произошло значительное увеличение общественно опасных деяний, направленных на уничтожение либо повреждение воинских захоронений и иных мемориальных объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества. Данное посягательство, к сожалению, получило распространение не только на территории России, но и на территории других стран. Его высокая общественная опасность и распространенность потребовали от законодателя принятия мер уголовно-правового регулирования. Так, Федеральным законом от 7 апреля 2020 г. № 112-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) введена статья 243⁴ УК РФ, которая устанавливает уголовную ответственность за уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России.

Совершение преступления при наличии отягчающих наказание обстоятельств в значительной мере влияет на степень общественной опасности деяния и назначение наказания преступнику. Наказание в правовом государстве является крайней репрессивной мерой воздействия на лицо, совершившее преступление. Уголовное наказание значительно ограничивает права осужденного и в крайней степени своего проявления лишает человека свободы. Фактически осужденный выпадает на тот или иной срок из социальной жизни общества. Однако данная мера воздействия необходима обществу и государству для реализации более важ-

ной цели, чем права осужденного, а именно для предупреждения общественно опасных деяний и восстановления социальной справедливости. В связи с выполнением этой цели возникает вопрос о необходимости разграничения мер уголовно-правового воздействия. К мерам разграничения уголовно-правового воздействия относятся и обстоятельства, отягчающие наказание, исчерпывающий перечень которых приведен в ст. 63 УК РФ. Учет отягчающих обстоятельств в рамках пенализации — сложный процесс, а их широкий перечень свидетельствует о важной роли таких обстоятельств в пенализации [1, с. 2].

Преступление, предусмотренное ст. 243⁴ УК РФ, относится к малоизученным в теории уголовного права, поскольку криминализация данного деяния произошла недавно. Однако количество регистрируемых преступлений свидетельствует о росте данных общественно опасных деяний. В частности, в 2020 г. зарегистрировано три преступления, предусмотренных ст. 243⁴ УК РФ, в 2021 г. — 21, а в 2022 г. — 121¹. Таким образом, в 2021 г. прирост регистрируемых преступлений составил 600 % по сравнению с предыдущим периодом, в 2022 г. — 426,2 %. Подобный взрывной рост количества преступлений как таковой актуализирует исследование данного состава. Особый интерес вызывает изучение обстоятельств, отягчающих наказание при совершении преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ, в целях совершенствования разграничения мер уголовно-правового воздействия на преступника. В настоящем исследовании полагаем необходимым рассмотреть наиболее распространенные обстоятельства, отягчающие наказание при совершении преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ, а именно:

- 1) рецидив преступлений;
- 2) наступление тяжких последствий в результате совершения преступления;
- 3) совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

Теория

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания. К последним необходимо отнести метод системности, анализа и сравнительно-правовой. Исследованию отягчающих наказание обстоятельств в последние годы посвящают свои труды такие ученые, как К. А. Долгополов, А. П. Кузнецов, Л. В. Горбунова, И. В. Жидких, Э. Г. Шкредова, Т. Г. Понятовская, С. Р. Микаутадзе и др. Изучению преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ, уделяют внимание К. А. Костюкевич, А. А. Хан, И. В. Пантюхина, В. В. Бычков, А. С. Жикулина и др.

В научной литературе обстоятельства, отягчающие наказание, рассматриваются как средство дифференциации уголовной ответственности и наказания. Возникают вопросы соотношения и конкуренции квалифицирующих признаков преступления и отягчающих наказание обстоятельств. Зачастую критикуют положения уголовно-правовой доктрины относительно закрытости перечня отягчающих наказание обстоятельств. Особое внимание уделяют ошибкам при учете

¹ Статистические сведения формы № 1-ЕГС «Единый отчет о преступности», введенные в действие приказом Генерального прокурора РФ от 25 декабря 2019 г. № 902 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС Единый отчет о преступности». Данные предоставлены по состоянию на 1 июня 2023 г.

отягчающих обстоятельств, которые, в свою очередь, ведут к нарушению принципа справедливости в уголовном праве.

В трудах ученых в контексте изучения ст. 243⁴ УК РФ нашли отражение важные аспекты, в частности проблемы регламентации и толкования деяния, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ. Подробно изучен предмет преступления, а также проведен уголовно-правовой анализ данного состава. Однако комплексное исследование, посвященное обстоятельствам, отягчающим наказание при совершении преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ, сегодня не представлено в научных работах.

Обсуждение и результаты

В качестве одного из отягчающих обстоятельств уголовный закон определяет рецидив преступлений. Наиболее удачным, на наш взгляд, является научное определение рецидива преступлений: это — «наиболее опасная разновидность множественности преступлений, свидетельствующая о совершении лицом нескольких уголовно наказуемых деяний, отбытии им наказания полностью или частично, наличии судимости, нежелании виновного вести общественно полезный образ жизни и соблюдать требования уголовных законов» [2, с. 54]. Законодатель разделяет рецидив на несколько категорий. Согласно ст. 18 УК РФ рецидив может быть простым, опасным и особо опасным, в зависимости от количества и тяжести преступления, за которое лицо ранее осуждено к реальному сроку лишения свободы.

Преступление, предусмотренное ст. 243⁴ УК РФ, является умышленным ввиду указания законодателем специальной цели совершения общественно опасного деяния. Данное общественно опасное деяние квалифицируется как преступление средней тяжести, согласно ст. 15 УК РФ, поскольку преступление может быть совершено только в форме умысла, а градация максимального наказания составляет три года лишения свободы, по ч. 1 ст. 243⁴ УК РФ, и пять лет лишения свободы — по ч. 2 ст. 243⁴ УК РФ. По причине признания ст. 243⁴ УК РФ умышленным общественно опасным деянием средней тяжести при рассмотрении дела в суде должны учитываться обстоятельства наличия предыдущей судимости у преступника за умышленное общественно опасное деяние и его осуждение к реальному лишению свободы. В таком случае суд обязан признать рецидив преступлений и учитывать данное обстоятельство при назначении справедливого наказания. В целом нельзя в полной мере утверждать, что рецидив преступлений каким-то образом повышает общественную опасность деяния, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ. Само по себе преступление обладает определенной степенью общественной опасности, и личность преступника, его совершившего, не может ее повысить. Можно привести следующий пример. Если ранее осужденное лицо за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, отбыв реальный срок наказания, совершит преступление, предусмотренное ст. 243⁴ УК РФ, то последствия для охраняемых уголовным законом общественных отношений не изменятся. Последствия будут одинаковыми, если данное преступление совершит ранее не судимый человек. Однако отрицательная оценка преступления, исходя из принципа справедливости, обязана учитывать не только характер преступления, но и особенности личности виновного [3, с. 726]. Исходя из законодательных норм уголовного права, при признании рецидива в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ, виновному не может быть назначено менее одной трети срока максимального размера наказания, предусмотренного санкцией уголовно-правовой нормы.

На наш взгляд, преступления против общественной нравственности в сфере исторической памяти резко отличаются от многих других видов умышленных общественно опасных деяний (например, преступлений насильственного характера). Рецидив преступления — важный аспект пенализации. Однако, на наш взгляд, особое внимание необходимо обращать на рецидивность тождественных преступлений, на так называемый специальный рецидив, от которого законодатель в значительной степени отказался. Указание на специальный рецидив отражено в нормах, защищающих половую неприкосновенность несовершеннолетних. Однако такое указание дано в качестве квалифицирующего признака преступления, и оно не имеет отношения к нормам Общей части уголовного права. Полагаем, особое внимание необходимо обращать именно на рецидив тождественных преступлений. К подобному мнению приходит С. В. Карташов, который критикует исключение из норм уголовного права такого квалифицирующего признака, как наличие судимости за совершение подобного преступления [4, с. 113]. С нашей точки зрения, для совершенствования справедливости пенализации целесообразно рассмотреть вопрос о появлении в нормах уголовного права понятия специального рецидива при совершении преступником тождественных общественно опасных деяний в области преступлений против исторической памяти.

Тяжкие последствия, как обстоятельство, отягчающее наказание в уголовном праве РФ, традиционно считаются оценочной категорией, поскольку законодательное определение перечня таких последствий отсутствует. Наличие тяжких последствий определено судом, исходя из обстоятельств того или иного совершенного преступления. Для установления наступления тяжких последствий необходимо определить наличие причинно-следственной связи между совершенным общественно опасным деянием и дополнительными тяжкими последствиями, наступившими в результате его совершения.

Тяжкие последствия, как обстоятельство, отягчающее наказание, может быть применимо судом лишь в случае отсутствия подобного квалифицирующего признака в норме статьи Особенной части УК РФ. Применимо к ст. 243⁴ УК РФ подобный квалифицирующий признак преступления отсутствует. Следовательно, наступившие тяжкие последствия в результате совершения преступления должны быть учтены судом в случае установления причинно-следственной связи между совершенным преступлением, предусмотренным ст. 243⁴ УК РФ, и наступившими последствиями ввиду того, что тяжкие последствия — оценочная категория, связанная с последствиями совершенного общественно опасного деяния. Определение содержания последствий преступления напрямую зависит от правоприменителя, что неизбежно повышает риск судебной ошибки [5, с. 239]. Для исключения возможных ошибок правоприменительной практики считаем необходимым провести теоретический анализ возможных вариантов наступления тяжких последствий за преступление, предусмотренное ст. 243⁴ УК РФ.

Зачастую при посягательстве на предмет преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ, страдают исторические и культурные ценности, имеющие значительную ценность в качестве произведения искусства. Фактически их материальную стоимость выразить невозможно ввиду «бесценности» произведений искусства. Таким образом, тяжким последствием данного преступления можно считать наступление крупного ущерба или уничтожение особо ценного произведения искусства.

В случае посягательства на предмет преступления религиозного характера, увековечивающий память о погибших при защите Отечества, могут наступить такие тяжкие последствия, как оскорбление религиозных чувств верующих.

Это последствие может наступить даже в случае отсутствия у преступника умысла на оскорбление чувств.

Преступление, предусмотренное ст. 243⁴ УК РФ, является резонансным и общественно опасным деянием, которое затрагивает неопределенный круг лиц. В связи с чем данное преступление может вызвать волнение в обществе и даже послужить поводом для массовых беспорядков. Особое негативное влияние преступление, предусмотренное ст. 243⁴ УК РФ, может оказать на психику, эмоциональное состояние и здоровье родственников, погибших военнослужащих, на захоронения которых совершено посягательство, или на мемориальные объекты, воздвигнутые в память о них.

С учетом изложенного, полагаем, можно определить следующие виды тяжких последствий при совершении преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ:

- 1) причинение крупного ущерба;
- 2) повреждение или уничтожение особо ценного произведения искусства;
- 3) оскорбление религиозных чувств верующих;
- 4) наступление массовых беспорядков в результате совершения преступления;
- 5) наступление вреда здоровью близких погибших военнослужащих, на захоронения которых совершено посягательство, или на мемориальные объекты, воздвигнутые в память о них.

Безусловно, ввиду оценочной категории «тяжкие последствия» данный перечень нельзя считать исчерпывающим, их определение в том или ином преступлении относится к полномочиям суда. Наиболее актуальным обстоятельством, отягчающим наказание, служит новелла уголовного права, указанная в п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ (совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий). Дополнения, внесенные законодателем относительно введения в перечень обстоятельств, отягчающих наказание в период мобилизации, встретили критические отзывы ряда ученых-правоведов. Исходя из содержания данной уголовно-правовой нормы, становится понятным, что суд при пенализации любого совершенного общественно опасного деяния, независимо от категории преступления, от формы умысла, должен принять во внимание обстоятельство, отягчающее наказание, если оно совершено в период мобилизации.

Указом Президента России от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» в нашей стране с 21 сентября 2022 г. объявлена частичная мобилизация, а следовательно, с этого момента начался период мобилизации. Время окончания данного периода не установлено, и поэтому период мобилизации будет продолжаться до тех пор, пока о его завершении (отмене) не будет объявлено соответствующим Указом Президента России [6, с. 35]. Приведенная позиция законодателя, как нам кажется, слишком категорична, особенно при назначении наказания за неосторожные преступления. Возможно, для обеспечения принципа гуманизма необходимо проработать перечень преступлений, относительно которых данное обстоятельство должно быть применено в качестве отягчающего. Так как общественная опасность ряда умышленных преступлений, особенно против военной службы, в области обеспечения государственного оборонного заказа и т. д. значительно повышается в случае их совершения в период мобилизации, считаем необходимым учитывать данное обстоятельство при назначении наказания, но не для всех категорий общественно опасных деяний. Вместе с тем относительно ст. 243⁴ УК РФ обстоятельство, отягчающее наказание, предусмотренное п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ, на наш взгляд,

должно применяться в полной мере. Тем более что посягательство на историческую память о погибших при защите Отечества, особенно в период военного положения, мобилизации и т. д., способствует дестабилизации обстановки в обществе и несет повышенную общественную опасность. Таким образом, считаем необходимым создание перечня преступлений, в отношении которых рассматриваемое отягчающее обстоятельство должно быть применено, с включением в его список нормы права, предусмотренной ст. 243⁴ УК РФ.

Выводы

Назначение более строгого уголовного наказания за преступление, предусмотренное ст. 243⁴ УК РФ, при признании рецидива преступлений — оправданный шаг при пенализации. Рецидив не повышает общественную опасность деяния, но является необходимым фактором ужесточения уголовной ответственности, исходя из свойств личности преступника. Ввиду наличия широкого общественного резонанса в случаях посягательств на историческую память о погибших при защите Отечества считаем целесообразным рассмотреть вопрос о признании категории «специальный рецидив» по аналогии с посягательствами, направленными на половую неприкосновенность несовершеннолетних. Признание специального рецидива должно способствовать назначению более справедливого уголовного наказания и предупреждать совершение подобных преступлений в дальнейшем, особенно среди преступников, которые уже совершали преступления против исторической памяти.

Представленная выше классификация тяжких последствий, наступающих при совершении преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ, является авторским видением данной оценочной категории в случае этого общественно опасного деяния. Данная квалификация, на наш взгляд, может стать основой при дальнейшем совершенствовании конструкции ст. 243⁴ УК РФ с возможным дополнением в нее особо квалифицированного состава в виде наступления тяжких последствий. Такое решение способствовало бы более совершенной уголовно-правовой защите наиболее значимых для истории и культуры памятников, установленных в честь погибших при защите Отечества.

Включение в перечень тяжких последствий такой категории, как совершение преступления в период мобилизации, видится спорным решением. Особенно, если речь идет о неосторожных преступлениях. Для реализации принципа справедливости следует разработать перечень преступлений, к которым может быть применено данное отягчающее обстоятельство. Однако применение последнего в качестве отягчающего наказания за посягательство, предусмотренное ст. 243⁴ УК РФ, будет вполне оправданным, поскольку в этой ситуации мы рассматриваем категории памяти о погибших воинах, защищавших Отечество. На наш взгляд, посягательства на общественную нравственность в сфере исторической памяти в сложный для государства период, могут способствовать распространению негативных настроений в обществе, что особенно опасно во время проведения боевых действий и мероприятий, связанных с ними.

Подводя итог, дополним, что нами исследована лишь небольшая часть отягчающих наказание обстоятельств совершения преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ. Однако актуальность подобных исследований подтверждается статистическими данными о возрастающем количестве посягательств, направленных на историческую память. В дальнейшем необходимо более глубокое изучение сути преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ, как и в целом обстоятельств, отягчающих наказание при его совершении.

Список источников

1. Буранов Г. К. Отягчающие наказание обстоятельства в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. 29 с.
2. Коломытцев Н. А. Проблемы противодействия рецидиву преступлений: традиции и современность // Вестник Кузбасского института. 2019. № 4. С. 49–60.
3. Дядюн К. В. Принципы гуманизма и справедливости в свете назначения наказания за рецидив преступлений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 724–733. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(4).724-733
4. Карташов С. В. Общественная опасность рецидива преступлений // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 13. С. 111–121. DOI: 10.20310/2587-9340-2020-4-13-111-121
5. Пронина М. П. Юридическая техника законодательного описания последствий преступления // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2016. Т. 1. № 2. С. 235–240.
6. Сенцов А. С., Волколупова В. А., Волколупов В. Г. Основные направления дальнейшего совершенствования нового уголовного законодательства, принятого в условиях проведения специальной военной операции на Украине // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4. С. 35–42. DOI: 10.25724/VAMVD.A052

References

1. Buranov G.K. Aggravating circumstances in the criminal law of Russia. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University; 2002. 29 p. (in Russ.).
2. Kolomytsev N.A. The issues of counteracting with resurgence crimes: Past and present trends. *Vestnik Kuzbassskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*. 2019;(4):49-60. (In Russ.).
3. Dyadyun K.V. Principles of humanism and justice in the appointment of punishment for repeat offences. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2015;9(4):724-733. (In Russ.). DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(4).724-733
4. Kartashov S.V. Public danger of crimes relapse. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*. 2020;4(13):111-121. (In Russ.). DOI: 10.20310/2587-9340-2020-4-13-111-121
5. Pronina M.P. Legal technique of legislative description of crime consequences. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatischev*. 2016;1(2):235-240. (In Russ.).
6. Sentsov A.S., Volkolupova V.A., Volkolupov V.G. The main directions of further improvement of the new criminal legislation adopted in the context of a special military operation in the Ukraine. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Vestnik. Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia*. 2022;(4):35-42. (In Russ.). DOI: 10.25724/VAMVD.A052

Информация об авторе

Н. О. Селиверстов — адъюнкт адъюнктуры, кафедра уголовного права; 198206, Санкт-Петербург, Летчика Пилутова ул., д. 1.

Information about the author

N. O. Seliverstov — adjunct, Department of Criminal Law; 1 Letchika Pilyutova st., St. Petersburg 198206, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 19.06.2023; одобрена после рецензирования 28.07.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 19.06.2023; approved after reviewing 28.07.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Требования к оформлению рукописей статей, публикуемых в научном журнале «Социология и право»

1. Рукопись должна содержать:

- 1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.
- 1.2. Название статьи на русском и английском языках.
- 1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.
- 1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные запятой.
- 1.5. Библиографический индекс УДК.
- 1.6. Сведения об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, адрес электронной почты и ORCID id автора (при наличии); ученая степень, ученое звание, должность, почетное звание.

1.7. Список литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает в себя 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегель) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (иных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В тексте номер источника в списке указывается в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежутки страниц приводятся через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монографии, учебника и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из сети Интернет или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

The Basic Requirements to script submissions for publishers of ‘Sociology and Law’

1. Contents

- 1.1. Author's full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), e-mail, ORCID id, degree, academic rank, position and honors.
- 1.7. List of references.

2. Text layout

2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author's sheet (1 author's sheet includes 40,000 typographical units with gaps).

2.2. The text should be MS Word format:

- page size — A4;
- borders — 2 cm;
- type — Times New Roman;
- size — 14;
- line space — 1,5;
- paragraph indentation — 1 cm;
- text alignment — edgewise;
- page numbering — at the right bottom of the page.

2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.

2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using commas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].

3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to journal, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading. Ex.: Pic. 1. The distribution of migration flow in developing countries. There should be references for every picture in the text. Ex.: (pic. 5).

4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).

4.3. The size of illustrations shouldn't be less than published in the article.

4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than 3.

